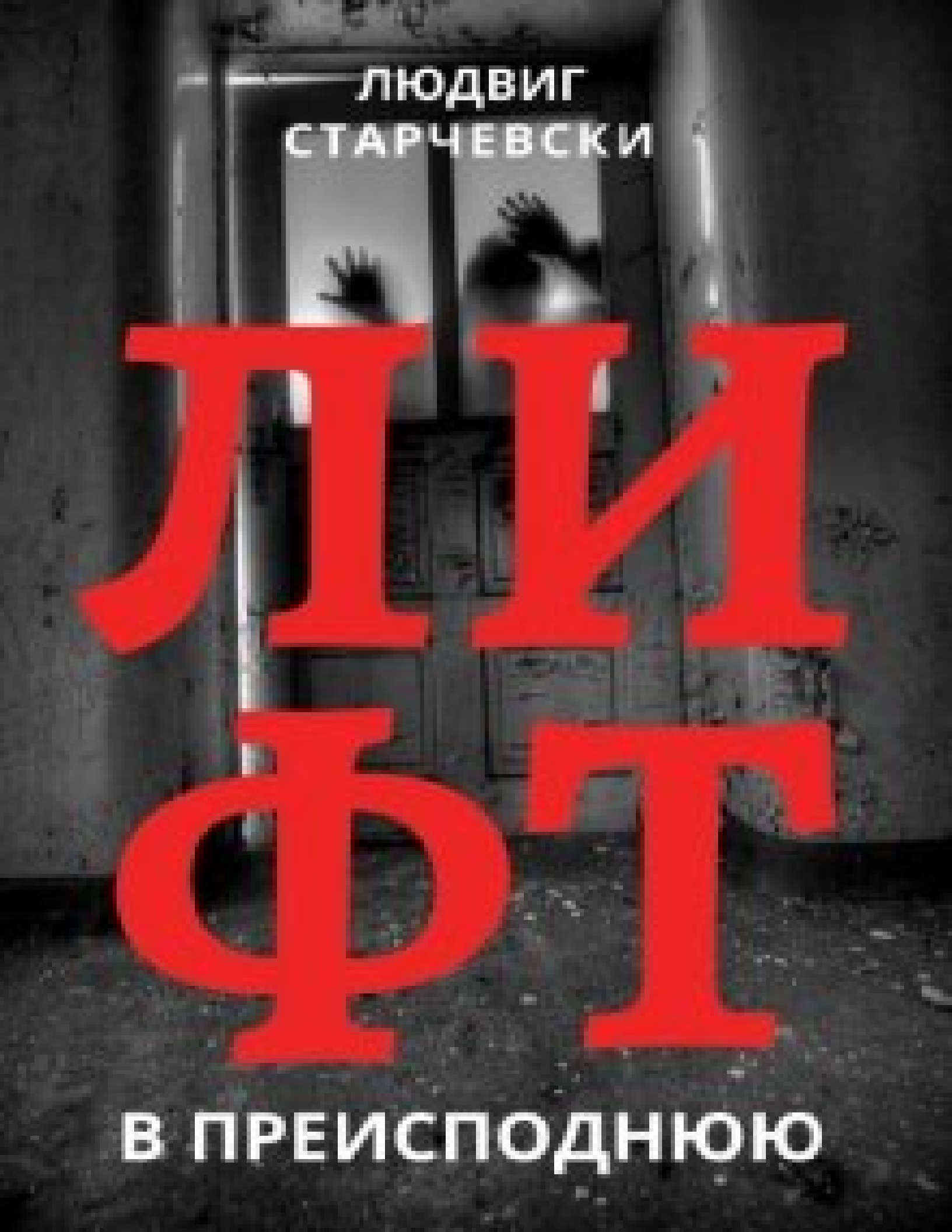
ЛЮДВИГ
СТАРЧЕВСКИ
ЛИФТ
В ПРЕИСПОДНЮЮ

Annotation

Если вы любите истории про зомби-апокалипсис, но вам надоело читать одно и то же в каждой книге, «Лифт в преисподнюю» отлично вам подойдёт. Это книга о выживании семьи во время зомби-апокалипсиса. Место действия — небольшой российский городок, куда не пришла никакая помощь. Люди предоставлены сами себе. И создаётся ощущение, что они и есть последние выжившие. Новый мир наполнен разными монстрами, а не только привычными тупоголовыми зомби. Здесь выжить ещё сложнее. Герои вынуждены исследовать этот мир и встретиться лицом к лицу с его опасностями.

- Дверь
- Вторая дверь
- Улица
- Есть кто-нибудь?
- Пятая дверь
- Кушай, зайка
- План
- Бывший человек
- Помойка
- Поднимайся наверх
- Третий
- Пьяный дракон
- Первый ручеёк
- Последний день
- Семьдесят седьмая
- Круглые камни
- Скляночки
- Куча тряпья
- Кляп
- Банки
- Сменное бельё
- Странная семья

- Аппетит
- Странные бывшие
- Витя и Лена
- Дно
- Свой дом
- Водитель
- Рыбак
- Я сейчас вернусь
- Острый металл
- Хлорка
- Никак, никогда, никто
- Закон хорошего коктейля
- Если ты соберёшься умереть
- Мёртвые глаза встретились с живыми
- Как-то кошмарненько
- Просто звук ветра
- Он не делал попыток встать
- С тобой что-то не так
- Водить умею я
- Калека
- «Бывший» с рыжей бородой
- Лишние люди
- Спирали
- Чибрики
- Фигуры тьмы
- Головоломочка разобралась
- Безлюдье, солнце и лайки
- Центральное телевидение
- Э!
- История в трёх банках
- Песнь сока
- Нежизненный опыт
- Шорты. Гольфы. Берцы
- Оружие
- Что-то противно-злое
- Люди с серьёзными глупыми лицами
- Звуки пустоты

- Странные законы огня
- Сокопускание
- Дурная больнота
- Лёгкость смирения
- Ничтошум
- Переломанные пальцы
- Фигня у этих русских
- Время полураспада
- Их армия — это мы
- Подгнившие нейроны
- Небезопасный пассажир
- Прыжки в нечеловеческом стиле
- В поисках убийственных предметов
- Жужжалка

Дверь

Саша следил за огненным шаром из окна. И ненавидел его. Без солнца теперь становилось совсем плохо. Чем меньше света, тем больше какой-то странной черноты. Не тьмы — черноты.

«Расстановка сил» не зависела от ночи и дня. «Бывшие» и под солнцем себя чувствовали прекрасно. Но шума производили меньше. От этого ощущение сумасшествия немного угасало. Сумашествия из-за трехмесячного заточения в двухкомнатной квартире. Но он знал — жить оставалось недолго.

Саша закрыл входную дверь в квартиру в августе. Сейчас конец ноября. Впервые за несколько дней не шёл дождь. В квартире было холодно и сыро. Еда закончилась вчера. Воды два стакана. Что делать? Ясно, что делать. Саше нужно открыть дверь.

Третий этаж. На каждом по четыре квартиры. Сколько Их там может оказаться? Если все жильцы были дома, когда «обрели себя», то минимум двадцать два трупа. Которые ходят. Ждут или ищут. Таких как Саша. И таких, как его жена и сын, Марина и Миша, ещё живых.

Они сидели на диване, укутавшись в одеяла и старый плед. У противоположной стены от выхода на балкон. Марина смотрела в пол. Она знала, что её мужу придётся выйти на улицу, чтобы найти еды. Поэтому в глаза другим осмеливался смотреть только Саша. Миша ещё не понимал толком, что происходит, а Марине было не по себе. Ведь приходилось любимого человека отправлять за железную дверь. Это казалось равносильным тому, что ты сам должен туда выйти. Но только в некотором смысле «равносильным». Если ты не выходишь сам, то просто не находишь себе места. Волнуешься, плачешь, наверное, что-то ещё. А если за дверь идёшь ты, то там, определенно, ощущения другого рода. И представить их довольно сложно, потому что и здесь-то, в квартире, всем правит страх. Тяжелый страх из-за отсутствия вариантов.

Храбриться перестали в октябре. Когда не появилось никаких спасателей, людей с автоматами, голосов и громкоговорителей. Или просто вертолета. Который бы пролетел невысоко над домами и улетел

в свои дали. Совершенно понятно, что бы это значило. Но никого не было. А это значило совершенно другое.

Саша оказался не дурак. Точнее, дураком его считали друзья, коллеги, даже жена. Они думали так до определенного момента. Не долго. Пока цивилизация, пошатнувшись, не рухнула на самое бездонное дно.

На это ушло три дня.

И пока одни, рискуя заразиться, набивали сумки в магазинах, Саша сидел дома и кипятил воду. Он догадывался, что её не стоит пить сырой, и понимал, что скоро водопровод отключат вовсе. Благодаря случайности или счастливому стечению «случайностей» у него получилось подготовиться к вынужденной изоляции и запастись многим необходимым. Теперь Саша и его семья начали ждать, когда цивилизация поднимется со своего дна, чтобы они могли влиться в неё.

Никто не поднялся. Никто не приехал и даже не пришёл. После трёх дней суматохи началась тишина. Относительная, разумеется. Но в плане социального шума — абсолютная...

Саша не знал, чем ему сейчас заняться. Пройтись по комнате, подойти к жене и сыну или так и стоять у окна? Нет, от окна лучше отойти, могут заметить. Так загрызли семью из дома через дорогу.

Теперь возле окон старались вести себя аккуратнее.

Саше надоело стоять, и он сел на край дивана:

— Что «бывшие» там едят? Все же умерли или «обрели себя». Получается, им есть нечего должно быть! — начал шептать он жене.

В основном старались разговаривать шёпотом.

— Некого, то есть, — едва слышно поправила его Марина.

— Да. Но по сути-то они не мертвые, а «живые по-другому». Урезанная версия человека.

Марина ничего ему не ответила.

— Может быть, они друг друга едят? Ну «сильный слабого» и всё в таком духе? — неожиданно предположил Саша и взглянул на жену.

— Ты смеёшься? Тогда бы всё очень быстро закончилось.

— Ну, нет. Мы же не знаем, что происходило с трупами.

— В каком смысле? Что с ними могло происходить кроме того единственного из возможного, что и случилось? — удивилась она.

— Нет, не обязательно. Вот загрызли, например, «бывшие» одного человека. Перегрызли шею, выпотрошили так, что его кишки по всей округе разбросаны. И вот что происходит с ним дальше?

— Как что? Он умер. Всё, привет, небеса! — Марина посмотрела на мужа так, как будто он забыл буквы алфавита.

— Нет, а что если этот человек потом тоже «встает»?

— Но он же мертвый!

— А все остальные, значит, живые? — Саша начинал злиться.

— Ну, как-то да, более активные особи получаются, если не потрошить их сразу! — передразнила она его.

— А может не в этом дело? Вдруг у «бывших» всё как-то иначе работает? Ну, например, не обязательно, чтобы кровь по венам бежала! Может по ним какие-то паразиты ползают. Или черви. — Саша даже замолчал на секунду, а потом воскликнул. — Да, вместо крови какие-нибудь черви! Нет, ты просто представь. И вот эти паразиты развиваются и «поднимают на ноги» трупы. И они ходят. Ищут еду.

— Но мы как раз обсуждаем то, что они ищут еду, которой уже нет. А булки печь «бывшие» не умеют!

— Ну, возможно, когда двое этих «мертвоходов» встречаются, они могут «договориться». Назовем это заключением соглашения о том, что они вместе станут жить в одном теле, а другое сожрут.

— А-а-а.

— Ну, помнишь мы видели в окно! Когда «гончий» долго терся об одного «первого», а потом взял на руки и куда-то унёс. Я просто постоянно наблюдаю за тем, что происходит на улицах. Не могу объяснить, но, мне кажется, там всё не так примитивно, как нам показывали в разных историях. Это не просто вот какие-то чудовища, которые могут только убивать людей. Я вижу в них нечто большее, но ещё не могу понять, что конкретно.

***

«В аптечке, в принципе, все есть. Значит, за лекарствами в этот раз идти не придется. Магазин рядом — метров сто от дома. Двери точно будут открыты, кто их мог закрыть в те дни? Значит, будем исходить из того, что стекло там бить не придется. Иначе конец».

Саша посмотрел в окно. Солнце ушло, и темнота уже вползала в его дом. Скоро станет совсем холодно.

«Захожу в магазин, — продолжил он размышлять. — Сразу справа холодильники с пивом, они стоят в ряд до кассы. Слева «морозилки» для мороженого, мяса и чего-то ещё. Их две и между ними узкие проходы влево к витрине с алкоголем, чуть правее сок и минеральная вода. Значит мне сразу нужно туда. Но где же там была всякая тушёнка и другие консервы? — Саша давился слюной от желания есть, но не останавливался и вновь и вновь рисовал перед собой устройство магазина. — Или эти банки там под алкоголем стоят? Да, там или за кассой. За ней ещё вход в подсобку. Там может быть кто угодно. В магазине тесно. Не развернуться».

Саша встал и пошёл на кухню. Посмотрел на воду в стаканах.

«Хорошо бы, когда я выйду, наткнуться на полицейский уазик, — пришла ему в голову мысль. — Там должно быть оружие».

Но в такие счастливые совпадения Саша не верил. Точнее не получалось верить. Ведь, когда ты, считай, обыграл смерть, то она взяла и просто подошла с другого конца.

***

Небо казалось неровным из-за туч. Совсем недавно наступил день. Без солнца, без дождя. Просто серая картинка за окном.

Саша встретил новый день без понимания того, как Это сделать. В смысле заставить себя выйти на улицу.

Две двери. Одна открывается вовнутрь. Другая наружу. Заперты обе. Ключ на вешалке вместе с куртками.

Хозяйка их съемной квартиры сделала перепланировку, и прихожая стала не тесной, а длинной. И тёмной. Особенно без электричества, и это «особенно» длилось уже три месяца.

Саша сидел на диване в зале и смотрел в черноту упомянутого выше коридорчика.

Кстати, он уже одет. Толстая длинная куртка, джинсы, ещё джинсы, а поверх мешковатые «спортивки». Зимние ботинки. Перчатки. Шапка. Шарф лежит рядом, перед выходом Саша собирался замотать им лицо. Но он не хотел понимать, что это нужно делать уже сейчас.

Остался один стакан воды…

Всё-таки придется.

Хрр-щёлк. Потом бесшумно. Снова щёлк. Внутренняя дверь открыта. Ключ в скважине. Поворот ручки вниз, дверь на себя.

Чёрт.

Забыл вытащить ключ. Дверь назад, ключ в руку. Вдох, дверь на себя. Всё в черноте. Второй замок. Нет, сначала нужно посмотреть в глазок.

Чернота.

Из окна сверху — слабый свет. На лестничном пролете ниже — то же самое. Но, кажется, никого. Значит, осторожно и медленно нужно провернуть ключ. Два щелчка, вторую дверь получилось открыть почти бесшумно. Это уже хорошо. Добрый знак.

Марина за спиной. Вся дрожит. Беззвучно, не всхлипнув ни разу, плачет. Сейчас, когда муж откроет внешнюю дверь, ей нужно будет её закрыть.

Приподняв дверь за ручку, чтобы не скрипнула, Саша начал её открывать. Глазами почувствовал легкий поток воздуха, остальная-то часть лица замотана шарфом.

Левой рукой толкает дверь, а правая с ножом занесена вверх.

А куда бить, если кто-то выскочит? Лучше куда-нибудь в районе шеи. Потом повалить. Придавить коленом. И ещё несколько раз ударить. Хороший план. Добрый план.

Всхлипнула.

«Всё-таки всхлипнула, — обрадовался Саша её чувствам и оглянулся, но едва смог в темноте различить лицо жены. — Любимая. Да, это моя любимая женщина, но, чёрт возьми, какое же мерзкое состояние сейчас».

Он резко вернулся, отодвинул шарф и быстро поцеловал её в губы. Вышел. Бесшумно закрыл дверь с обратной стороны.

Один.

На границе слуха, за спиной медленно проползла щеколда, заполняя собой пространство паза. Дверь заперта.

«Интересно, а если "бывшие" сейчас повалят снизу или сверху, а я начну ломиться в дверь. Откроет?»

Сразу от их квартиры начиналась лестница наверх. Там окно. Саша сделал большой шаг влево и заглянул вниз через перила.

Вторая дверь

Внизу чисто. Настолько, насколько можно разглядеть в этой черноте.

Саша медленно поднял голову вверх. Тоже вроде бы никого.

Можно идти.

Осторожно шагая, он начал подниматься по лестнице. Задача — подойти к окну и постараться разглядеть, что творится внизу.

Шаг за шагом он преодолел все ступени и попал на площадку между этажами. На окне лежали рекламные буклеты. Люди со счастливыми лицами смотрели на него с картинок. Одни предлагали пластиковые окна в рассрочку, другие займы в несколько тысяч.

Спасибо, не надо.

Оперевшись на подоконник кончиками пальцев, Саша выглянул в окно. Несколько машин на парковке. Две столкнулись. Рядом тело.

Или показалось?

«Нет, кто-то лежит. Может быть это просто одежда? — заволновался Саша. — Сто процентов мертвый, всего занесло мусором, листьями. Это хорошо».

А не плохо это тем, что пройди здесь недавно «бывший», то он точно потревожил бы труп. Перевернул, разорвал… А отсюда (хотя «отсюда» это три с половиной этажа) тело выглядело нетронутым.

Внезапно Саша понял, что, поднявшись на лестничную площадку, он не оглянулся. Не посмотрел, есть ли кто-нибудь на следующем этаже. Сверху. Сзади.

Сердце кольнуло и во рту появился странный привкус. Картинка слегка смазалась — повысилось давление.

От волнения?

Нет, от страха! Собравшись с силами он начал разворачиваться. Медленно, чтобы не спугнуть или не разозлить того, кто мог находиться там. Напряг и расслабил мышцы правой руки. Все «работает». Отлично, продолжаем двигаться. Не стоим! Идем!

Тень.

Черт там какая-то тень! Бежать? Куда? Как?

Глаза стали слезиться от напряжения, но не хватало сил моргнуть. Только бы не опустить взгляд и различить, что там в темноте.

Но, если бы кто-то хотел напасть, то уже прыгнул бы?

Саша выдохнул.

Моргнул. Капнули слезы. Нож едва не вывалился из руки. Хотелось разрыдаться от напряжения. Прямо здесь сесть и заплакать…

Или оно может спать?

Не успев расслабиться, Саша снова напрягся. Но на этот раз он со странной для себя решительностью просто двинулся вперед. Разумеется, тихо.

«Это однозначно нужно проверить, — стараясь победить трусость, убедительно говорил голос внутри него. — Значит, нужно сделать это быстро! Раз! И все! Подошел и ткнул ножом!»

Медленно поднимаясь по ступенькам, Саша не спускал глаз с темной кучи тряпья, что лежала у одной из дверей. И, кажется, она была размером со взрослого человека.

Еще шаг.

Тени постоянно двигались. Да еще и сам он загораживал свет от окна, поэтому разглядеть, что именно там лежало, не получалось.

«Но в любом же случае нужно подойти. — не слишком уверенно, подбадривал знакомый голос внутри головы. — Значит нечего стараться разглядеть всё отсюда».

Снова шаг.

«Не шевелится. Будь это «больная» тварь, то давно бы уже учуяла мой запах или услышала возню».

Шаг.

«Значит, передо мной предмет неодушевленный. А такой предмет бояться не стоит».

Еще шаг. И вот он перед ним.

Саша немного присел, взялся левой рукой за перила, завел другую с ножом вверх за голову.

«Раз, два, три!»

Нож с трудом вошел во что-то твердое. Но оно не зашевелилось и не издало никакого звука.

«Пронесло?»

На душе мгновенно стало спокойнее. Тепло и хорошо внутри. Ножом Саша аккуратно развернул тряпье и понял, что перед ним

лежал труп. И «прилег» этот тип здесь уже давно, стал просто какой-то сгнившей мумией.

«Теперь однозначно нужно подняться до пятого этажа. — твердо решил он. — Проверить. Еще один лестничный подъем. Как же хорошо, что мы снимаем квартиру в пятиэтажке. Хотя, и не платим за нее уже три месяца».

Мужчина с трудом встал на ноги и начал подниматься наверх. Он успокаивал себя тем, что произвел здесь уже достаточно шума и, окажись кто-нибудь наверху, то непременно бы уже спустился. Поэтому у него почти получилось унять свою мелкую дрожь во время подъема на пятый этаж.

Никого.

«Славно».

У Саши начинало подниматься настроение. Насколько это возможно в мире, погруженном в небытие.

«Если всё и хорошо, то только благодаря тому, что ты всегда начеку. — начал он приводить свои мысли в порядок. — Нельзя расслабляться! Не здесь и не сейчас! Нужно помнить о том, где ты и что должен сделать. И что может тебе помешать».

Спускаясь вниз, Саша ступал медленно, стараясь не шуметь. Пусть здесь никого нет, но грохотать зимними ботинками по бетонным ступенькам тоже незачем. Проходя мимо своей двери он улыбнулся и помахал рукой.

«Зачем улыбался? Я же в маске».

Совсем скоро он уперся взглядом в дверь, что разделяла его уютный подъезд и новый мир.

Это была не та дверь, что с домофоном и все такое.

Она осталась со времен «совка». Толстая, обшитая изнутри какими-то тонкими деревянными рейками, обшарпанная по краям. В некоторых местах торчали уже не острые гвозди.

Саша подошел к ней. Не на ощупь. Глаза привыкли к темноте и у него получалось кое-как ориентироваться здесь. Он взялся за ручку. Прижался к двери левым плечом, приподнял ее, чтобы не скрипнула и плавно толкнул вперед.

Черноту подъезда медленно начал разъедать дневной свет. Слабый, словно, какой-то больной, он просачивался внутрь и рисовал в новых цветах мир за дверью.

За щелью показались деревья без листьев, а перед ними несколько брошенных машин.

Небо серое – без солнца. Ветерок. Свежий воздух. Даже немного закружилась голова.

Улица

Спокойным движением Саша открыл дверь шире. В проем уже можно было протиснуться.

Почти вся парковка так и осталась заставлена машинами. Опавшие листья никто не убирал, и они гнили, покрыв все вокруг тонким слоем грязи.

Дверь магазина стала видна уже отсюда. Метров сто. Может быть чуть больше. Или меньше.

Прямо. На против его дома. Стояла такая же типичная пятиэтажка из красного кирпича. Почти все окна на первом этаже оказались разбиты.

Почему? В них кто-то забирался или, наоборот, пытался выбраться? Слева еще один такой же дом. За ним перекресток. Но идти нужно направо.

«Так, прежде чем выходить, — сказал он про себя, — нужно оценить все препятствия».

Дом, в котором жил Саша, и пункт его назначения разделяла стихийная парковка. Первые пять машин стояли в ряд у подъезда. Еще восемь или больше брошены у самого магазина. Между ними находился кусочек огороженной металлической оградкой «зеленой зоны». Сейчас этот клочок земли был завален мусором и опавшими листьями. Он выглядел таким же серым и безжизненным, как и все вокруг.

Когда Саша пойдет к магазину машины окажутся по левую руку. Справа за его домом покажется асфальт одной из основных автодорог города. Да, окна квартиры, в которой он жил выходили прямо на проезжую часть. Ни капли свежего воздуха, зато сдавали за недорого...

Стоит пройти немного вперед и слева станет видна детская площадка и проезд еще к нескольким домам. Пять-семь шагов прямо, и он будет у крыльца магазина. В принципе, все просматривается даже отсюда. Вот только как действовать? Идти спокойно или бежать?

Бег. Минусы: шум, сложно разглядеть «бывших». Плюсы: позволяет быстро оказаться в нужном месте.

Шаг. Минусы: зомби могут успеть заметить. Плюсы: отсутствие шума, возможность оглядеться и спрятаться.

«Лучше идти», — решил Саша и распахнул дверь.

Медленно сделал шаг вперед и наступил на ковер из гниющих листьев. Под ногами захлюпало.

На пару метров отошел от подъезда.

«Странно, — заметил он. – Никого. Безжизненно. Даже птиц нет. Что с ними могло случиться? Неужели люди и их смогли «покусать»? Какой-то бре…»

Движение слева!

Сердце, словно, до этого момента лежавшее в груди мертвым, сорвалось с места. Саша почувствовал настоящую боль внутри. Глаза затянула красная пелена, не скрывавшая только Это.

Собака.

«Ух, псинища! – пропищал в голове голосок».

У Саши задрожали руки, а колени начали буквально стучать друг о друга.

В прошлом, когда мир еще выглядел подвластным людям, то, что стояло перед ним, было собакой. Среднего размера. Не крупная, не маленькая. По родословной, вероятно, дворняга.

Но сейчас этот пес сильно изменился.

В корне. Серая с черным густая длинная шерсть облезла на боках, и открыла бугристые сочащиеся гнойники. Морда сильно вытянулась вперед и пасть теперь, наверное, стала сантиметров тридцать-сорок в длину. Множество родных зубов выпало, вместо них торчали странные черно-грязные… штуки. Неровные, похожие на осколки камней. Правый глаз был выбит, а обрубки задних лап влачились по земле.

Незнакомая злость слабо, но старалась выдавить заполнивший его страх. Твердая решимость убить, хотя бы одну из этих тварей, начинала разжигать его еще ни разу не горевший костер. Но с дрожью это пока помогало слабо.

Тварь, повернув голову набок, достаточно шустро ползла к Саше.

А он замер.

Бежать? Куда? Домой или в магазин?

Или не бежать.

Внутри Саша почувствовал нарастающий жар. Его трясло. Он просто не мог решить, что делать. Поэтому и стоял. Ждал, как

развернутся события.

Хотя тут все было понятно. Тварь добирается до него. Набрасывается. Убивает. Ест. И у псины наступает тихий час.

Нет, так не пойдет.

Когда тварь подползла уже совсем близко и до Саши оставался какой-нибудь метр, он начал медленно отступать назад. «Бывшая» собака злобно забулькала и пролила из пасти кровавой слюны. Мощные, кривые лапы ловко тащили прогнившее тело в сторону человека.

Саша резко остановился.

Сделал большой шаг вперед.

Хрясь!

От удара его ноги у твари хрустнула челюсть, а сама она повалилась набок. Не теряя времени, Саша прыгнул на псину. Он обрушил на нее весь свой вес, буквально, вдавив в землю обеими ногами. Из собачьей глотки брызнула кровь, и она снова начала издавать булькающие звуки.

Не хотела умирать.

С размаху Саша вогнал нож ей в мозг через последний зрячий глаз. А именно через левый.

И все закончилось.

«Надо вытащить нож», — подсказал он себе, медленно отступая назад от тела.

Возвращаться к псине не хотелось и, резко развернувшись, Саша быстро зашагал к магазину.

А вокруг никого.

Как оказалось, страх мог не только сковывать тело и мысли. Если «употреблять» его в длительных порциях — он очищает голову от всего лишнего. Благодаря этому мозг занимается тем, для чего предназначен. Думает. Ищет способы решения того, что нерешаемо. И не зная того сам, находит внутри себя то, что найти казалось бы нельзя. Теперь все, что он нашел хранилось в его голове. Ждало, когда им воспользуются.

Разумеется, таким багажом можно обзавестись только, если бояться достаточно долго.

Страх подготавливает. Заставляет разрабатывать и носить с собой в голове необходимые «заготовки». На всякие случаи. Как сейчас,

четкая и продуманная последовательность действий. Никакой жалости. Никаких вторых шансов.

Саша, конечно, не думал об этом «прямо так». Но он смог почувствовать, что сделал все правильно и быстро, потому что был готов. Жить.

Есть кто-нибудь?

Саша чувствовал себя хорошо.

Полегчало.

В теле пульсировала кровь и сердце не сбавляло ритм. Саша думал быстро. И только по делу. Страх развернул перед ним новое полотно будущего, после чего моторчик в его груди начал работать спокойнее.

«Это был всего лишь полудохлый пес. Не я убил его. Он убил себя, напав на меня. Я бы не справился с ним в любой другой ситуации. Точнее, навряд ли. Нож стоило забрать».

Саша вдруг понял, что стоит перед высоким металлическим крыльцом магазина.

Дошел.

Дверь была приоткрыта.

***

Это уже четвертая дверь за последние пол часа. Или сколько там прошло времени?

Нет, он не обсчитался. В квартире две двери. Одна в подъезде. И четвертая — вот.

ПВХ. Белая. Половину ее занимает стекло, ниже длинная ручка. Такие ставили почти во всех дворовых магазинах.

Дверь приоткрыта.

Под нее что-то подложили? Видимо…

Саша оглянулся. Пусто в городе. Тихо.

В некоторых машинах открыты двери, разбиты стекла. Одна даже когда-то наехала на бордюр и сорвала бампер. Чинить его не придется.

«Интересно, а хоть какая-нибудь из них заведется? — спросил он сам себя. — Три месяца прошло, аккумулятор в любом случае должен разрядиться».

Саша встал на первую ступеньку. Хлюпнула грязь.

Семь ступенек наверх.

Хлюп-хлюп-хлюп.

Остановился. Огляделся.

Внутри он был сосредоточен. Максимально, как только возможно. Это немного помогало с дрожью. Не смотря на последние его решительные действия, она колотила тело так, что руки соскакивали с перил на крыльце.

Застыв на секунду на третьей ступеньке, Саша снова оглянулся по сторонам. На всякий случай. Затем одним прыжком перескочил оставшиеся четыре ступени и оказался на площадке перед дверью в магазин.

За стеклом чернота. Не темнота. Чернота. Саше, в последнее время, все виделось в неестественных черных тонах.

Заморосил дождь.

Возле двери лежала половина белого кирпича с неровным куском не отвалившегося цемента.

Взял кирпич в руки. Ощутил его тяжесть, которая могла бы добавить чуточку уверенности в себе, но почему-то этого не произошло.

«Ни черта не видно», — пробормотал он почти вслух.

Стекло было грязным. Три месяца пыль оседала на него.

«Протереть или лучше приоткрыть дверь? — сам у себя спросил Саша. — Если начать стирать грязь, и внутри кто-то окажется, то будет проще убежать. А если приоткрыть, то он может наброситься сразу. С другой стороны, все равно там темно, и я ничего не увижу».

Саша прислонил ухо к двери и прислушался.

Тишина. Это значит никого?

«Неприятно. И это от того, что везде в последнее время было тихо? Потому что все умерли. А вот это уже, действительно, неприятно. — в нерешительности он мялся у двери. — Неважно! О чем я сейчас думаю!»

В щель тоже ничего не получилось разглядеть. Из-за черноты, присутствовавшей везде.

Саша начал открывать дверь. Сначала он крепко взялся за ручку, занес кирпич для удара и только потом потянул ее на себя.

Темно. Бардак. Запах гниющих продуктов. Стекла в холодильниках для пива выбиты. Но несколько банок и полуторалитровых бутылок еще осталось на месте.

Пиво…

Саша вздохнул и открыл входную дверь шире. Уже можно спокойно пройти боком.

Абсолютный беспорядок. Коробки, бутылки, склянки и прочий мусор завалили пол. Один из морозильников слева перевернут.

«Видимо, никого… Тогда, доброе утро!»

Саша трусовато улыбнулся и вошел в магазин. Сначала стоило все осмотреть и только потом искать продукты и воду.

— Есть кто-нибудь? — робко спросил он на всякий случай.

Поправил шарф, закрывавший лицо, чтобы стало легче дышать.

Похоже, все ушли, уползли или умерли.

Он достал какую-то грязную коробку и подпер ею дверь, чтобы та не закрылась совсем. Ведь, чтобы растворять черноту требовался свет.

Снова осмотрелся. За кассой находился дверной проем, но без самой двери. Сразу напротив — окно. Такое же грязное, как и все здесь. Но слабый свет из него значительно облегчал жизнь Саше.

Он начал медленно пробираться к кассе.

Кирпич держал наготове.

Стоп!

Из-под картонного мусора выглядывало короткое горлышко с синей крышкой от пятилитровой бутылки воды. И она была полная! Саша обрадовался такой находке. К тому же на самой кассе валялось несколько запыленных шоколадок. Ну, все эти «раскрученные» с орехами и вафельной крошкой.

Странные чувства наполнили его. Что-то внутри тревожно всколыхнулось, ослабла какая-то пружина. Он вспомнил, как тысячу раз покупал эти шоколадки, да и воду, домой. Для своих. Какое хорошее было время. И казалось, что все может стать еще лучше, если начать больше зарабатывать и так далее. А на самом-то деле хорошо — это всегда «сейчас». Хотя в данной ситуации, вероятнее все же употребить слово «тогда». Сейчас-то ничего хорошего не происходит.

Саша отогнал эти мысли и заметил, что уже находится возле кассы. За ней — никого. Следующая комната полностью просматривалась. В магазине он один.

«Что ж…»

Первым делом Саша отнес к двери «баклажку» с водой, которую заметил в мусоре. Затем достал из кармана пакеты, в которые собирался складывать провиант, если такой удастся найти. Каждый из

них был вставлен в другой для прочности. Правда, по закону подлости, они оказались разного размера, что выходило не очень практично. Но за отсутствием выбора…

Пятая дверь

Саша все делал очень тихо. Даже рылся в мусоре. Как художник производит движения кистью, так и он неторопливо перекладывал все ненужное в сторону.

Ему удалось найти 25 литров воды, «упакованных» в четырех пятилитровых бутылях и еще нескольких меньшего объема. Хватит в экономном режиме на пару недель. И это помимо газировки.

«Что у нас есть еще»?

Три покрытые пылью банки с сайрой и две с горбушей. На жестянках имелись вмятины. Беспокоило ли это Сашу? Нисколько. Отдела по защите прав потребителей все равно уже не существовало. Да и он не собирался платить за покупку. Так что сойдет.

Шпроты. Восемь маленьких банок. Печень трески. Три штуки.

Водка. Виски. Портвейн «Три топора».

«Это на потом», — решил он и оставил алкоголь нетронутым. «Синей» воды, кстати, лежало вокруг достаточно много, что показалось Саше странным.

Шесть пачек гречки по девятьсот грамм каждая. Она, видимо, была не самым популярным товаром во время «неразберихи», потому что других продуктов осталось всего по одной-две упаковке. Рис, перловка, макароны практически исчезли с прилавков этого магазина. Хотя макароны — отдельный вопрос. Они хранились в большом бумажном мешке. Такие мелкие, тоненькие, продавались на развес. Мешок был разорван с одного края и лежал на железном шкафчике возле…

Еще одной двери.

Черт!

Саша застыл на месте, словно, превратился в камень. Как можно было забыть об этой двери?

От глаз ее загораживало торговое оборудование, а вела она в подсобку слева от кассы. И Саша уже несколько раз проходил мимо, даже не обратив на нее внимания! Но, если после всего шума, что он здесь произвел дверь не открылась. Значит…

«А ничего это не значит, — сказал трусливый голос внутри. – Что угодно может произойти».

И «пятая» дверь приоткрылась.

«Везение закончилось!» — противно пропищал голос внутри.

Саша почувствовал, как каменеют его мышцы и становится трудно дышать — тело, скованное страхом, не позволяло двигаться грудной клетке.

«То, что пытается открыться само по себе, не может таить за собой ничего хорошего. Не в этом мире».

Кирпич, найденный им, лежал на морозильной витрине, которая стояла между Сашей и зловещей подсобкой. Ровно посередине.

Дверь, поскрипывая, начала ходить туда-сюда. Едва приоткрывшись, она снова закрывалась.

«Может быть сквозняк? — проклиная свою судьбу, предположил Саша. — Вряд ли. Там не может быть окна».

Он не двигался.

Стоял. Смотрел.

Ничего не происходило. Кроме того, что дверь пыталась открыться.

Панический страх накатывал волнами. Или как он там накатывает?

Проходил.

Возвращался.

В ритм движениям этой злополучной двери.

«Если я просто отсюда уйду. То будет ли все нормально? — начал спорить сам с собой Саша. — Пакеты собраны. Вода у двери. Но где-то через неделю мне снова придется сюда вернуться. А я не смогу! Хотя если у меня будет нож… Да кого я обманываю! Не вернусь! Но с другой стороны, мне здесь ничего больше и не надо. Хотя, я далеко не все в этом месте осмотрел. Возможно, припасов получится найти еще предостаточно. И это место очень близко к дому. Как говорится, стратегически важная точка, которую непростительно потерять».

Очень близко к дому…

«А что, если «бывший» по моему следу доберется до квартиры? Дверь открыть не сможет. Но наделать шума и привлечь других тварей сумеет. Когда-нибудь эти «иначеживые» додумаются забраться через балкон. А это не входит в мои планы».

Саша и сам не понял, как подошел к морозильнику и положил руку на кирпич, оставленный там ранее. Теперь следовало сжать пальцы, чтобы взять его.

В этот момент дверь дернулась сильнее чем прежде. И приоткрылась шире. Но в темноте ничего не получилось разглядеть.

У Саши не получилось.

Но кто-то. Тот, кто находился за дверью.

Смог разглядеть все прекрасно.

И Саша услышал слабый хрип. Незнакомое сдавленное рычание. Признаки живого. Вернее, неживого.

В дверь начали скрестись.

Паниковать, бежать сломя голову! Спотыкаться! Падать! Повредить ногу обо что-то? Хромая бежать до подъезда?

Ничего не принести домой? Умирать?

Нет.

Внутренняя борьба (относительно того как поступить) у Саши закончилась быстро. «Развернув» в своей голове несколько полотен будущего, он выбрал то, что сулило ему большую выгоду.

За этот, как ему казалось, длинный день, он научился чуточку быстрее принимать правильные решения. Три месяца страха и сплошных «поисков вариантов» наконец-то приносили свои плоды.

Было страшно. Колени подгибались, стало подташнивать. Сердце снова заколотилось, как у какого-нибудь знаменитого бегуна. Негра.

Но Саша начал двигаться. Он схватил пакеты с продуктами и оттащил к входной двери. Аккуратно приоткрыл ее. Выглянул.

Моросил дождь, солнце спряталось. Чернота скапливалась там, где раньше виделись просто тени.

Поблизости ни души, ни «мертвоходящего» тела. Саша, стараясь не производить шума, выставил пакеты за порог.

Вернулся.

Взял кирпич и снова быстро вышел. Положил его возле двери. Так, чтобы если кто-то попытался ее открыть, то сдвинул бы кирпич.

Саша просунул руки сквозь ручки пакетов с припасами и повесил их на плечи. Потом согнувшись взял в руки «баклажки» с водой. Выпрямился. Еле-еле. Говорят, своя ноша не тянет. Но она тянет. Реально прижимает к земле. Неудобные пластмассовые ручки впились в наполовину разжавшиеся пальцы. Колени подогнулись. Саша мог

идти только медленно и сильно пошатываясь. Приходилось напрягаться, чтобы не выпустить воду из рук. Особенно, когда он спускался по ступенькам крыльца.

Ладони моментально вспотели. Да и сам он весь тоже покрылся испариной. Шаг за шагом Саша петляя приближался к двери подъезда.

Кушай, зайка

Саша случайно ударил бутылем по бамперу покрытой грязью иномарки. Седан. Колеса спущены. Сигнализация не сработала, видимо, аккумулятор «сел». Но адреналин от испуга, что звук кто-то услышит уже распространялся по крови.

Снова оглянулся. Никого. Ничего.

Это хорошо. Вперед!

Вот и подъезд. Собачка лежала на своем месте.

Онемевшие пальцы без его ведома внезапно разжались. Но он успел присесть и бутылки мягко опустились на землю. То есть прямо в грязь.

Захотелось пить. И есть. Много чего хотелось, но желание поскорее убраться с улицы все же преобладало.

Закрываем один глаз, чтобы потом лучше ориентироваться в темноте. Три глубоких вдоха. Пальцы с болью сжались. Ноги разогнулись. Дверь мыском ноги вправо. Вперед!

Ступеньку за ступенькой он нес свой драгоценный груз к квартире. Снова и снова заставлял себя переставлять ноги, не разжимать пальцы, терпеть боль. Сила воли. Очень полезная штука. Главное, иметь цель.

И вот металлическая, обитая кожзамом дверь возникла перед глазами.

Поставил всё на пол. Постучал. Отошел назад и взглянул наверх. Никого.

С другой стороны двери скрипнул пол.

— Открывай! Скорее открывай! — поторопил он жену.

Зашевелилась щеколда в пазу. Скрипнула, противно как мел по доске. Дверь слегка приоткрылась.

— Да что мне и открывать еще самому! — почти закричал Саша. — У меня руки все… открывай!

Дверь моментально распахнулась. И он увидел замотанную в давно не стиранный плед женщину. В такой же не свежей одежде. Посмотрев испуганными глазами на Сашу и увидев его ношу, она быстро отпрянула в сторону.

Дорога освободилась. Пальцы сжались. Ноги разогнулись. Вперед. Рывок, который называется последним!

Проходя мимо жены, Саша начал улыбаться. Но когда уже ставил продукты в прихожей, улыбка исчезла с его лица. Выполнив первую часть плана, он вспомнил про вторую. Вытряхнув пакеты с едой прямо на пол, он метнулся на кухню и взял еще один нож.

Сын сидел в зале на диване и вопросительно смотрел на него. Ничего не говорил. Приучили молчать.

Вернувшись в прихожую он сказал:

— В магазине еще много еды. Воды думаю тоже. Но, по-моему, там кто-то есть.

— То есть? — словно, выронила она эти слова и прижалась спиной к стене.

— Ну, то есть там точно кто-то есть.

Глаза жены вопросительно расширились, но она была так слаба, что не смогла заплакать или просто не успела. Саша знал, что нельзя тратить время на разговоры, иначе он струсит и не доведет до конца то, что задумал.

— Некогда объяснять. Сейчас я проверю подъезд. Закрою его чем-нибудь снаружи, — это Саша придумал только что, нужно же было как-то успокоить и отвлечь мысли жены. — Если со мной что-то случится… А со мной ничего не случится, то вы, по крайней мере, будете закрыты. Но все будет нормально. Я уже убил одного.

— Да? О боже! Но как? Где?

— Неважно. Жди.

С этими словами он сжал ее плечо. Заглянул в глаза. Неуверенно улыбнулся. Она ответила ему только страхом в своем взгляде.

Саша прошел через темную прихожую и, глубоко вдохнув, вышел из квартиры.

— Закрой.

***

Когда Саша вышел Марина почувствовала будто ее жизнь ушла вместе с ним. Оставаться дома, когда твой муж пошел сражаться с «бывшим» было невыносимо. От страха за него, за себя, за все.

Но с другой стороны, что она могла там сделать?

«Да что угодно! Лишь бы помочь ему победить! Поэтому-то ты и жена! — закричала она про себя. — Ладно, — начала успокаиваться

Марина, — он со всем справится. Сказал, что справится, значит, так и будет. В конце концов у меня нет причин ему не доверять. Ведь если бы не Саша, то мы все бы уже были мертвы».

Она уже понадеялась, что сегодня Саше больше не понадобится выходить, поэтому его решение снова покинуть дом выбило ее из колеи. Марина начала возвращаться к жизни из своих мучительных размышлений и вдруг поняла, что сидит у закрытой двери, обняв колени руками. Забыла обо всем. Растворилась в мыслях.

Надавив на веки, она «выжала» и сразу же вытерла не выпущенные слезы и, оперевшись на стену, начала подниматься. Прислонив ухо к двери, прислушалась. Шаги Саши давно утихли. Ушел. Шорох с кухни подсказал, что маленький Миша добрался до продуктов, принесенных его папой.

«Нужно чем-то занять себя, — подумала Марина, — Например, можно разобрать продукты и накормить ребенка».

На кухне Марина увидела Мишу, игравшего с пачками гречки и улыбнулась. Ребенок в последнее время перестал проявлять интерес к чему-либо, и в его глазах давно уже нельзя было увидеть искорок.

— Ну, что давай я тебя накормлю! — прошептала Марина и провела рукой по волосам мальчика, но тот ей ничего не ответил. Сын вертел прозрачную упаковку с гречкой в грязных руках и наблюдал за тем, как ядрица пересыпаются.

Марина достала банку тушенки и нашла в одном из ящиков стола «открывашку». Вздохнула. В «те» хорошие времена консервы всегда открывал Саша. Но сейчас ей нужно перешагнуть через воспоминания из старого мира. Теперь они живут в мире новом…

Немного помучавшись, Марина открыла банку, размельчила мясо в ней ножом и поставила на стол перед Мишей. Положила рядом одноразовую вилку и сказала:

— Кушай, зайка. Это вкусно. Сейчас я тебе водички налью.

Марина осторожно выглянула в окно. Вдалеке на границе видимости. По одной из улиц шел человек. «Бывший». Ее тревога начала утихать, когда она поняла, что существо удаляется, а не идет в их сторону.

План

Выйдя из квартиры, Саша быстро поднялся наверх. До пятого этажа.

Никого.

Спускался вниз тоже второпях. Нельзя давать себе много времени для раздумий над тем, что затеял. Время для этого — враг.

Медленно открыл дверь из подъезда. Осмотрелся.

Чисто.

Вышел на улицу.

Солнце яркими теплыми лучами разрывало тучи, растворяя черноту, лезшую из каждой тени. Это приободрило.

Но не сильно.

Время все же начинало влиять на решительность Саши. До магазина он пошел пешком. Не побежал. Убеждал себя в том, что обдумывает каждую деталь своего плана. Старался не упустить ничего. Снова и снова прогонял в голове мысли. И приходил к одному и тому же заключению. Должно получиться.

Вот и крыльцо магазина. Справа — никого, слева — тоже. Значит, вперед.

Саша поднялся по ступенькам. Дверь оставалась закрытой. Кирпич не сдвинут. Он наклонился и взял его. Выпрямился и спокойно открыл дверь.

Все на своих местах.

«Та самая» дверь оставалась завалена всяким хламом. Не двигалась. Напротив нее стоял холодильник. В таких обычно хранили мороженное. Саша подошел к нему и, не без труда из-за разбросанного на полу мусора, придвинул его к подсобке. Теперь дверь могла открыться максимум наполовину. Но, даже несмотря на шум, то, что скрывалось за ней, не проявляло никаких признаков… «не жизни».

Это поставило Сашу в тупик. По его замыслу все должно было происходить несколько иначе. Но никто не пытался выйти оттуда, куда заходить никто не хотел.

Как поступим?

Может сдохло? Во второй раз. Такое бывает без внешних причин?

«Возможно. — задумался он. — Ладно, не буди лихо, пока оно тихо. Поменяем местами пару пунктов плана. Я узнаю, что там потом, а сейчас займусь оставшимися продуктами».

Теперь Саше предстояло осмотреть вторую комнату, которой во время первого визита он уделил мало внимания.

Здесь мусорные завалы оказались значительными. Множество бумажных коробок, будто бы пропущенных через мясорубку. Все в бурых пятнах от какой-то жидкости. Осколки бутылок или банок, вперемешку со сгнившими продуктами.

Среди этого Саша обнаружил еще и засохшую кошку.

И настроение помрачнело.

Своего кота они потеряли...

Саша завел его перед рождением сына. Летом. Привез из деревни от родителей. Тогда котенок помещался на ладони. Всегда был ласковым. И со всеми. А теперь он нигде.

Встряхнув головой Саша постарался отвлечься от этих мыслей. Они мешали делу.

Несколько небольших банок солений. Кажется, литровых. Грибы, огурцы, и что-то еще. Это пригодится. Их не нужно готовить. Хорошо.

Дальше — просто везение. Он вытащил из мусора почти полкоробки маленьких жестяных банок тушенки! Этому Саша несказанно обрадовался.

«Все-таки тушенка вам не соления! Тушенка — это мясо!»

Еще в коробках оказались сушеные бананы и курага. Он не глядя стал кидать их в пакеты — это витамины.

«Кстати! — осенило его. — В соседнем доме есть аптека. Там тоже должен храниться небольшой запас воды, да и витамины».

Но, оглянувшись на таинственную дверь, Саша решил:

«В следующий раз. Итак, что у нас дальше?»

Еще две полуторалитровых бутылки воды. Минеральная. Сильногазированная.

Много овсянки.

Саша задумался.

«Логично, что овсянку не брали. Она не вкусная. Но для желудка полезная. Особенно сейчас, когда живешь впроголодь. Попробуем взять побольше».

Он достал из кармана еще один полиэтиленовый пакет. Проверил нет ли в нем дыр — все оказалось отлично. Затем разорвал картонные коробки и ссыпал хлопья в пакет.

«Так больше влезет и займет меньше места».

Двенадцать коробок заполнили пакет почти наполовину. Следом, Саша побросал туда же супы быстрого приготовления. В студенчестве их называли «бомжами». Он улыбнулся. Через какое-то время оба пакета удалось забить под завязку.

Саша перенес пакеты к входной двери. Отошел в сторону и подобрал с пола бутылку коньяка. Хорошего. На прошлый новый год его по акции продавали всего за восемь сотен.

«Возьму. — решил он, — Нужно расслабиться. А вообще, хорошо было бы напиться. Хотя нам в таком состоянии, наверное, и надо-то всего пару стаканов. Жалко лимона нет».

Саша с озабоченно-довольным видом поставил литровую бутылку рядом с пакетами. Открыл одну из «полторашек» и сделал несколько больших глотков минералки. Газы обожгли горло. Как же приятно. Пить воды сколько хочешь.

Теперь займемся дверью.

Он взял кирпич и подошел к холодильнику. Достал из кармана нож. Снова намотал съехавший шарф на лицо. Несколько раз взмахнул ножом, словно, стараясь ударить кого-то сверху вниз. Закрыл глаза на секунду:

— Ну, давай!

С третьей попытки.

Из-за страха, только с третьей попытки он ударил по двери. Потом еще несколько раз. Громко. Чтобы услышали.

Через несколько секунд в дверь заскреблись. Послышалось какое-то шуршание. Саша несколько раз кивнул сам себе.

Оглянулся.

Путь для возможного бегства был чист. Взял в левую руку кирпич. Правую, в которой был нож, положил на ручку двери.

Резко дернул на себя.

Бывший человек

Саша открыл дверь только со второго рывка. Мешал мусор, наваленный возле нее. Слабый свет вспугнул черноту и у самого входа в подсобку он увидел эту тварь.

Неживую.

Половина волос облезла — лысую бугристую макушку покрывала пыль.

Бывший человек полулежал, опершись левым плечом на дверь. Его ноги были придавлены металлическим стеллажом. Сейчас не получалось разглядеть, но, кажется, существо пыталось их перегрызть.

На его лице лежал толстый слой пыли. Из гнойников текли капельки черной жидкости, оставляя на щеках бороздки, как от слез. Вид у мертвеца был мерзкий. И вместе с тем жалкий. По сравнению с существами, что Саша привык видеть на улицах из окна, этот «бывший» был слишком тощим и беспомощным. Видимо, голодал.

Спустя несколько секунд тварь ожила!

Зашевелилась, разворачиваясь поудобнее. Глаза начали искать Сашу. Карие, в красных трещинах. На тех ресницах, что не выпали висели паутинки.

Руки со стертыми до кости кончиками пальцев потянулись к нему из темноты. Можно сказать, что фаланг с ногтями у бывшего больше не было.

Резко перегнувшись через холодильник Саша ударил неживого кирпичом прямо в лоб.

***

Слабо ударил.

Бывший человек лишь качнулся назад.

«От удара кирпичом в лоб»!

«Первый» мотнул головой и уже более осмысленными движениями попытался схватить Сашу. Видимо, удар его разбудил.

А он-то представлял, что все произойдет чуточку иначе. И сразу. За один удар. Но оказалось, чтобы пробить кому-то череп, нужно ударить очень сильно. Хотя, как бить со всей силы, когда ты дрожишь? И думаешь, что сейчас умрешь. Когда тебя бросает то в жар, то в

холод! А тварь-то в это время не останавливается! Она лезет на тебя! Правда, для нее это все равно бесполезная трата сил.

С каким-то новым бурчанием из мертвой глотки, «бывший» начал активнее размахивать руками. Сжимать и разжимать пальцы. Но Саша стоял за столом. До него «первому» было не добраться.

Вся храбрость куда-то ушла.

Вместе с теплом. Саша, видимо, вспотел и прохладный воздух с улицы теперь заставлял его ежится в своей зимней куртке.

«Что-терять-то время?» — пронеслась в его голове мысль.

И он резко перегнувшись через холодильник со всей силы ударил тварь между глаз.

Что-то хрустнуло.

Крови почти не было. Нос существа вмялся вовнутрь. Глаза закатились, и оно захрипев откинулось назад.

«Всего-то делов!»

Обрадоваться Саша не успел. Бывший человек поднялся вновь.

Один его глаз был залит кровью, и что-то темное слабо сочилось из вмятого внутрь носа.

Теперь «первый» стал не такой резвый, как раньше. Но, видимо, инстинкта самосохранения у него не имелось. Потому что пальцы с ошметками мяса и кожи вновь потянулись из-за двери.

Рассвирепев, Саша схватил «неживого» за запястье и сильно дернул вперед. Бывший человек повалился на грудь, и Саша три раза молниеносно ударил его в затылок!

Вот так надо бить!

На кирпиче осталась какая-то темная не то кровь, не то слизь. Бросил его на пол. Стало противно держать эту «вещь» в руках.

Почти беззвучно кирпич скатился по обрывкам бумажных коробок, образовавших весьма своеобразный «ландшафт» в этом помещении.

Существо больше не шевелилось.

«Однозначно мертво».

Саша увидел под ногами какую-то тряпку. Наклонился, разорвал по полам. Связал ее концы. Теперь можно будет связать ему руки. На всякий случай.

С усилием отодвинул холодильник. Из него потекла какая-то мутная жидкость.

Подошел к мертвецу.

«К абсолютному мертвецу».

Открыл дверь в подсобку шире. Встал на него и завел руки за спину.

Подташнивало.

Никто никогда не говорил про их специфический запах. Противный. Пот с чем-то еще… Хотя, если бы кто-то знал, что это за «еще», то, наверное, от этой заразы получилось бы противоядие. Ну или что-то такое.

Связал.

Отволок за шкирку на середину комнаты.

Сначала тянул с усилием, а потом придавленные останки ног оторвались. Саша и думать про них забыл.

«Как странно. — заговорил сам с собой убийца неживых. — Почему же из него не льется кровь? Стоп! Действительно. Как так? Труп… совсем легкий.»

Заколотила дрожь. Да так, что сознание помутнело. Он прислонился к стене и сел. В глазах стояли слезы. Вот только отчего плакать? Все же получилось!

Нет, только начало получаться то, что, видимо, придется делать до конца жизни.

«Вот почему Марина постоянно плачет! — пришел к неожиданному выводу Саша. — Она четко понимает, как изменился мир. Все его мелочи и «крупности». Сейчас стало так, как раньше не случалось никогда. Все перевернулось. Изменилось. Если когда-то ты был самым опасным существом на планете. То теперь… И горячей воды нет».

Саша встряхнул головой.

«И это не какая-нибудь война. Во время которой вас могут: убить, взять в плен или вы станете победившей стороной. Тут такого не будет. Побеждать некому! Некого! Нет армии. Сплоченной единой целью — «поубивать человеков»! Просто теперь жизнь стала другой. На такое не рассчитывали! К такому не готовились!»

Саша резко встал. В глазах поползли «бензинового цвета» круги, потом вокруг потемнело. Он уперся рукой в стену, чтобы не упасть и начал тереть веки. Вскоре пришел свет, который снова изгнал черноту.

«Так! Действовать строго по плану! Не расслабляться! Не расслабляться, я сказал! Нужно его куда-нибудь оттащить».

Но сначала завернуть голову в пакет. Чтобы не оставался след от вытекающей из нее слизи.

Помойка

Саша медленно, словно, нехотя поднялся. Не смотря на внутренние усилия он выглядел растерянным. Ведь ему до этого никогда не приходилось убивать людей. Тем более мертвых.

«Так, пакет…»

Он вытащил из мусора черный дырявый пакет «с ручками» и натянул на голову мертвецу. Потом вспомнил, что ноги у «парня» оторваны, а, значит, бывший сможет оставить свой «кровавый след» в его истории. Это следовало исправить, на что ушло еще два пакета.

Сойдет.

«Итак, голова упакована. — Саша начал повторять последовательность действий, чтобы ничего не забыть. — Ноги «обуты». Можно тащить. Только продукты и воду, лучше сначала отнести к подъезду. Чтобы потом не терять время на возвращение. Вдруг что-то случится».

Соглашаясь со своим планом он несколько раз кивнул, но внезапно остановился, как вкопанный.

«Хотя стоп. А что это там «у меня» в подсобке?»

Действительно, Саша даже не проверил, что находилось в той комнатке. Где был придавлен «бывший».

Тяжелый совдеповский стеллаж упал «парню» прямо на колени и переломал их. Рухнул он так неудачно, что бывший не мог его сдвинуть или перевернуть.

Бедняга.

Пытался перегрызть себе ноги, но дотянуться до них зубами не каждому под силу. Даже «бывшему». Обрубки так и остались лежать здесь.

За стеллажом стояло несколько картонных коробок. Белый наполовину полный мешок. Швабра. Ломик…

«Ломик!»

… ведро. Упаковка минералки. Топор.

Саша не стал повторять это слово в своей голове дважды. Он быстро перепрыгнул через стеллаж и взял топор в руки. Старенький на

короткой видавшей виды ручке. Да и туповат. Но убивать зомби проще топором, чем куском кирпича.

День определенно становился все лучше и лучше.

***

После «убийства» в голове все стало как-то иначе. Саша постоянно терял нить своей главной мысли — как избавиться от трупа. Стоило сделать пару шагов, и он начинал думать о какой-то ерунде. Хотя о ней лучше было бы поразмышлять дома за рюмочкой коньяка.

Своей голове не прикажешь…

Просунув руки в ручки пакетов, Саша надел их на плечи, взял бутылки и двинулся к своему подъезду. В этот раз ноша была гораздо легче.

Собака лежала на месте.

Дверь закрыта.

Открыл. Осмотрелся внутри подъезда. Поставил пакеты внутрь. Закрыл.

«Теперь нужно вернуться, чтобы «похоронить» это…»

Двигался он медленно.

Солнце завернулось в тучи и начинал моросить дождь. Поднимался ветер. Погода портилась. Ноябрь. Кругом брошенные автомобили, мусор, превращавшийся в грязь. Мертвецы, что ходят где-то по близости.

Дойдя до магазина Саша понял, что ни разу не оглянулся.

«Страх потерял? — спросил он себя, озираясь по сторонам. – Или думаешь Этот один тут такой был?»

Вошел в магазин.

В помещении стало темно. И чернота, выползая из темных от углов, тянулась к телу, лежавшему посередине комнаты. Саша посмотрел на него. Мертвее мертвого. Бывает и такое. Пора привыкать…

Аккуратно и основательно он взял зомби за шкирку. Сделал вдох и потащил к выходу.

Это было несложное занятие. Гораздо труднее проламывать череп.

«Хотя если привыкнуть, да и при наличии топора...»

Открываясь, дверь почему-то скрипнула, но Саша не придал этому значения. Сейчас ему хотелось только одного, чтобы «прогулка» поскорее закончилась. Быстро сбежав по ступенькам, он потащил свою

нетяжелую ношу в сторону мусорных контейнеров. Или «помойки», все так называли это место.

«Интересно, — подумалось ему, — а вот были бомжи, что постоянно у помойки околачивались. И скорее всего они стали все бывшими. Или их просто съели. Ну, они ведь у нас самые «незащищенные», но «проспиртованные» слои населения… Вернулись ли они на помойку или у них там, какие-то другие инстинкты сработали?»

«Может быть двинулись по дорогим магазинам одежды и алкоголя? – пошутил он сам с собой. – Ну, чтобы хоть после смерти получить то, что им «обещало государство».

Саша и не заметил, как преодолел половину пути.

Слева, за рядом припаркованных машин находилась детская площадка. Металлическая горка с тремя спусками. Качели. Песочница. И еще рядом такие штуки, металлические столбы, на них натягивают веревки и вешают сушиться стиранное белье.

«Бельевые столбы? — подумал он про себя. — Может быть так они называются? Неужели кто-то до сих пор этим пользуется? Хотя сейчас уже точно нет…»

До помойки — семи мусорных контейнеров, огороженных бетонными плитами, оставалось метров двадцать. Длинный дом, тот, в котором находился магазин, закончился и справа открылся свободный от застройки участок. Там стояла пара гаражей, вились три тропинки, и догнивала сломанная лавочка у песочницы. А дальше снова жилые дома.

То есть нежилые.

Раньше. Перед контейнерами всегда была грязь. Видимо, люди натаптывали. Или мусоровоз своими колесами. Но он больше здесь не появится.

Саша остановился в десятке шагов от помойки. Осмотрелся.

«Вроде бы чисто».

Опустил свою ношу на землю. Пошел вперед. Обошел бетонное ограждение. Когда-то в доме за ним находился магазин автозапчастей. Однажды Саша даже покупал там машинное масло. Кстати, вышло дешевле, чем в остальных.

«Какая теперь разница?»

К счастью, никого из неживых поблизости не оказалось. У Саши в сотый раз за этот длинный день заколотилось сердце.

От радости. Еда и вода дома есть. Никого… опасного не встретил. Первая вылазка почти удалась. Осталось вернуться.

Поднимайся наверх

Быстро закинув в полупустой контейнер тело, Саша почему-то не ушел сразу, а остановился и взглянул на бывшего.

— Обычный человек. — сказал он шепотом. — Ты. Такой же, пожалуй, как и я. Только не понятно, кому из нас повезло больше?

По привычке Саша оглянулся и, не обнаружив опасности, продолжил:

— Иногда мне кажется, что повезло всё же тебе. Удача улыбнулась. Потому что мы — живые уже не на Земле. Хотя никуда не улетали. Да.

Он сделал паузу, задумавшись:

— Ты и не знаешь, чего хотел в последние часы своей… не жизни. Но, если бог, — Саша скривил лицо, — и все, что должно присутствовать при нем, существует. То сейчас ты снова должен обрести себя. После второй смерти. Или после смерти смертей. Или искупления. Не знаю! Ведь, если бог есть, то все это было не просто так, понимаешь?

Саша снова осмотрелся, а потом с вызовом посмотрел на черный пакет, надетый на голову мертвеца.

— Может быть, мы все сейчас находимся на каком-то новом этаже ада? И после смерти попадаем куда-то в иное место? Если так, то, как бы это ни прозвучало… я вызвал тебе лифт из преисподней. Поднимайся наверх.

Повторив про себя последние слова, Саша в очередной раз оглянулся и со всех ног помчался домой. Он срезал дорогу по тропинке у детской площадки. Вбежал в подъезд. Взял сумки и стал подниматься.

Постучал в дверь.

Через три секунды она отворилась. Вошел. В свою маленькую квартирку, что еще светилась жизнью в этом угасшем мире…

Выкладывая еду из пакетов, Саша вздрогнул. Замер. Вспомнил.

Когда он возвращался.

Возле подъезда.

Дохлой собаки уже не было.

***

— Знаешь, «бывшие» какие-то не такие, как мы их всегда представляли.

Саша не спеша ел тушенку прямо из жестяной банки. Они с женой сидели за столиком на кухне. Сынишка уже поужинал и играл в зале. Бесшумно. Без смеха и криков. Как будто его и не было вовсе.

— Ты все про «свою» собаку?

Он ответил с видом героя провалившего в прокате боевика:

— Ну, это не моя собака, но да, речь о псине. Дохлой раздавленной псине!

— Какой ты храбрый! — подыграла ему жена.

— Да, детка, твой мужик суров!

Улыбнулись. Не посмеялись, лишь улыбнулись. Это происходило нечасто в последнее время. Поэтому оба с непривычки почувствовали смущение. Переглянулись. Улыбнулись. Снова.

— Она имела очень странные зубы. Знаешь, как осколки камней. Бывают какие-то камни, ну или что-то вроде камней. — Саша с трудом подбирал слова. — Такая достаточно твердая порода. Но ее все равно можно расколоть. И из нее получаются неровные, но острые куски.

— Ну примерно представляю, о чем ты.

— И вот у этой псины были именно такие зубы.

— Из камней?

Саша налил себе пол рюмки коньяка и четверть жене. Выпили. Марина жадно хлебнула воды.

— Нет, ну они напоминали камни. Только из кости, наверное. В общем, это не были обычные зубы собаки, пусть и увеличенные в несколько раз. То, что я видел — это совершенно другие «зубы».

— Может быть стекло? От пивных бутылок. Или чего-то еще?

Саша нахмурил брови:

— Нет. Эти штуки совсем не походили на то, о чем ты говоришь. Точно не стекло.

Закончив с едой, они перешли в зал. Саша налил себе в широкий стакан и стал возле выхода на балкон. Смотрел в окно. Внутри было жарко, так что он даже расстегнул «домашнюю» куртку. Да, в квартире тоже ходили в верхней одежде. В куртках, шапках, в двух штанах и зимней обуви. За окном — конец ноября. Было очень сыро и холодно, а отопление никто не включил.

Саша ничего не говорил жене о своих страхах, но ждал, когда кто-нибудь из них первый простудится. И заболеют все. Антибиотики и другие лекарства имелись в аптечке. Но не было тепла, горячего питья, покоя, правильного диагноза и рецептов. Проще говоря, отсутствовало многое, что могло бы значительно увеличить их шансы на выздоровление. Хотя, скорее всего, Марина это тоже прекрасно понимала. Просто оба молчали. Не буди лихо, пока...

Саша насторожился и спрятался за штору.

Вид из его окон — улица Кирова, шести полосная проезжая часть. Параллельно дороге был вымощен брусчаткой широкий тротуар. По нему сейчас шел бывший. Саша определил его мутацию как «третий», переходящий в «гончего».

Все просто. При условии, что вы достаточно долго наблюдаете за этими тварями и размышляете над увиденным за окном.

Через какое-то время классифицировать «бывших» вы начинаете автоматически. В магазине, например, Саша видел «первого». Да и то, «первым» называть этот зомби-отброс язык не поворачивался. Так, «0,5». А может и вовсе «0,33».

Саша улыбнулся. Новая шутка. Только рассказать некому.

«Третий» отличался от «первого» и «второго» как поведением, так и телом. Например, во время движения он регулярно переходил на медленный бег, что предыдущие «модели» делали только преследуя кого-то. Помимо этого, у «третьего» было чуть-чуть вытянутое лицо, а также уши, руки и пальцы. Хотя, конечно, с подобного расстояния этого нельзя было утверждать точно, но выглядело все именно так. Нет, «третий» не становился похожим на какого-то оборотня из кино. Просто выглядел как уродливый или изувеченный человек. Его даже можно было спутать со «вторым». Если вы новичок.

После «третьих» по иерархии шли «гончие», которые значительно отличались ото всех своих «предшественников». Их лица, хотя лучше называть это мордами, были вытянуты вперед, из-за чего получалась необычная почти квадратная челюсть. Зубы росли не так, как у людей вверх и вниз, у «гончих» они торчали вперед, а когда челюсти соединялись, зубы образовывали «клин». Острый, крепкий, смертельный.

Руки и ноги у этого вида «бывших» были удлинены. Впрочем, как и сгорбленное туловище. Видели, наверное, когда-нибудь горбатых людей? Вот «гончий» такой же. Только без горба. Он согнутый, как вопросительный знак и постоянно бежит. Не особенно быстро. Но Саша видел «гончих», только во время их бродячих прогулок. Они ни за кем не гнались. Поэтому скорость — вопрос спорный. Еще неисследованный. И это все, что Саша знал о «гончих».

На «третьем» осталось еще довольно много одежды — обрывки темной куртки, рубашки, брюки по колено. Ноги босые. Волосы только на затылке.

«Бывший» спокойно шел-бежал по тротуару. Останавливался. Смотрел в окна домов.

«Стоп! Что он сделал только что?» — глаза Саши широко раскрылись.

Третий

Действительно.

Перебегая от одного дома к другому, «третий» заглядывал в окна. Ну, не то чтобы он подходил к ним, прислонялся мордой к стеклу, и заслонял свет ладонями. Нет, но взгляд его блуждал по фасадам. Иногда он даже чуть-чуть забегал в дворы домов, и смотрел на окна оттуда.

— Иди сюда, посмотри! – подозвал Саша жену.

Задремавшая уже Марина, как солдатик вскочила с дивана и подошла к нему. Он указал ей пальцем куда смотреть.

«Твою ж мать! Урод. Иди-ка ты домой! Проваливай!» — Саша начинал волноваться. «Третий» не реагировал на его мысленные обращения. Он семенил от одного дома, к другому. А затем вообще скрылся из виду за углом.

— Что же он делает, Саш?

— Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет.

— А, если он заберется к нам?

— Ну, если мы его заметим, то, пока он будет лезть, я сброшу на него телевизор. Благо у нас есть старый. Хозяйский.

— А если мы его не увидим? Вдруг он ночью…

— Ну, в этом случае, полагаю, все понятно.

Марина заплакала. Только без слез. Просто ее лицо исказила гримаса отчаяния.

На Сашу тоже накатывало волнами. Страх. Безнадежность. Но у него как-то получалось держать себя в руках. Он попытался объяснить это Марине, может быть его слова дадут ей какую-то уверенность. На, что она ответила:

— Ты что не понимаешь? Правда не понимаешь? «Третий» может прийти не когда-нибудь. А сегодня! Ясно тебе! — с вызовом бросила жена. — Сегодня. Прямо сейчас. Он может забраться в квартиру прямо сейчас!

***

Спали в ванной комнате. Посчитали, что так безопаснее. Саша на полу. Марина и Миша в самой ванне, которую «застелили» одеялами.

Днем кто-то постоянно дежурил у окна.

Однажды по улице прошли двое «первых». А может быть и «вторых». Но они просто брели в свою неизвестность. Искали еду? Ну, не патрулировали же улицы!

— Есть же еще люди… не могли же мы остаться здесь втроем? Втроем в целом городе!

Марина ничего не ответила. Она сидела на скрипучем деревянном стуле у окна. Смотрела за стекло. Хотя, наверное, никуда не смотрела. Теперь, чтобы выжить они были обязаны по очереди дежурить здесь. Отдыхать от этого. А потом вновь садиться к окну. И этому круговороту перемещений с дивана на стул, судя по всему, не предвиделось конца.

Вот так провести остаток жизни… Проклятые «бывшие».

— Понимаешь, у них, наверное, происходит то же самое, что и у нас. В каком-то смысле. — попытался во второй раз завязать разговор Саша.

— Лично от меня этот твой смысл находится на каком-то недостижимом расстоянии… — не самым добрым тоном ответила Марина.

— Ну, — немного разозлившись продолжил он, — ты же принимаешь все произошедшее, как разрушение. Абсолютное, но все же как простое разрушение. Мир пал.

— А как еще все это можно воспринимать? — искренне удивилась жена. — Газа нет, света нет, воды тоже. По нужде мы ходим в ведро и выливаем с балкона. А теперь и спим в туалете! — она указала рукой в сторону совмещенного санузла и многозначительно взглянула на мужа. — Нет, конечно, ничего страшного! Это простое абсолютное разрушение. «Абсолютное», вот только «простое» оно у него! Когда есть нечего! Пить нечего! И сходить-то «на ведро» уже скоро снова будет нечем!

— Я тебе не о том говорю! Да, для нас это трагедия. И смерть. Но если смотреть… Не знаю, как-то со стороны вселенной, может быть, то это просто смена одной эпохи на другую. Например, эпоха людей завершена и наступила эпоха мутантов.

— Зомби, — поправила она его. – Это зомби, Саша. Не живые люди. То есть…

— Неживое двигаться не может! Они живые, но по-другому. И зомби — это только «первые». Когда дело доходит до «вторых», то тут уже что-то иное. Да и чем зомби отличается от мутанта? Мне кажется — это какая-то эволюция. Или мутация. Не знаю, как назвать. Но тут же всё другое! Этот новый мир такой же живой, как тот, что был при нас. Понимаешь?

— Ты на чьей стороне?

— Да какая разница на чей я стороне!?

Разговор не клеился. Жизнь не ладилась.

«Над любыми отношениями нужно работать, всегда приходится стараться ради них. — думал он. — А сейчас, когда главное, каким-то образом протянуть денек-другой, никто особо не заморачивается на этот счет. Просто хочется жить. Но нет желания доживать свой век в такой озлобленной атмосфере».

— Марина! — пересилил себя Саша.

— Что?

— Когда оказываешься в ситуации такой, как у нас, то начинаешь по чуть-чуть отстраняться. И сближаться. Одновременно. Открываются новые особенности отношений двух людей.

Он вздохнул.

— Когда не смотришь в будущее, то настоящее наиболее ощутимо. Вот ты сидишь на стуле. При слабом освещении, том свете, что пробивается сквозь тучи. А завтра тебе никуда не надо. И послезавтра. И через год. И к тебе никто не придет. И мужу твоему никуда не надо. И ребенок в садик не ходит. Вам никуда не надо. Все то, куда мы могли бы пойти покрылось пылью, гниющей листвой, прочей грязью. Понимаешь? Это все уже прошлое!

Саша посмотрел на Марину, но она отвернулась к окну. В ее глазах он успел заметить слезинки.

— А настоящее, вот оно. Это когда ничего больше нет. То есть, если раньше мы не знали, что будет завтра, ну могли заболеть, попасть под машину…

— Так что сейчас? Что есть для нас настоящее?

— Ну, у меня есть кое какие мысли на этот счет.

Она ничего не ответила. Не поворачиваясь смотрела в окно.

— Если выбрать достаточно простую систему координат, где нет бога и прочей мистики. Но присутствуют люди, которые пытаются понять, как им выжить. То ты сможешь понять то, о чем я хочу сказать.

— Ну давай.

Пьяный дракон

— Так вот. У нас ведь с тобой нет никакой Великой миссии?

Марина позволила Саше попытаться донести до нее его теорию происходящего. Тон мужа был напряженный и она чувствовала, что это будет смесь приземленной философии и отчаяния. Но в то же время женщина понимала, что для него это действительно важно. Какой бы бред он не нес.

— Чего-то такого нет, правда. — вздохнув ответила она.

— Просто мы живем? Так?

— Да.

— Да, правильно. И мы оказались в ситуации, из которой не можем сами выбраться?

Марина кивнула.

— Мы там, куда никто не пришел за три месяца, чтобы помочь нам? — спросил он.

Снова кивок. Ее раздражал этот «вопрос-ответный» педагогический метода, но она терпела.

— Мы не видели никого, кто мог бы нам помочь. И никому не готовы помочь сами, потому что у нас нет никаких средств и ресурсов? Так?

— Да. — выдавила Марина.

— Тогда получается, что мы в безвыходной ситуации?

— Ну, это и так понятно, что ты хотел сказать «такого» нового?

— Нет, тебе не понятно. — как будто обрадовался этому ее ответу Саша. — Ты воспринимаешь это просто как фразу «безвыходная ситуация бла-бла-бла и так далее». Вот только у нас с тобой — внимание — не будет самого важного из данной фразы. У нас не будет — «так далее».

— Я что-то «перестаю начинать» тебя понимать.

— Марина, к нам никто не придет. И помощи не будет. Ни-ко-гда.

Саша посмотрел на жену, но ответного взгляда не дождался.

— Мы сейчас с тобой на самом деле ничего не ждем. Потому что ничего больше не будет. У нас закончится еда. И через месяц, а если повезет, то через два, наступят первые морозы. И мы замерзнем. Мы

умрем, Марина, мы с тобой сейчас не выживанием занимаемся, понимаешь. Мы умираем. Нам осталось жить чуть-чуть. И, как я говорил в начале о смысле жизни, мы тут уже ни с кем не сможем договориться насчет того, как жить и для чего жить. Это неважно, потому что мы умираем. Нет, мы вымираем.

— Все так печально, ты считаешь? — безрадостно спросила она.

— Если раньше можно было озаботить себя поисками смысла жизни, то теперь все. В этом месте данная услуга не предоставляется. Все разрушено. Мы одни, если не совсем, то на многие километры, которые нам не преодолеть.

— Но мы можем найти смысл жизни в том, чтобы выжить здесь!? — попыталась спорить Марина.

— Никак здесь не выжить. Ну, вот прожили мы с тобой дольше других. И что осуществились твои замыслы какие-то? Мы не знаем, как дальше протянуть!

— Как-то не хочется вот так умирать.

— А умирать никак не хочется.

— Да заткнись ты!

Саша опешил! Марина не повернулась к нему. Она сосредоточенно смотрела в окно.

— Знаешь, что, Саша?

— Что? — озлобленно выплюнул он, разочарованный тем, как жена легкомысленно отнеслась к его умозаключениям. Сейчас он готов был послать ее ко всем чертям. И с надеждой ждал удобного случая.

— Поди-ка сюда и разубеди меня насчет той девушки. На балконе пятиэтажки на перекрестке, где кафе «Пьяный дракон».

Первый ручеёк

***

...к обеду загорелся первый пожар. И началось.

Всю ночь кто-то кричал под окнами и, добавляя к ночному шуму вой своих сирен, мимо дома проносились кареты скорой помощи. Визжала автосигнализация, орали кошки и лаяли уличные псы.

Потом «скорые» закончились. Ведь они приезжали туда, где некого было спасать.

Саша всю ночь не отходил от окна и заметил, что ближе к утру каждая вторая машина, что появлялась на дорогах, была полицейской. Неизвестно боролись ли они с «этим» или просто разбегались под шумок?

На следующий день Марина увидела своего первого «бывшего».

«Нечеловек» пробил лобовое стекло в иномарке и лакомился водителем. Женщиной. Ее муж, или кто он там ей был, вывалился из машины и убежал.

Марина смогла рассмотреть всё, потому что «обращенные» рвали людей не торопясь. Ловили, валили, душили, кусали. И рвали зубами. Когда жертва затихала, они садились на нее. Да, почему-то обязательно забирались на труп, а затем медленно ели. Насытившись, «бывшие» утаскивали тела. Они не старались поймать как можно больше людей, наверное, каждому из них нужен был только один. Для начала...

***

Саша поморщился от своих воспоминаний.

В те времена еще была горячая вода. И просто вода. Канализация работала. А сейчас все тело в прыщах — зуд не прекращался. «Душ» теперь принимали в виде влажных салфеток. По одной в день на человека. Сначала протираешь лицо, ну, а потом в зависимости от того, что больше чешется. Это еще спасибо Саша догадался взять их три больших пачки. И детский крем. Но как аргумент для чего-либо — это начинало значить все меньше и меньше. Ведь маленькая Сашина семья понимала, что они протянули просто чуть дольше остальных. Но финал истории становился уже ясен.

Сегодня он еще не «умывался». Не хотелось открывать глаза, потому что если они закрыты, то «вокруг» просто темно. Но стоит пустить в них свет, как выстраивающиеся перед ним детали мира начинала дополнять странная чернота. Она выбиралась из своих тайных мест и донимала Сашу, сыплясь каплями осеннего, почти зимнего, дождя внутрь него.

Вчера он мог напиться. И на это был повод.

Но Саша не стал.

В жизни начинали происходить изменения — хотелось уловить их цвет. Не помечен ли он чернотой? Если нет, значит, надежда есть. Поэтому и не пил.

«Изменения» заключались в том, что сначала Саша смог раздобыть еды и воды. А на следующий день Марина заметила в доме через дорогу живых людей. Выходило, что три дня назад они увидели своих «первых нормальных» человеческих существ. Правда, если уж быть совсем откровенным, то Саша застал только пустой балкон. Человека или девушку, как настаивала жена, к тому моменту на нем не оказалось. Поэтому он никого не видел.

«Не могло же Марине померещиться? Или могло? Неважно... хотя нет, очень важно!»

Теперь они уже второй день сидели у окна и старались подловить этих выживших, но пока их «посиделки» результатов не приносили.

Но делать все равно было больше нечего.

Смотрели за стекло. Немножко кушали. Спали. Пытались объяснить сыну, почему ему нельзя шуметь. Почему вообще ничего нельзя. Это сложно, особенно, когда чувствуешь, что живешь уже не надеждой на что-то, а по инерции.

Саша давно проснулся, но не вставал. Сложно было для себя решить, зачем нужно это делать. Поэтому он лежал, наверное, вот уже час.

Смирившись с тем, что вставать все-таки придется, Саша открыл глаза. Как ни странно, его подруга с обратной стороны света — чернота — никак себя не проявляла. Где она? Ресницы были влажными и картинка, которую глаза «транслировали» в мозг, выглядела смазанной. Возможно, поэтому и исчезла чернота?

Саша шевелил пальцами на ногах и пускал пар изо рта. Под мышками, да и вообще, в районе всех промежностей, одежда была

влажной от пота. Теряя свое тепло, она становилась холодной. Сначала зачесалось в одном месте, а через минуту во всех остальных. Настала пора вставать.

Прислушавшись, Саша понял, что жена и сын очень тихо завтракали на кухне.

Он облажался со всякими крупами, которых так много взял в магазине.

Их нужно варить.

«А газа нет! Электричества тоже нет! Горячую пищу никто не ел уже… Да всем известно сколько прошло времени с тех пор! Как их приготовить? Как согреться зимой? Существует ли способ, чтобы решить все эти проблемы?»

Вот поэтому Саша и находился в дурном расположении духа с самого утра. От того, что ничего другого у него не было.

— С другой стороны можно поступить так. — Он заговорил вслух. Не театрально, а натурально сам с собой, не задумываясь, что лежит и разговаривает. — Я выйду в подъезд. Ну, возьму топор. Буду стучать по дверям и заходить в разные квартиры. Искать «бывших».

Боковым зрением он заметил, что Марина с Мишей стоят в дверях и молча слушают. Не издают ни единого звука, который бы мог разрушить вялое течение его речи. Мимо них в этом «ручейке» иногда проплывали желтые осенние листы, которые могли стать чем-то вроде надежды.

— Но «бывших», скорее всего, здесь нет. А если и есть, то они слабы, потому что есть им нечего. — продолжал рассуждать Саша своим уже с утра уставшим скрипучим голосом. — Но слаб и я, потому что давно хорошо не питался. Пару дней. Может три — буду делать растяжку, и что-нибудь стимулирующее тонус. Стану хорошо есть. Чтобы набраться сил.

— Зачем, Саша?

— Затем, чтобы выйти! — он выдержал паузу и посмотрел на жену. — Чтобы найти, а лучше — не найти тех «бывших», что есть в подъезде. И отправить всех, кого потребуется «наверх» на моем «лифте из преисподней».

Последний день

Саша на несколько секунд замолчал.

— Затем, я забаррикадирую дверь снизу и разожгу на одном из верхних этажей огонь, чтобы приготовить еду. — он несколько раз медленно повернул голову в разные стороны, разминая шею.

— Но как ты собираешься это всё…

— Ну стул разломаю, диван… — спокойно ответил Саша. — Может быть у кого-то здесь плитка газовая есть. Или керосиновая, или какие они там бывают? Я не помню. Но при случае, уверен, что разберусь.

— С чего ты взял, что они здесь найдутся?

— Да не знаю я откуда! — воскликнул он шепотом, — Надеюсь я на это! Думаю, как жить! Тут пенсионерских несколько квартир, может у них что-то было такое? Один раз утром видел какого-то мужика из нашего подъезда. Он ехал на рыбалку с друзьями, значит, теоретически у него может быть плитка или котелок. А вдруг?

— Действительно... Саша, в твоей идее что-то есть. Я должна как-то тебе помочь. — Марина приступами испытывала чувство вины перед мужем. Ведь он один занимался вопросами их выживания. Даже, находясь в одиночестве, не отдыхал, а думал на тем, как им быть дальше. Марина хотела это как-то ему компенсировать, хотя бы малой помощью, но не знала, что делать.

— Может быть нам даже придется перебраться в другую квартиру.

— Зачем? — ей пришлось прервать свои внутренние истязания. Она медленно возвращалась к неудобной реальности, где приходилось не винить себя, а принимать какие-то решения.

— Если в ней будут пластиковые окна, и застекленный балкон, то зимой нам будет гораздо теплее там. Главное найти какой-то источник обогрева. Одеяла и одежда нас не спасут. Только огонь. Нам нужно как-то разводить огонь.

— Саша, а если бывшие придут на дым от огня? — у Марины появилась легкая дрожь в руках и закружилась голова — слишком много слов и возможных поступков на одно утро. Она уже отвыкла

рассуждать и планировать. Ведь всё последнее время их семья только и делала, что сидела в своем сыром углу в надежде на спасение. Но спасатели не придут.

— Не неси чепухи! Ну увидели они дым, и что? Это же не человек, не еда, не шум! Дым. Просто серенький такой… ну облачко. Они же не кидаются на облака! — Саша удивился такой реакции Марины. Да и выглядела его жена странно. Это почему-то начинало его раздражать. Сложно быть храбрым, когда любое слово вызывает дрожь у твоего «партнера по выживанию». Но, её можно было понять — она не выходила из дома. Её сердце до сих пор просто «сидит в пятках». А улица заставляет сердце биться чаще. Там все другое и воздух, и земля.

— Сашенька, но облака не вылетают из домов.

Оптимизм от собственной идеи начал покидать Сашу. Чернота снова сгущалась в его мыслях, а в месте с ней к телу возвращались сырость и холод. И раздражение каплей за каплей наполняло невидимую чашу…

— К черту! — он вскочил. — Все это к черту! Я не для того, слушал твои насмешки и упреки, когда закрыл квартиру! И не за тем, я три месяца сидел и ждал. Этот дом хранит в себе еще много полезного. И я хочу, чтобы все это стало нашим! А если здесь и есть «бывшие», то они будут такие же слабые как тот, которого я убил в магазине. Я сделал это камнем, простым куском кирпича! А теперь у меня есть топор! Пусть он маленький и тупой, но я смогу проломить им череп любому «первому» и «второму». А «третьего» в доме не будет. Даже «второго» не будет! Этот подъезд может стать нашим полностью, а это уже другая жизнь.

— Или этот день может стать нашим последним днем! — стараясь не выпускать свои мысли из привычных рамок страха, выдавила Марина.

— А он и без этого может стать последним! Прямо сейчас всё может закончиться! Неужели ты не чувствуешь, что мы давно перешагнули грань, где оставалась какая-либо надежда на кого-то кроме нас самих? Всё. Только наши решения приведут нас или в могилу или позволят продержаться...

Они посмотрели друг на друга. Два мнения, как два разных берега омывала одна и та же вода, но где-то она только разбивалась о скалы,

вместо того, чтобы ласкать мягкий песок.

— Чувствуешь разницу между тем, чтобы сделать что-то с нашей жизнью или бояться даже подходить к окнам? Да никакой! И так, и эдак мы можем сдохнуть сегодня! Через час или через пару минут!

***

Саша просидел у двери минут двадцать.

Слушал.

Вдруг кто-то сумел пробраться в подъезд и, пуская кровавую слюну из страшной пасти, ждал его за дверью. Но, к счастью, никого. Тишина.

Чернота.

Стало страшно. Но тут Саша спросил себя, а когда страшно не было? И театрально пожал плечами.

На нем снова была надета куча одежек с массой застежек. Так он надеялся, хотя бы минимально защититься от укусов «бывших». Безусловно, хорошим дополнением к этой тряпичной защите служил топор.

Ещё через несколько минут Саша понял, что пора. Встал, провернул ключ, спокойно вышел из квартиры и тихонько прикрыл за собой дверь.

Куда идти?

Наверх?

Вниз?

«Хороший вопрос, — решил Саша и начал подниматься наверх. — С чего я решил поступить именно так? Почему чувствую сегодня себя как-то странно? Возможно, я достиг своего пика и решил попробовать изменить «всё». Для этого и в «прошлой» жизни требовалось рисковать, а уж теперь тем более».

Саша посмотрел в окно на улицу.

Всё спокойно вокруг, но тревожно внутри. Проведя рукой по подоконнику и смахнув несколько старых окурков, он развернулся и пошел дальше.

То есть, выше.

Четвертый этаж. Старый труп у первой двери справа. Перешагиваем через этот мешок костей. Идем дальше.

Пятый.

Семьдесят седьмая

«Здесь никого не должно быть. — рассуждал Саша, стоя на последней ступеньке перед площадкой пятого этажа. — Если бы хоть один «мертвоход» оказался в квартире, то мы бы узнали об этом из-за шума. Или по какой-то другой причине. Значит, все будет достаточно просто. Я подергаю ручки, а где окажется открыто — зайду и проверю».

Четыре двери: 77, 76, 75, 74.

Ближняя с номером 74 — новая, металлическая. Саша взялся за ручку, повернул и потянул на себя. Ничего не произошло. Он повторил это несколько раз, прилагая разные усилия, но дверь не открылась. Почему-то Саша почувствовал облегчение, хотя и должен был бы расстроиться. Ведь, возможно, в недрах именно этой квартиры находилось то, что он ищет. А пригодиться ему могло многое.

Но дверь была заперта.

Квартира номер 75 тоже оказалась закрытой. Не открылась и 76.

На пятом этаже осталась последняя непроверенная дверь. Саша толкнул ее, и она отворилась вовнутрь.

— Действительно, что же еще могло произойти, — с недовольством пробормотал он. — Последняя дверь всегда открывается.

Придется войти.

Распахнутая, она, приглашала его в темный коридорчик, что вел в квартиру. Из него, к счастью, никто не выскочил. Но не это смутило Сашу — он внезапно для себя понял, что практически не боится. Чувство страха есть, вот только какое-то другое — «скомканное». Как бы странно это ни прозвучало.

Саша не торопясь вошел в квартиру. Справа за входной дверью имелась вешалка для одежды и стояла тумбочка для обуви. Напротив — еще одна дверь. Видимо, в ванную.

Он прошел прямо и оказался в небольшом зальчике. Его небогатую обстановку составляли пара кресел, диван, стол с компьютером и телевизор на черной стеклянной подставке. Возле

балконной двери располагался проход во вторую комнату. Видимо, спальню, которая тоже была пустой.

«Значит, здесь безопасно».

Саша начал осматриваться.

Он обратил внимание на наведенный в квартире порядок. Никто в спешке отсюда не уходил. Но никого внутри не было и сейчас. Толстый слой пыли на мебели и запах сырости говорили о том, что это жилище давно необитаемо.

Весьма скромная двухкомнатная квартира не могла таить в себе сокровищ, которым он был бы рад. Поэтому особых надежд Саша не испытывал. На балконе хранилась старая зимняя резина, стеклянные банки, кастрюли, немного керамической плитки и «сумка с сумками». Всё.

На кухне — ничего, что не протухло и что можно было бы приготовить без огня. Но две открытых пачки макарон он все равно бросил в первый подвернувшийся пакет. Следом за ними последовали мука, банка фасоли и три чудом не сгнивших чесночины.

«Странно, — подумал Саша, — в квартире почти нет еды. Пара пачек макарон, холодильник полный гнили, да специи. Обычно у людей больше непортящихся запасов».

Обои на стенах поклеены старенькие. Подобные можно увидеть практически в любой съемной квартире. Про них говорят — самые дешевые «из приличных». Они достаточно дорогие, чтобы не вызывать «резь» в глазах, но слишком дешевые, чтобы нравиться.

Вспомнив зачем он здесь, Саша перестал пялиться на стены и начал рыться в шкафах. Вытаскивал вещи с полок и из тумбочек, распаковывал все пакеты и свертки. В одном из ящиков ему удалось найти кое-что ценное — влажные и обычные салфетки, маленькую аптечку. Даже не посмотрев, он высыпал всё в свой пакет.

Затем настала очередь обыска ванной комнаты. Светло-зеленая старенькая плитка на стенах. Прямо на входе — стиральная машина вертикальной загрузки. Слева от нее — унитаз, правее его — раковина, а дальше — ванна, под которой стоял пластмассовый тазик. Открутив колпачок с ручки, Саша снял крышку бочка унитаза. В нем была вода. Пить ее, конечно, не стоило, но после кипячения она вполне сгодится для приготовления пищи.

«Теперь нужно найти во что ее перелить и какой-то «черпак».

Саша Сходил на кухню и взял самую большую кастрюлю и кружку. Через минуту он уже заполнил свою емкость почти до краев и даже еще немного осталось в бочке, но вычерпать эту воду сейчас было очень сложно. Он решил оставить ее на «черный день».

Не обнаружив больше ничего полезного в квартире, Саша вынес все, что решил взять, в подъезд.

На одном из свободных крючков у в прихожей висели ключи. Они подошли к входной двери, которую Саша закрыл, когда вышел. Ключ он оставил в замке.

***

Квартиры на четвертом и третьем этажах оказались закрыты. За их дверьми никто не подавал признаков жизни. И к счастью, не жизни тоже.

Саша оставил пакет с вещами и кастрюлю из 77-й квартиры возле своей двери и пошел дальше. То есть, ниже.

Он спустился на второй этаж и ближняя к нему дверь с легким скрипом открылась внутрь. Темно, но, кажется, планировка здесь была такой же, как и в квартире на пятом этаже.

Беспорядок. Куртки разбросаны по полу, изредка тускло отсвечивало битое стекло. Дверь в ванную находилась сразу слева от входа, в ней была проломлена дыра посередине, по краям которой можно было заметить темные пятна. Или показалось?

«А сердечко-то застучало, — поставил себе диагноз Саша».

Он сосредоточился.

Начинало, как говориться, попахивать жаренным, хотя в данном случае могло пахнуть только прогнившей плотью.

Круглые камни

«От тебя зависит твоя семья. — заговорил с собой Саша, стоя на третьем этаже у входа в квартиру. — И, если смысла жить может быть уже и нет, то умереть вот в этой дрянной квартирке ты не должен. Лучше — не сейчас и в другом месте. Поэтому смотри внимательно и думай, как правильно поступить!»

Он понимал, что, скорее всего, говорит эти слова зря. Просто успокаивает «ёкнувшее» сердце. Ведь, если бы кто-то и находился в квартире, то Саша уже вовсю работал бы топором. Но никто не вышел.

Пока.

Однако судя по раскуроченной двери в ванную, некто смог выбраться из нее. Раньше. И сделал он это способом, отличающимся от традиционного для людей.

Саша мысленно перекрестился и вошел в прихожую квартиры номер семьдесят семь.

Под ногами сразу же хрустнуло.

Что конкретно — разглядеть не получилось, и он не стал зацикливаться на этом. Справа показался разбитый электрический щиток — счетчик вырван, провода торчат в разные стороны. Не опасно...

Немного впереди — на полу.

Куча верхней одежды вместе с деревянной вешалкой. Среди прочего даже была шуба.

— Нет, из этой дурной квартирки мне ничего такого не надо. Разве, что тут окажется ружье. — прошептал он, погружая свой взгляд в глубину тьмы.

Стоя в начале прихожей, Саша попробовал посмотреть, что происходило в ванной. «Бесполезно — слишком темно, ничего не видно».

Тогда он поднял с пола какой-то осколок и бросил его в дыру в двери. Стук-стук. Тишина.

«Это хорошо», — решил Саша и смело подошел ближе.

Посмотрел в отверстие. Света из заклеенного пленкой ванного окошечка хватило, чтобы убедиться в отсутствии опасности.

«Но там определенно кого-то убили, или «обратили».

На стенах остались зловещие следы: темные полосы, нечеткие отпечатки рук и просто капли.

«Вероятно, кровь» — сделал заключение Саша.

Стиральная машина была завалена на бок, раковина свернута и брошена в ванну.

Он поднял с пола осколок зеркала и бросил внутрь квартиры. Как и в первый раз — ничего, что бы предвещало беду.

Саша вошел в зал.

И окончательно убедился в том, что планировка этой квартиры была идентична той, что он посетил сегодня первой.

Прихожая, слева за ней — кухня, прямо — небольшой зальчик, из которого можно попасть еще в одну комнатку.

«Абсолютно дурацкая планировка. — подумал он. — Хотя, если жить одному, то, пожалуй, сойдет».

Хозяева этой квартиры, судя по новой мебели, имели средств к существованию больше, чем те, что жили в «двушке» на пятом. В свое время, Саша и сам бы не отказался от такой, как здесь тумбочки под телевизор. Да и «зомбоящик» представлял собой современную модель с большим изогнутым экраном. Владельцам всего этого можно было даже чуть-чуть позавидовать.

В прошлой жизни.

Саша вздохнул и начал осматривать остальные «достопримечательности».

Как он и ожидал стекла на балконе оказались разбиты.

«Вот так ты и вышел».

— Ладно, поищем, что ты мне оставил, дорогой «бывший» друг, — слегка расслабившись, прошептал он.

Перед «обыском» Саша зашел в дальнюю комнату. Ему не хотелось осматривать эту квартиру, пока не было уверенности, что в ней точно никого нет. Тот случай с «забытой» дверью в магазине он помнил хорошо.

Вторая комната оказалась пуста. Из обстановки — кровать, тумбочка, стол и шкаф. Причем, здесь сохранился идеальный порядок. Все на своих местах. Никакой крови. Одним словом, странная была квартирка.

Все эти противоречивые моменты вызывали у Саши тревогу. Желание уйти нарастало.

«Я здесь — по делу, а не просто так. Уйду отсюда только, когда все осмотрю».

Саша осторожно вышел на балкон.

Второй этаж. Земля совсем близко. Не желая быть замеченным снизу, он присел и, стараясь не высовываться, начал рыться в балконном хламе.

Здесь имелось несколько небольших шкафчиков, в одном из которых лежали какие-то гладкие плоские камни. А за ними черные прямоугольные закопчённые железки.

— Что за ерунда? — пробормотал Саша и отвернулся. Но тут же повернулся обратно.

«Камни — черт с ними, но железки-то как будто обожженные».

Пришлось сначала переложить камни, и только после этого получилось достать то, что оказалось дешевым подобием мангала. Донышко, четыре бортика и столько же кривеньких ножек.

Саша обрадовался находке. Пусть она и «дышла на ладан», но приготовить еду на мангале становилось проще, чем, просто на полу. Он аккуратно сложил его части в удачно подвернувшуюся старенькую спортивную сумку. В ней старым хозяином это все, видимо, и переносилось.

Еще на балконе лежала маленькая искусственная елка в картонной коробке и какое-то тряпье, вроде рабочей одежды. В этих вещах Саша потребности не испытывал.

Он вернулся в квартиру. Пусть теперь у него имелся мангал, но все так же не было дров. Нечего сжечь, чтобы приготовить пищу.

— Хотя, — в этот момент взгляд Саши упал на полку, висевшую на одной из стен. Металлическая, она имела четыре небольших ряда, скромно заставленных книгами и брошюрами. — Это подойдет на растопку, но даже вскипятить одну кастрюлю воды их не хватит.

Книги Саша собрал в сумку, которую потом выставил за дверь квартиры.

Вошел в кухню. Гарнитур был дорогой и, к счастью, из массива дерева. Выполнен то ли под старину, то ли еще подо что-то. Саше было наплевать на стиль, главное, что это был не какой-нибудь ДСП или МДФ. От этих спрессованных опилок здесь не было бы толка, горят

они плохо, если вообще горят. А вот хорошее сухое дерево, пусть и обработанное лаком, однозначно будет гореть гораздо лучше всего остального из чего обычно делают мебель.

Скляночки

Прежде, чем разобрать кухонный гарнитур на дрова, Саша достал всё, что стояло внутри его верхних шкафчиков. Помимо посуды там нашлось несколько распакованных пачек макарон и гречки. В специальной пластмассовой подставке стояли пакеты со специями. Особо не раздумывая, он отправил всё это в свой пакет с «будущей горячей» едой.

Затем Саша принялся снимать со стены сами шкафчики, которые оказались на удивление тяжелыми.

«Возможно, просто я сам ослаб», — решил он.

Пришлось попотеть. Примерно через полчаса ему удалось расколоть гарнитур на щепки и вынести их в подъезд. Нижние шкафы-тумбочки, выполненные под единой столешницей, Саша оставил на следующий раз.

Закончив с «дровами», он продолжил осматривать оставшиеся в квартире шкафы. Среди прочего попалась сумка с инструментами. В ней лежало несколько больших ключей, гвозди, саморезы и всякая ерунда, назначение которой ему осталось не ясным. Саша вынес эту сумку в подъезд. Подобные вещи должны пригодиться в том будущем, которое его семья, возможно, будет пытаться построить.

В маленькой комнате он нашел заначку бывшего хозяина.

«Видимо, бедняга готовился к какому-то празднику. Иначе зачем ему хранить в шкафу пять бутылок водки, одну текилы, две виски и газировку?»

Прямо в картонной коробке Саша вынес свою алкогольную находку в подъезд.

«Все это, конечно, хорошо. — объяснял себе он, во время внутреннего монолога. — Вот только лучше любых этих водок и макарон, для меня была бы тушенка, соленья или газовая плитка. Разумеется, с газом. Но нигде, ни в каком шкафу или коробке, ничего подобного не нашлось. Только этот несчастный мангал, который неизвестно, когда развалится».

Саша вздохнул и продолжил обыск.

Он вспорол ножом кресла и диван, но бриллиантов там не обнаружил, да и не искал. Его интересовали деревянные бруски, из которых состоял каркас мебели. Искомого материала добыть получилось немного, но Саша обрадовался даже тому, что нашел. Ведь теперь, хотя бы один раз его семья поест горячей пищи.

Да и зима по календарю начиналась вот-вот, но думать об этом вообще не хотелось. Было совершенно непонятно, как организовать и поддерживать, хотя бы минимальную плюсовую температуру в квартире без отопления или печки на дровах.

«Для нее, кстати, еще нужен дымоход и, что самое главное, топливо. А где взять дрова в городе, где хозяйничают «бывшие»?

Отмахнувшись от неприятных мыслей, он решил вынести все полезное из квартиры. После чего стал стаскивать на балкон матрасы, подушки, тумбочки, одежду — все, что можно быстро перенести. Так как дверь и окно на балконе были выбиты, Саша решил построить там баррикаду. Его совершенно не устраивала возможность «бывших» так легко пробраться в дом.

Закончив с балконом, он подобрал с пола несколько джинсов и выйдя из квартиры, надежно привязал ими дверную ручку к перилам. Дверь открывалась во внутрь, и теперь, забравшийся в квартиру, не сможет выйти в подъезд. Если, конечно, не сломает дверь.

На втором этаже осталось еще три квартиры, которые Саша не обследовал. Подергав ручки, он обнаружил, что две из них закрыты. И когда настала очередь последней двери, то она легко и без скрипа отворилась, открыв за собой ещё одну. Саша даже замер от удивления.

За новой металлической дверью стояла вторая, старая, собранная буквально из пяти досок. И она была закрыта.

По телу пробежал холодок. Он в очередной раз успокоил себя тем, что внутри никого быть не могло. В противном случае об этом стало бы известно уже давно.

«Значит, там никого нет, а если туда каким-то чудом и занесло «бывшего», то он ослаб от голода. И я с ним быстро разделаюсь. Не в первой. Вот только почему снаружи на двери нет замка? Неужели закрыта изнутри?»

Саша несколько раз толкнул ее, чтобы понять насколько она крепкая. Дверца скрипнула, но не открылась. Тогда он ударил ногой в место, где стоял предполагаемый замок — доска сломалась и

прогнулась. Еще пара ударов и дверь открылась. Запирающее устройство осталось висеть вместе с куском двери.

В квартире было темно.

«А на улице день».

Даже иногда выглядывало солнышко, чтобы потом вновь скрыться и оставить этот мир один на один с побеждавшей его чернотой.

«Значит, шторы завешены. Зачем?» — неприятный холодок пробежал по спине.

Судя по всему, планировка здесь не особенно отличалась от соседних квартир. Разве что вход в дальнюю комнату находился не в середине стены в зале, а справа и был виден Саше из подъезда.

Тяжело вздохнув, он вошел, держа свой топорик наготове.

Темновато, но предметы различимы. Слева ванная с закрытой дверью, справа вешалка с куртками в специальной нише. Все как всегда, клонированные квартиры для однотипных людей.

Носа коснулся какой-то неприятный запах.

Нет.

Сильно пахнуло гнильцой.

Во рту появился кисловатый привкус. Саша начал догадываться об источнике «аромата» в этой квартире. Он сделал несколько шагов вперед и заглянул в зал.

На диване кто-то спал.

Человек.

Его укрывало несколько одеял, а под головой смялась серенькая подушка с рисунком кораблей в море. У дивана стояла табуретка с лечебными склянками, тряпками и кружкой, с напечатанной на ней фотографией ребенка.

Старенькие скромные обои на стенах, мебель не новая, но добротная, видимо, покупалась на долго. Или навсегда, как получилось в данном случае.

Саша вошел в комнату.

Но человек не двигался — он был мертв.

Куча тряпья

Квартира выглядела складом таблеток, пузырьков с лекарствами и использованных носовых платков.

Второе место по «частоте присутствия» занимали фотографии. В основном, детские, но, имелось и несколько старых черно-белых снимков со взрослыми. Фотокарточки стояли и висели на стенах в дешевых золотистых рамках, купленных, скорее всего, в девяностые годы на рынке у «челноков». Из увиденного Саша заключил, что, вероятнее всего, здесь жил пенсионер.

«Видимо, бедняга заболел и умер. — возникла в голове версия. — Не смог сам вылечиться, или не нашлось нужных лекарств? Пожалуй, и то и другое. Плюс всё случилось, когда «мир пал» и умирать старику пришлось в одиночестве. Без детей и внуков, смотревших на него с фотографий, которые как он надеялся, сумели спастись. Но я уже не смогу его разочаровать, насчет их судьбы. — на душе у Саши стало неприятно от этой истории, всплывшей из прошлого. — Так печально. Умереть одному от какой-то простуды. Или другой хвори».

Саша подошел ближе к покойнику. Из-под подушки торчал градусник. Возле подбородка иссохшая рука сжимала носовой платок или какую-то тряпку, заменявшую его. Лицо почернело и засохло. Кожа стянулась, обнажив зубы и, одновременно «съехала» вниз. Теперь лицо выглядело высушенным и стянутым к левой стороне, на которой он лежал.

«Если это простуда, — подумал Саша и направился к двери в квартиру, — то вряд ли микробы до сих пор живы. Хотя это только мое предположение. — Он закрыл входную дверь. — Но все равно, лучше проветрить».

Саша приоткрыл окна на кухне и балконе и вернулся к мертвецу. Подушка и диван под ним, пропитались гнилью, и, кажется, даже успели засохнуть. Как ни странно, Сашу не тошнило. Он испытывал внутренний дискомфорт лишь из-за того, что смотрел на старика и видел в нем себя через какое-то время.

В зале стояла большая, опять же из «девяностых», «стенка». На ее полочках за стеклянными дверцами хранились фотографии, книги и

праздничные сервизы. Читать пропагандистские издания, что хранил старик, пожалуй, было вредно для мозга, но Саша знал, что сделает с этой «горящей» находкой.

Он улыбнулся и прошел во вторую комнату. Ему почему-то стало жаль этого старика.

«Печальная судьба — умереть совсем одному. Такого не замечаешь в жизни, но привык видеть по телевидению, которое теперь не работает. Правда, похоже то, что оно так долго и упорно транслировало, начало сбываться».

В маленькой комнате у окна стояла двуспальная кровать. Светлое постельное белье на ней оказалось выпачкано черно-красного цвета грязью. Слева от кровати в кучу возле окна были свалены картонные коробки, куртки и несколько одеял. В комнате еще имелись комод, пара полок и тумбочка с небольшим телевизором, стоявшая у входа. Полки занимали книги, несколько небольших коробочек, и всякая мелочь типа ключей, батареек и чеков.

«Скучно и безнадежно».

Жалкий вид комнатушки и, уже на первый взгляд, явное отсутствие нужных вещей нагоняли на Сашу тоску.

Он открыл тумбочку под телевизором и увидел диски для DVD-проигрывателя и фонарик. Взяв последний в руку, Саша понял по его весу, что батарейки отсутствуют. Однако у фонарика не было и кнопки включения, только какая-то большая «клавиша» снизу. И тут он вспомнил, что это за приспособление — для него не нужны были батарейки! Найденный фонарь работал, при нажатии на клавишу снизу, как динамо-машина. Саша довольный своей находкой начал сжимать разжимать фонарик. Лампочка — маленький светодиод, загорелась, подарив ему слабый свет от надежных китайских тружеников.

«Кстати, а как там в Китае? — задумался он вдруг. — Там же почти два миллиарда людей жили раньше. Сколько интересно у них бывших? И удалось ли хоть там правительству, как-то сохранить цивилизацию?»

Улыбка сползла с лица Саши, когда он заметил, как в куче тряпья у окна что-то зашевелилось. От испуга его тело, словно, пронзило электрическим разрядом.

«Что это? — но не успел он задать себе этот вопрос, как куча снова «вздрогнула».

«Кот?»

Саша сидел на корточках перед тумбочкой. Стараясь не создавать лишнего шума, он положил в карман найденный фонарик и застегнул молнию. Достал перчатки из другого кармана и надел их.

«Но как кот мог забраться в кучу тряпья так глубоко? Она слишком большая и тяжелая, чтобы такой маленький зверек мог ее двигать», — пытался разгадать загадку таинственного существа Саша.

Поднимая свой топорик с тумбочки, он случайно задел телевизор.

Чикс!

И кто-то в куче тряпья «вздрогнул».

В качестве эксперимента Саша повторил удар несколько раз, и ответом на его шум всегда было движение неизвестного существа.

Вот так вот.

Не разобравшись с этой проблемой, уйти он отсюда не имел права. Вопрос элементарной безопасности. Оставь Саша эту «штуку» здесь сегодня, она придет к нему завтра вместе «камнезубыми друзьями». К тому же, теперь это существо тоже знает, что здесь кто-то есть, поэтому дарить ему право на «третью жизнь» нельзя.

«Оно останется неподвижным. Навсегда», — решил Саша и бесшумно вышел из комнаты. Он прошел в коридор и закрыл входную дверь на щеколду. Если с ним что-то случится, то существо не должно суметь выйти в подъезд.

Права на ошибку или трусость у него не было.

— Что ж, если ты «бывший», то я сделаю тебя бывшим вдвойне, — со странной уверенностью Саша двинулся в комнату, в которой его кто-то ждал.

Кляп

Засунув топор за пояс, Саша подошел к тумбочке и снял с нее телевизор. Он слегка подбросил его в руках, проверяя вес, и недовольно качнув головой, поставил на пол. Поднял саму тумбочку, вытряхнул из нее барахло и, подбросив, оценил ее тяжесть.

«Подходит».

Саша перевел взгляд на кучу тряпья и неизвестное существо снова задергалось под своими одеялами. Не могло же оно чувствовать его намерения?

«Или могло»?

Он встал на кровать, и та слегка скрипнула под его весом. Простыни, измазанные чем-то волокнистым и кровавым, засохли и превратились в сплошную корку, которую уже успела покрыть пыль. Он, словно, ступал по насту из каких-то перемолотых, но насыщенных мелкими кусочками внутренностей.

«Мерзость», — подумал Саша, хотя, несмотря на это, его даже не тошнило.

Оставляя следы-проломы на корке, он подошел к окну, под которым находилась беспокоившая его куча. Саша стукнул ногой по стене и, тварь, дернувшись в ответ, указала точное место, куда нужно бить, и он со всей силы швырнул туда тумбочку. Послышался удар обо что-то твердое. Стараясь не упустить удобный момент, Саша быстро поднял свое орудие и снова со всей силы бросил его.

Для уверенности он повторил это и в третий раз.

От такой «работы» Саша не должен был устать, но отсутствие нормальных условий для жизни, сказывалось на его силах. И он все чаще ловил себя на мысли, что недоедания и стрессы однажды подведут его тело. Когда-нибудь у него не хватит сил на серьезную схватку с одним из «бывших». А это обязательно должно произойти, если он собирается жить дальше. Собственно, ради нормальной пищи и собственной безопасности, и была устроена сегодняшняя вылазка. Саша хотел заполучить в свое владение целый подъезд и все, что можно забрать из квартир. Пока улов был, можно сказать, не очень.

После трех ударов тумбочкой под одеялами никто не шевелился.

«Просто затих или убит?»

Саша подумал, что подождал достаточно, и решил посмотреть кто скрывался в куче тряпья. Когда он поднимал тумбочку, она скрипнула и развалилась в его руках.

«Подобные вещи не предназначаются для убийств, — согласился он, — Но люди умудряются все, что угодно приспособить под эти нужды».

Саша положил обломки на кровать. Взял в правую руку топор, а свободной начал разгребать кучу тряпья.

Сверху лежали два толстых ватных одеяла, прорванных в нескольких местах и вымазанных тем же, чем и простыни. Они не были вдеты в пододеяльники, либо те совсем износились и разорвавшись, превратились в то мелкое тряпье, что всюду лежало здесь на полу.

Под одеялами он увидел большие куски от плотных картонных коробок. В таких перевозят мелкую бытовую технику, они скрепляются специальным степлером толстыми скрепками. Здесь были именно такие, разорванные на куски и тоже перепачканные какой-то засохшей дрянью. Попутно попадались склянки от лекарств, шприцы с согнутыми иглами, куски бинта, видимо, от сорванной перевязки.

В итоге, убрав в сторону все одеяла, простыни и мусор, Саша увидел привязанного к батарее ребенка.

«Бывшего» ребенка.

Абсолютно голый мальчик, с коричневой кожей, покрытой синими пятнами.

Видимо, перед смертью мальчик выгнулся — как будто старался встать на мостик. Макушкой ребенок почти касался пола, но привязанные руки не позволяли ему завершить движение.

Из его рта лезли наружу кривые камнеобразные зубы, но челюсти разделял почти перегрызенный кожаный ремень, державший в его рту кляп. От удара ремень немного соскочил и обнажил нижнюю губу мальчика. Она практически исчезла, словно, втянулась внутрь, оставив после себя лишь синюю полоску.

Руки были связаны вместе, и привязаны к батарее. С ногами поступили по такой же схеме. Ребенок не мог разорвать эти путы, пока не перегрыз бы ремень-кляп. Ситуация у парня была безвыходная, но

неестественные силы, приобретенные после «обращения», помогли ему протянуть так долго.

Пока Саша не прикончил его.

Странное совпадение. «Бывший» ведь мог освободиться. Ремень-то почти перегрызен, а это самое сложное. Дальше оставалось только отвязать руки и ноги. И можно выйти пошляться по подъезду.

Но тут появился Саша и проломил ему череп над левым глазом.

На всех конечностях у ребенка имелись следы от уколов. Предплечья исколоты зубами, уши рваные, левая нога от бедра была немного вывернута в право. Словом, ничего хорошего с мальчиком не произошло.

Саше стало противно от того, что он убил это… существо, такое похожее, и одновременно не похожее, на ребенка. День определенно должен будет закончиться выпивкой… и какой-то горячей едой. Ради нее-то все и начиналось. И, если уж эта квартирка последняя, значит, скоро можно будет разжигать мангал и готовить еду.

«Что ж, — сказал про себя Саша, — пора перевернуть здесь все».

Он накрыл мальчугана его же тряпьем и отошел в сторону.

На полу валялись диски, какие-то бумажки. Ничего, что бы пригодилось. Саша обратил внимание на полки, висевшие на стене. На фотографиях, что стояли в стеклянных рамках, видимо, и был изображен, ныне «обретший» себя мальчуган. Обычный ребенок, на по привычному невзрачной, семейной фотографии. Такие находки Сашу не интересовали. Он смахнул их в сторону и начал снимать с полки книги и выносить в подъезд.

Банки

Саша выносил книги и складывал на подоконники, чтобы через окна с улицы было не так заметно, что в подъезде кто-то есть. В то же время он оставлял небольшие щели между рядами, чтобы иметь возможность самому посмотреть наружу.

На полке в комнате мальчика Саша нашел две пальчиковые батарейки в упаковке, которые переместились в его карман к динамо-фонарику. Больше там ничего полезного не оказалось, и Саша переместился в зал.

С книгами, стоявшими в стенке, он поступил так же, как и с теми, что нашел в другой комнате. За несколько минут работы у него получилось заложить ими два окна — на втором и третьем этаже. Так что теперь перемещения по подъезду были не так заметны с улицы, если кто-то вдруг начнет наблюдать за его домом.

В шкафах висели старые, но добротные куртки, стояли коробки с обувью, сумки со сломанными молниями и мелким мусором внутри. В верхних ящиках лежало аккуратно сложенное постельное белье и клетчатые шерстяные пледы. На полках за стеклянными дверцами Саша нашел семь тысяч рублей. Он не знал, что с ними делать, но решил все же сунуть в карман. Мало ли. Еще там же ему на глаза попались две полупустые зажигалки и тупой подарочный охотничий нож в красивых кожаных ножнах, который никогда не использовался.

За белыми с выцветшей синей каймой полотенцами, лежавшими стопкой, он увидел маленький термос с ручкой. Объемом всего пол литра. Его крышка и донышко были отделаны черной пластмассой, а на металлическом корпусе имелся рисунок подсолнуха. Термос выглядел потрепанным, с множеством царапин, некоторые из них были довольно глубокие, так что даже почернели внутри от забившейся грязи. Саша с радостью отправил свою находку в сумку, взятую тут же. А затем вспомнил, что и у него дома где-то должен валяться примерно такой же. Теперь он сможет хранить пищу горячей несколько часов.

«Можно будет приготовить еду утром и съесть ее еще теплой вечером».

Термос действительно был хорошей добычей, возможно, даже лучшей, чем мангал. Уложив его в сумку, Саша пошел обыскивать ванную.

Так как лампочки не горели, то светил он своим новым фонариком. Поскрипывая, тот давал слабый лучик электрического света. В шкафчике над раковиной Саша разглядел полиэтиленовый пакет с тремя большими кусками хозяйственного мыла.

«Пригодится, оно отмывает так, что любая грязь отвалится, — и с этими мыслями, он отправил его в сумку. — А на нас грязи сейчас столько, что хоть вагонами вывози».

В след за мылом, Саша «прибрал к рукам» кремы, бритвенные принадлежности, ватные палочки и другую мелочь, которая выглядела поновее.

«Все теперь в дефиците, — подумал он, — странно, что на многое из этого я не обратил внимания в других квартирах. Но туда я могу вернуться в любое время».

Затем он пошел на кухню, где его ждал довольно приятный сюрприз.

В стенном холодильнике — специальной выемке под кухонным окном «пряталось» 12 полулитровых банок с солениями. Огурцы, помидоры, салаты, борщи, рассольники. А на нижней полке, одного из кухонных шкафчиков лежало три пакета для приготовления клубничного киселя, большая пачка макарон, две коробки с рисом быстрого приготовления, несколько жестянок со шпротами и пять трехлитровых банок компота. Другой шкафчик предлагал угоститься семью пачками крекеров и парой шоколадок.

Саша, понял, что сегодня ему однозначно везет. Еще бы, в этих консервах, наверное, много витаминов, и, самое главное, их не нужно готовить. Можно есть холодными. Хотя, конечно, хотелось горячей пищи.

На газовой плите стояло ведро, накрытое зеленой металлической крышкой.

«Неизвестно, что они тут кипятили без газа, но это тоже пригодится. — решил Саша, когда снял крышку и обнаружил, что там почти пол ведра с виду чистой воды. — Вечером можно будет вскипятить и каждому помыть хотя бы интимные места».

Эта перспектива выглядела весьма заманчивой —горячая вода, мыло… У Саши моментально начало зудеть все тело. Ему даже пришлось отвлечься на минуту для почесываний, потому что в его состоянии это терпеть уже было нельзя.

Еще больше, чем все остальное, Сашу обрадовал холодильник, наполненный солениями и консервами. Цветными банками были заставлены все три нижние полки, застеленные газетами. В дверце стояли уксус и две бутылки подсолнечного масла. А вот верхняя полка заставила Сашу немного растеряться на ней стояли странные маленькие пронумерованные пузырьки с разноцветными жидкостями. Там же лежали ватки, испачканные в чем-то красном, и использованные тонкие шприцы. С этой полки Саша ничего брать не стал.

На балконе он нашел удочку, маленькую лопатку, складной стульчик и топорик, который выглядел «поухоженней» его собственного. Ручка у него была длиннее, а это давало, в случае чего, Саше небольшое преимущество, увеличивая дистанцию между ним и противником. Хотя, конечно, такое преимущество ерунда. Все это он отнес в коридор, а затем занялся едой. Выносил банки к двери своей квартиры, чтобы потом можно было ее открыть и всем вместе быстро занести продукты внутрь.

Когда большая часть полезных вещей переместилась в коридор, Саша решил, что остальное сделает после того, как поест. По его подсчетам был уже полдень и пустой желудок постоянно напоминал о себе нездоровым урчанием. Да и, что немаловажно, силы уже заканчивались. С таким питанием, он мог непрерывно делать что-то на протяжении максимум пары часов. Потом требовался отдых.

Саша постучал к себе. Марина тут же открыла, будто все это время караулила его под дверью. Рядом с женой стоял сын, который немного испуганно улыбался. Он ему подмигнул и сказал:

— Смотри сколько я всего нашел.

Мальчик сделал искусственную улыбку чуть шире, но ничего не ответил отцу. Ребенок из-за «всего этого» становился диковатым или даже чудаковатым. Будущее покажет какой психологический отпечаток у него останется. Если это будущее еще будет.

Сменное бельё

— Откуда это все? — глаза жены округлились от количества продуктов, которыми был заставлен подъезд.

— Я там в одной квартирке обнаружил запасливого дедка, — растянув резиновые губы в мрачной улыбке, ответил Саша. — Он оказался не против поделиться с нами.

— Кого ты обнаружил? — встревоженно переспросила Марина, женщине показалось, что ее сердце в этот момент застучало в тысячу раз быстрее.

— Ну деда! Старика!

— Он живой?

— Да с чего ему быть живым? Отдал бы он мне все это добро по своей воле?

— Так ты зарубил его?

— Да что с тобой такое? — воскликнул шепотом Саша, начиная злиться. — Я еще не дошел до той стадии, когда начинают убивать людей ради еды! Ее еще, кстати, полным-полно в городе, главное добраться до складов. Так что убивать кого-то — нет. Тем более я и людей-то живых не видел уже три месяца.

— Я просто так боялась, что там кто-нибудь окажется, и мы с Мишей останемся одни, а тебя загрызут «бывшие»! — прошептала она и заплакала. Без всхлипываний, просто стояла и дрожала, а из ее красных глаз текли слезы. Челюсти были сжаты, как у старухи, чтобы зубы не стучали друг о друга в нервном припадке.

Мальчик смотрел своими стеклянными глазами в глубину подъезда и, казалось, не считал, что происходящее рядом, как-то касается его.

Саша устал. И не только от сегодняшнего дня, но от всего. У него не получалось сейчас найти в себе силы, чтобы обнять и успокоить жену. Поэтому Саша лишь смотрел на нее со злобой, потому что из-за этих ее слез, обед начнется чуть позже. А есть хотелось ужасно! Ведь он не только трудился физически, но еще все это время смотрел на еду и ни кусочка не положил себе в рот.

— Марина! Очнись. Я здесь. — от усталости он оперся одной рукой на стену. — У нас куча еды. А старик этот там уже давно лежит. Успел сгнить и даже засохнуть. Так что, вот он — я.

— То есть там никого не было? — она начала приходить в себя. Марина отвыкла видеть что-либо, кроме квартиры и куска улицы из окна. Ее глаза тревожно бегали из стороны в сторону. Просто открыть дверь для нее уже было стрессом.

— Ни души, — красиво ушел от лжи Саша.

В ответ она лишь кивнула, явно не испытывая интереса к происходящему.

– Так, чтобы разогнать жир и тоску, — чуть ли не впервые за долгое время попробовал пошутить он, — давайте-ка заносите это все домой. А я поднимусь наверх, там у меня мангал. Есть немного дров. Попробую что-нибудь сварить нам, наконец-то поедим горячего. Да, и поищи, где-то в квартире должен быть мой термос.

— Точно, в нем мы сможем…— ее глаза даже загорелись.

— Да-да, Марина, все знают, что он делает, ты главное его сейчас найди. — устало перебил жену Саша.

— Хорошо, хорошо, — оживилась она, увидев перед собой сразу две цели — перенос припасов и поиски термоса. — Сейчас прямо пойду искать, дверь можно не закрывать?

Саша задумался, этот мир был коварен:

— Нет, лучше закрывай, если будешь отходить. Кашеварить-то я буду на пятом этаже, чтобы дым выходил, а то мы тут задохнемся все. Так что…

— Хорошо, тогда я буду сначала все сюда в прихожую заносить, потом дверь закрывать и уже дальше в квартиру перетаскивать.

— Да, так, наверное, выйдет безопаснее всего. И еще вот, — он достал из-за пояса свой старый топорик и протянул жене, — Носи всегда с собой, надеюсь не пригодится, но лучше пусть будет.

Марина взяла в руки топор и непонимающе смотрела на Сашу.

— Но куда мне его прицепить? — не отводя глаз, спросила она.

— Ну, поясок себе сделай и к нему цепляй, только смотри, чтобы на ноги тебе не упал. А то с твоим везением, быстрей сама себя топором тупым зарубишь, чем на «бывшего» нарвешься.

С недовольным видом Марина засунула топорик в карман куртки, явно не собираясь с ним ничего делать, кроме как положить дома на

табуретку. Саша прочитал это по ее взгляду, но не хотел сейчас ругаться, поэтому решил оставить разговор про безопасность на потом. И уходя лишь добавил.

— Я нашел там у деда ведерко одно. В нем немного воды. Прокипячу ее и можно будет по паре ковшиков каждому выделить, чтобы помыться чуть-чуть. Поищи, может быть что-то чистое еще осталось, сменить белье.

— Хорошо, Саш я посмотрю, — опустив глаза ответила она, — но вряд ли. Три месяца ничего не стирали…

— А ведь, действительно. — задумчиво протянул Саша, — Ладно, не ищи, я тут в одной квартирке пороюсь, кажется там было что-то. — осенила его мысль.

— Хорошо, ну я тогда переносить начну? — робко спросила Марина.

— Да, давай, и про термос не забудь. — в очередной раз повторил он, уже отворачиваясь.

— Ах точно, — дверь скрипнула и закрылась.

Саша, фыркнув начал спускаться на второй этаж, за остатками продуктов. И заодно решил зайти к старику, посмотреть, найдутся ли у него пригодные чистые вещи. Ему сейчас было абсолютно все равно, какие он найдет там трусы или шорты, и кто их и сколько носил, лишь бы они были чистыми. Саша совершенно не помнил, как там обстояли дела с одеждой. Найденные припасы затмили перед ним все остальное, что он там видел. Из вещей, разумеется.

Скрипнув дверью Саша вошел в квартиру и прошел в зал. Подняв глаза от разбросанных на полу вещей, он увидел, что мертвый старик сидел на диване и шевелил своей челюстью словно что-то жевал.

Саша стоял и не двигался, а «бывший» как будто и не обращал внимания на присутствие в комнате человека.

Странная семья

Саша вытащил топор из-за пояса и начал приближаться к «дедушке» со спины. Точнее справа сбоку. Стараясь ступать бесшумно, он думал, как ударить «вставшего» так, чтобы наверняка? «Как я не заметил, что этот старик может быть еще активным пораженным? Да и почему «дед» лежал, пока убивали его внука? Я столько времени шумел в квартире, что только мертвый мог не услышать. Что, видимо, и произошло, в прямом смысле». Саше оставалось буквально два шага до «бывшего», когда его внимание привлекло движение справа. Повернув голову, он увидел, что в дверном проеме второй комнаты стоит мальчик. Тот самый привязанный к батарее мальчик с пробитой головой! Теперь действительно пришло время волноваться. «Встали» двое, а это уже совсем не шутки. «Но как? Почему они поднялись? — в панике задался вопросом Саша, — Я же проломил этому гадёнышу череп. Три раза приложился тумбочкой!» Но мальчик не ответил ему. Только старик, когда в дверях появился ребенок, начал звонко клацать челюстью. Пытаясь повернуться к мальчику, он повалился на левый бок и скатился с дивана. Не имея сил встать, «бывший» лишь повернул к ребенку свое обезображенное лицо, продолжая двигать челюстью. «Странно, — подумал Саша, — на меня он даже внимания не обратил за все время, что я тут возился. А этому стоило только встать, как и дед подскочил! Что же все-таки произошло в этой квартире?» Мальчик же, наоборот, не обращал внимания на старика. Он, отвернув голову чуть-чуть влево, ловил своим косым правым глазом Сашу. «Бывший» имел сгорбленную фигуру, и его левая нога почти на пол оборота вывернулась по часовой стрелке. Теперь ее пальцы смотрели на пятку правой. Пока Саша покрывался холодным потом, то успел заметить еще одну странность. Руки и ноги у парнишки оказались несколько вытянуты, пальцы уродливо расплющивались к кончикам и тоже стали длиннее. Но почему раньше он этого не заметил? Этот мальчик превращался из «второго» в «третьего» по Сашиной классификации «бывших». «Видимо, когда маленький «бывший» лежал связанный, то я видел его под другим углом! Да и путы с тряпьем отвлекали внимание от его неестественной длины рук и ног. Поэтому мальчик и

показался тогда мне обычным «первым», — решил он. Хотя, конечно, камнеобразные зубы, должны были намекнуть Саше, что процесс «поражения» дошел уже до начальной «третьей стадии». С другой стороны, откуда он мог знать, что появление таких зубов означает и превращение в «третьего»? Ниоткуда, потому что в лаборатории за «бывшими» не наблюдал. «Если бы у этого мальчика имелись силы, и он не провел несколько месяцев привязанным к батарее, то меня уже не было бы в живых». Саша видел, как «третьи» носились по улицам и разделывались с людьми. И то, что ему открылось тогда, совсем не радовало сейчас. «Третьи» — это решающий этап в эволюции «бывших», после этого они, вероятнее всего, превращались в «гончих», а от тех спасения точно не было. «Вот уж страшные твари!» А у мальчика, судя по всему, был не задержанный процесс превращения в «третьего», а остановленный этап трансформации в «гончего». С определенными дефектами из-за того, что он был связан. «С другой стороны, — подумал Саша, — здесь столько всяких склянок с лекарствами и эти, видимо, кровавые ватки в холодильнике. Может быть старик рехнулся и старался вылечить «бывшего»? Пичкал его аптечными снадобьями? Да что же здесь за семейка такая?» Саша обреченно вздохнул. И продолжил думать над тем, что ему стоит предпринять: «Мальчик слаб. Практически не двигался три месяца. Трансформация еще далеко не закончена, да и, вообще, он весь какой-то странный. — чуть ли не фыркнул от обиды на «вставшего» Саша. — Возможно убить его будет намного проще, чем кажется. Особенно во второй раз. Почему же они все время «встают», как же их прикончить-то совсем?» Мальчик сделал шаг в сторону своего гостя. Дал понять сферу «своих интересов». И это значило, что последняя, для кого-то из них, игра началась. Стало понятно, что нужно брать инициативу в свои руки. Саша взмахнул топором, стремясь обрушить его на голову «бывшего» и ринулся в атаку. Но мальчик, к удивлению человека, плавно рухнул вперед и ловко перекатился через себя. Оказавшись на долю секунды за Сашиной спиной, «бывший» неожиданно сильно ударил его обеими руками. Неожиданно! Слишком неожиданно! Саша предполагал, что твари будут кусаться и рвать зубами плоть. А вместо этого, мертвый мальчишка мастерски уворачивался от топора и бил в ответ. Удар оказался мощным, прямо между лопаток — Саша даже опустился на одно колено. Защищаясь,

он не целясь махнул топором у себя за спиной и перекатился в соседнюю комнату. В ту самую, где пару часов назад убивал этого самого мальчика, который сейчас стремился отправить на небеса его самого. Со сдавленным шипением, рассвирепевший «бывший» последовал за своей жертвой. Он прыгнул и повис на дверном косяке, а затем обхватив и сильно зажав его ногами, освободил свои руки для драки. Саша опешил от такого кульбита. Надо признать — это имело сильный психологический эффект, потому что выглядело будто это маленькое чудовище висело на стене. Что, в принципе, так и было. Но мальчик не собирался давать ему передышку и, зашипев, ударил Сашу обеими руками. В глазах же человека «камнезубый» сейчас выглядел огромным, прыгающим по стенам монстром, от которого, казалось, не найти защиты. Саша даже не успел поднять руки, чтобы сделать блок и пропустил сильный удар в лицо. В этот раз он снова не целясь махнул топором в ответ! И даже попал — в стену! «Бывший» уже сменил позицию и, обхватив ногами дверной проем сверху, повис вниз головой. Увидев это, Саша едва успел отскочить от очередного удара в лицо! Промедли он и кривые длинные пальцы, скорее всего, ослепили бы его. Глаза ребенка стали совсем не похожи на человеческие. Что-то неизвестное скрывалось в них. Возможно, это была непознанная никем другим та грань страданий, что выпадала на долю бывших людей. Но Саша не собирался сейчас анализировать «глубину» взгляда монстра. Он, со страшным криком, сделал решительный и незащищенный выпад всем телом вперед. В его вытянутой правой руке находился топор, который должен был проломить грудную клетку висевшей перед ним твари!

Аппетит

Со страшным криком Саша, сделал решительный и незащищенный выпад всем телом вперед. В его вытянутых руках находился топор, который должен был проломить грудную клетку висевшей перед ним твари.

«Бывший» не ожидал такой скорости от человека, поэтому топор, не встречая препятствий, вошел в грудь мальчика.

Саша не растерялся и что было сил дернул рукоять своего оружия вниз и буквально сорвал «вставшего» со стены. Падая, тот сильно ударился головой о пол и с хрустом свернул себе шею. С едва слышимым свистом из теперь уже точно мертвых легких выходили остатки, видимо, питавшего его «нежизнь» воздуха.

Став ногами на плечи ребенка, Саша с яростным криком вырвал топор из его груди, попутно еще сильнее разворотив ее. Несколько капель «темнокрови» долетели до потолка.

Тварь была мертва. Но человек в своей схватке с чудовищем не собирался останавливаться. Он стал прицельно рубить топором по конечностям «вставшего», стараясь отсечь их.

Удар за ударом. Саша понимал, что просто расчленяет своего противника. Совершенно очевидно, что тот и так уже точно никогда не «поднимется» со сломанной-то шеей и раскуроченной грудной клеткой.

Но аналогично Саша думал и час назад, когда проломил «иначеживому» череп…

Он порубил «бывшего» на куски. Некоторые из них держались друг за друга благодаря коже. Оголились расколотые кости, торчавшие острыми краями из-под плоти. Крови вышло совсем мало. Образовалась лишь маленькая темноватая лужица неизвестной жидкости, которая и на кровь-то похожа не была.

— Теперь ему уже не «встать», — решил Саша и, не позволяя себе отдышаться, перевел свой взгляд на старика.

Тот что-то клацал «по-своему», но не двигал ни одной из конечностей. А левый глаз его будто расплавился и вытек.

Но правым.

Мертвоход всё видел.

И, видимо, понимал, что происходило в этой комнате. «Встал» же он, когда «поднялся» мальчишка. Значит, чувствовал.

И не трудно предположить, какое старик испытывал чувство. То самое, которое в этом мире никто так и не смог объяснить.

Любовь? Хм...

Как бы это ни звучало, но мертвый старик мог испытывать разве что это чувство к своему внуку. Переживал его даже внутри неживого тела. Сомнительно...

«Даже, когда он стал «бывшим» в нем осталось что-то человеческое? — искал ответ в своей голове Саша, когда замахивался над шеей старика топором. — Очень противоречивая и непроверяемая версия».

Хтыщь — рубанул топор и полилась почти красная кровь. В пожилом бывшем ее оказалось значительно больше, чем в молодом. Из того сочилось только что-то темное и густое. Как будто переработанное. Или отработанное. А здесь очень даже похоже на то, что должно бежать по венам человека.

Хтыщь.

«Вероятно, мальчик заболел, а старик пытался его лечить» — продолжал, вполне себе спокойно, рассуждать Саша.

Хрум. Голова старика отделилась от туловища.

«Но у него ничего не вышло. В плане лечения, да еще и сам он, заразился. Этому есть куча доказательств. И вторая стадия, наверное, на подходе».

Саша пнул ногой голову старика, чтобы не мешалась, и та откатилась в сторону останков мальчика.

«Но его болезнь протекала как-то не совсем обычно. Возможно, он каким-то образом смог сдерживать... «обретение» себя?» – задался вопросом Саша и вспомнил про склянки с лекарствами, разбросанные по всей квартире.

Хлюп. Топор перерубил правое предплечье.

Хтящь. И левое тоже.

«Но вылечиться у старика не получилось. Зараза победила, или, что вероятнее, только частично взяла над ним верх. Расплавили его мозг уже неправильно принятые лекарства? Может быть и так…» —

Саша не смог найти другого объяснения странному поведению старика и начал рубить мертвецу ноги.

Через минуту он вытер окровавленный топор об одеяло. Затем взял на кухне несколько пакетов, чтобы не испачкать руки и перетащил останки «бывших» в ванну. Сверху Саша придавил их стиральной машинкой, сил перевалить которую через борт ванны у него уже едва хватило.

— Тяжелый получается у меня день, — пробормотал он, собираясь уходить, но взгляд его привлекла внимание одна странность.

Эта странность была весьма специфической. Только человек живший на квадратных метрах, построенных в СССР, мог заметить это.

В таком жилье без перепланировки, как правило, всегда было тесно и современным семьям банально не хватало места. Обычно мебель в этих помещениях ставят вплотную к стенам, чтобы сэкономить пространство. Но между диваном, на котором раньше спал... ныне расчлененный покойник, и окном, к которому диван должен был по всем «правилам тесноты» быть приставленным вплотную — оставалось пустое место. Около полуметра. В этом нерациональном использовании пространства не чувствовался почерк старика, который не поставил бы так диван. Саше надоело гадать и перехватив топор покрепче он подошел к окну. И увидел там тумбочку с навесным замком.

Однако.

Самая обыкновенная тумбочка, к которой прикручены две металлических петли, а через них просунуто ушко замка.

«Прикрутить петли на саморезы? — удивился Саша. — Если нельзя сломать замок, то можно открутить петли или выломать саму дверцу. Это же обычный тонкий МДФ. Странно».

Саша отодвинул занавеску, вытащил тумбочку и ударил обухом топора по петлям, которые сразу же отвалились. Он даже поднял бровь от удивления — тумбочка оказалась совсем непрочной. Зачем же тогда замок?

Открыв покосившуюся уже дверцу, Саша заглянул внутрь. Там лежал белый конверт с помятыми уголками.

«Письмо?»

Не распаковывая свою находку, он вышел в подъезд и сел у стены. Достал сигарету и собирался закурить. Но с обидой вспомнил, как его едва не убил «бывший» мальчишка, несколько месяцев пролежавший связанным. Саша смял и выбросил трубочку «медленной смерти». И только после этого почувствовал, что у него разбиты нос и губы, из которых сочилась кровь. Он поднялся на этаж выше, достал бутылку водки из картонной коробки, стоявшей у двери, и отпил прямо из горла.

— Саша, что я слышала за крики? С тобой все в порядке?

— Живее всех живых, — ответил он и, не выпуская бутылку из рук, стал подниматься наверх к мангалу, чтобы приготовить еду.

Ничто не могло лишить его аппетита.

Странные бывшие

Саша налил немного водки на ладонь и зажмурившись протер ей разбитое лицо. Сморщившись от раздражающих укольчиков, мужчина повторил процедуру «стерилизации» ран. Поставив бутылку на пол, он открыл одну из найденных им пачек влажных салфеток и тщательно протер лицо, руки и шею.

«Губы разбиты, нос хрустит, но вроде бы не сломан».

Его слезившийся правый глаз как бы сообщал, что вот-вот должен будет закрыться на несколько дней. Не только лицо, но и внутреннее состояние Саши оказалось разбитым. Еще бы, ведь его едва не убил мальчишка, которого он вроде как прибил раньше!

Однако, ни что из произошедшего, не отнимало у него желания отведать горячей пищи. И слегка ополоснуться, ведь удалось раздобыть воды.

«Получается, прямо праздник какой-то…»

Он собрал свой хлипкий мангал и взял в руки первую попавшуюся книгу. Прочитав имя автора, Саша скривил лицо и, без сожаления вырвал несколько листов, разорвав попутно обложку. Скрутив бумагу в несколько трубочек, он смял их так, чтобы не развернулись и положил на дно мангала. Справа и слева от них, бросил по крупной щепке, а сверху перпендикулярно положил еще две. Получился квадрат или, как называли такой вид розжига костра, колодец. Складывая сухие тонкие щепки квадратом, он изредка подкидывал к ним свернутые листы бумаги и постепенно сужал «стенки» колодца сверху. Когда тот вырос сантиметров на тридцать и получилась маленькая «пирамидка», Саша положил сверху парочку среднего размера щеп. Затем, один раз чиркнув зажигалкой, запалил свой первый костер в мире, впавшем в «новый каменный век». Щепки моментально разгорелись, и Саша подкинул дровишек покрупнее. Сверху на мангале он аккуратно разместил кастрюлю с водой — бросил в нее камешек соли, горсть приправ и стал ждать, когда она закипит.

Через минуту Саша понял — что-то пошло не так — из-за дыма стало нечем дышать. Действительно, будучи занятым зализыванием

своих ран, он совершенно забыл открыть окно. С невысказанным матом и редким кашлем, он начал дергать за ручки пластиковых окон, установленных в подъезде буквально полгода назад. Отворив два из них на своем этаже, Саша спустился на четвертый и открыл еще одно, чтобы образовался сквозняк. К тому моменту, как он вернулся назад, большую часть дыма уже вытянуло на улицу.

Саша соорудил себе «стул» из книг и, присев, задумался над тем, какое же блюдо ему приготовить? Его губы растянулись в кровавой улыбке, когда он начал выбирать ингредиенты. Давно такого не было…

…Миша устроил истерику.

Сын не хотел мыться. Уговоры и угрозы наказанием на него не подействовали. Да и как можно наказать ребенка, у которого и так ничего нет, и он плачет из-за того, что его заставляют смывать грязь?

Может быть вы что-то отберете или запретите ему? Не накормите?

В разрушенном мире нет возможностей для привычного воспитания детей методом шантажа. Или, как его обычно называют, «кнута и пряника».

Выход?

Пришлось закрывать ему рот рукой, чтобы на рев не сбежались «бывшие». В итоге ребенок стал значительно чище, и все остались живы. Но каких-нибудь успокоительных пропить однозначно стоило. Всем.

— Во многих квартирах, видимо, еще прячутся люди. И их «обретшие» себя родственники. Вместе, — начал Саша делиться своими свежими размышлениями с женой.

Он перевел взгляд на Марину, но та не нашла для него слов. Она просто сидела и медленно засыпала под звуки его голоса.

— Нам сложно расстаться с любимыми пусть и зараженными. Женами, детьми, внуками. — продолжал он говорить. — Вот старик и пытался его сохранить, вылечить. Провести больше времени вместе. Не знаю, как бы я поступил в таком случае. Наверное, по-другому.

После того, как семья перекусила рисом, сваренным с тушенкой, стали пить чай. В это время Саша и рассказал Марине о своей встрече со странными «бывшими». Он посчитал, что тело жены будет занято перевариванием пищи — не самым привычным теперь занятием — и не даст мозгу сильно зацепиться за его рассказ. Чтобы она не кричала,

не ругалась, а вела себя спокойно и просто слушала. Ведь все равно проблема уже решена.

«Хотя с этими странными «бывшими» ни в чем до конца нельзя быть уверенным».

Но тут же Саша вспомнил, что они лежали разрубленные на части в ванне и были придавлены стиральной машинкой. Так что не в этом случае.

— Такая уж мы порода, не хотим мириться с действительностью. Стараемся идти против здравого смысла. Упрямые. — с грустью произнес Саша. — Вот только не там, где нужно.

Пятый этаж. Лестничная площадка. На полу стояло несколько кастрюль и термосов с едой. Постиранное нижнее белье, носки и две детских футболки, болтались на веревке над тлеющими углями в мангале. Одежда не то чтобы была постирана, скорее, выполощена в грязной воде, что осталась после того, как они помылись. Лучше, чем ничего, отобьет хотя бы запах...

— Десятки этих людей, если не сотни, спрятавшиеся по всему городу, — сказал он, глотнув из кружки горячего чая, — И заразившиеся от своих «пораженных» близких, уже давно могли бы объединиться и бороться с заразой. Постараться выжить, чтобы начать с начала жизнь в этом мире. Но нет. Каждый ждал своего лифта из преисподней. Каждый хотел уехать один. Вместе подниматься им неинтересно. Поэтому и сидим мы тут с тобой. Думали, что самые умные, а оказались…

— Какие? — вступила в разговор Марина.

Саша посмотрел ей в глаза, но ничего не ответил. Отпил еще чая. Было уже часа четыре и солнце, к общему удивлению, заглянуло в их открытые окна. Пригревало. И тут он вспомнил про письмо, что нашел в тумбочке старика.

Витя и Лена

— Надо, что-то думать. — Снова заговорил Саша, аккуратно вытащив бумажный конверт из кармана. — Куда-то выбираться, перебираться — не знаю. Нужно другое здание, где можно разводить огонь. Готовить еду каждый день. Чтобы там была вода. Надоело так жить. Это не жизнь совсем. Грязь одна.

— Для этого нам надо выходить. — обреченно сказала Марина и посмотрела на мужа.

—Ну, я уже выходил. — мотнул головой он. — Нужно лишь немного везения.

— Нет, сначала важно понять куда нам идти. Просто так с ребенком ты на улицу не выйдешь. Он — не ты. Я — не ты. Каждый из нас может испугаться и закричать.

— И тогда всё. – печально произнес Саша и отхлебнул чая.

—Да, поэтому все нужно спланировать. Нужно найти какой-то дом. А лучше попробовать как-то связаться с теми людьми, что живут в соседнем доме.

— А вдруг это окажется не самой лучшей идеей? — лениво спросил он и положил конверт себе на колени.

— Почему? Это же люди! — не поняла Марина.

— В том-то и дело, что люди! Это, если у всех «бывших» одинаковые интересы, то ты, видимо, забыла, что все люди разные. Бывают хорошие, а случается встретить и плохих.

— Саша, ты идиот? Сейчас не то время! Ты в своем уме? Нам всем тут выживать надо…

— Да. И им точно так же, как и нам нужны еда, вода и тепло. В каком-нибудь идеальном мире мы может быть и могли бы рассчитывать на поддержку других. Но здесь нужно помнить, что каждый сам за себя. И, если ты собираешься кому-то протянуть руку помощи — будь готова получить арматурой по голове.

— Нет, ну ты совсем рехнулся, — раздраженно отмахнулась Марина, — И что нам теперь убить их?

— Вовсе необязательно. Возможно, это прекрасные люди. Просто, я хочу, чтобы ты не связывала с ними какие-то свои надежды. Потому

что они могут оказаться не такими, какими ты их представляешь.

Она покачала головой.

— Сначала нужно выяснить неопасны ли они для нас.

— Ну и как ты собираешься это сделать?

— Провести испытание. Если, конечно, эти твои люди там вообще есть.

Ее разочарованный взгляд упал на конверт, лежавший на его коленях.

— А это что?

— Не знаю, нашел у той странной семейки. Письмо, видимо, какое-то.

— Еще не раскрывал?

— Нет.

— Тебе, что неинтересно?

— Ну, так… — вяло ответил он. — Поесть нормально мне было гораздо интереснее.

— Открой, давай посмотрим.

Саша вскрыл конверт и достал оттуда листок в клеточку сложенный пополам. Еще внутри оказался плоский потертый золотистого цвета ключ.

— Читай.

«Витя или Лена, Павлик заболел. Вы не пришли к магазину, а мы вас ждали. Я все подготовил, как и договаривались и закрыл магазин только на один ключ. Машина под окнами справа.

Павлик постоянно кричит и лезет кусаться. Я стал совсем плохо видеть. Наверное, мы не вылечимся».

— Все, — сказал Саша.

— Все? — удивилась Марина. — И это все?

— Да. — рассеянно ответил он.

— Но ничего же непонятно! — возмущалась жена.

— Ну, тем, кто должен был это прочитать, видимо, стало бы понятно, о чем тут речь. — словно через силу сказал Саша, будто его совсем не интересовало это письмо.

— И о чем?

— А я откуда знаю? Я тебе не Витя и не Лена.

— Что же это за магазин? Как ты думаешь?

— Без вариантов. В нашем городе магазинов — сотни. И от какого этот ключ, я думаю, выяснить не получится.

— Жаль. Вдруг там было то, что нам нужно.

— Да нам сейчас из любого магазина практически всё пригодится. Мы не в том положении, чтобы выбирать.

Саша начал думать:

«А почему бы не перерыть все в этой квартире снова? Только искать не еду, а документы и чеки? Идея имеет право на существование».

— Значит, смотри. Мы можем обыскать эту квартиру во второй раз, правда, там бардак. Будем искать какие-то «привязки» к этому магазину: документы, чеки, записи.

— Может быть даже пакеты, помнишь на них же наносят логотипы, адреса. — оживилась Марина.

— Да, это тоже хороший вариант. Конечно, не нужно настраивать себя, что мы сможем определить, что это за магазин. — аккуратно намекнул он. — Потому что шансы невелики, но попробовать стоит.

— Подожди, там же говорилось про машину?

Саша пробежал глазами письмо — действительно, там говорилось, что машина должна стоять под окнами справа.

— Но, где справа? Под какими окнами? Магазина или дома?

— Думаю, магазина. — сказал Саша. — Вообще, это письмо какое-то дурацкое.

— А чего ты ожидал, что он тебе всю историю свою перескажет и ключ от квартиры с деньгами оставит? Что ж, ключ там есть.

— Да, наверное, чего-то такого я и ждал. Какую-то историю, а не это предназначавшееся конкретным людям. Он ведь их ждал, получается. Они планировали куда-то вместе уехать, но Витя и Лена не пришли.

— Потому что скорее всего их сожрали бывшие.

— Или они сами бегали и пытались кого-нибудь сожрать.

— Боже, что же творится с этим миром.

— Странно, что-то тут не так.

— Что?

— Почему старик думал, что они к нему придут домой, раз не пришли к магазину?

— Просто обычный дедушка, Саш, наивный, что-то там себе думал в своей голове…

—Нет, а вдруг в его квартире действительно есть что-то такое, за чем они должны были точно прийти.

—Ну, как ты не понимаешь, Саша?

— Да что?

— Это был их ребенок. Павлик.

Дно

«Да, если бы родители Павлика все-таки вернулись за ним, то им бы не понравилось то, что бы они здесь увидели», — злорадствовал Саша, пиная ногами мусор по квартире, в которой раньше жили старик и мальчик.

Наступило утро следующего дня. Они всей семьей, позавтракав едва теплым рисом и прохладным чаем, вышли на свою первую совместную прогулку. В соседнюю квартиру.

Правый глаз главы семейства заплыл и почти не открывался, губы распухли, а некоторые зубы даже немного шатались. Все это раздражающе побаливало и доставляло легкие «коммуникационные неудобства».

Светило солнце. Было холодно и сыро.

«Возможно, этот день окажется теплым».

Никаких чеков или других документов, что могли бы указывать на магазин, обнаружить не удалось. Пока.

— Да ну их! Что толку искать! — Саша с досадой пнул пустую коробку, и она улетела в другую комнату.

— Ну, а вдруг, мы узнаем, что это за магазин! Если это все нам какое-то послание?

— От кого? — добавив скептики в свой голос, спросил Саша. Его левый глаз начал сверлить суеверную жену.

Немного замявшись, Марина ответила:

— От судьбы. — и опустила глаза.

— Понятно.

И вдруг его осенило, нужно было искать не бумажки из магазина, а ключи от машины! Ведь она, должна была находится где-то поблизости. Да и координаты какие-никакие для нее были.

— «Машина под окнами справа». — сказал он вслух.

— И что? — повернула к нему Марина свое недовольное лицо.

— А то, что ищи ключи, Марина! А не бумажки из магазина! — шутливо-нравоучительно скороговоркой проговорил Саша. — Если найдем машину, то найдем и магазин! Она либо где-то здесь под окнами, либо возле магазина, о котором он написал.

— А как они выглядят? — строго спросила Марина и он понял, что его «шутливая» манера разговора потерпела фиаско.

— Ну, — начал было Саша, но замялся не зная, как объяснить. — Ты что ключи от машины ни разу не видела? Брелок, ключ, какая-нибудь ерунда еще на нем может висеть. Ищи!

Жена, кивнув, начала с энтузиазмом копаться в разбросанных всюду вещах. Саша тоже прибавил рвения в своих поисках, он перепроверил карманы во всей одежде, что нашел, но тщетно. От непрекращающегося обыска квартира погружалась во все больший хаос и совсем теряла облик цивилизованного жилища.

Саша не знал, сколько прошло времени, с тех пор, как они вошли сюда, но от усталости он уже валился с ног, а результата до сих пор не было. И вдруг Марина спросила:

— Саша, а где здесь вешалка?

— Ну, в прихожке, как обычно. — подняв бровь, ответил он. — Как и в любой из этих дурацких квартирок.

— Ну, а ключи в этих «дурацких квартирках», где обычно вешают?

Саша тупо уставился на свою жену, не понимая к чем она клонит. Через несколько секунд выражение его лица несколько изменилось, и он быстрым шагом направился в прихожую. Собственно, до нее-то и было всего шагов пять-шесть.

И действительно, слева от вешалки для одежды, к стене была прибита небольшая прямоугольная старенькая деревянная ключница. У дверцы была ручка в виде маленького металлического колечка.

Саша открыл ключницу и увидел три «гвоздика». На одном из них висели ключи, видимо, от квартиры, остальные же были пусты. Но на донышке ключницы под слоем пыли лежал брелок с ключами от машины.

— Есть!

— Они там?

— Так точно! Ты гений, жена!

Марина даже запрыгала от радости. На ее бледном измученном лице впервые за долгое время появилась улыбка. Вот только сын никак не участвовал в радости родителей, он просто ходил по квартире, смотрел под ноги и копался в мусоре, если видел там нечто, что могло его заинтересовать.

Саша с Мариной переглянулись и сразу же вспомнили, где находятся. В месте, где больше нет радости.

— Что теперь? — спросила она.

— Нужно идти и искать, — без энтузиазма ответил Саша. — Если повезет, то машина окажется где-то поблизости, а это уже значит, что и магазин старика будет совсем рядом. По крайней мере, я так понял из его письма.

— Но тебе сейчас нельзя выходить…

— И поэтому пойдешь ты?

Повисла пауза, Марина смотрела на Сашу и не знала, что ответить, а он не улыбался, объясняя, что пошутил.

—Ну, — Марина посмотрела в пол, — если надо, то я смогу выйти, — выдавила она из себя эти слова и поняла, что вместе с ними ушла вся радость от находки. Зачем он так делает, думала она, это же грубо, неприятно?

— Да ладно, я шучу, — упустив удобный момент, все же сказал Саша, — Как глаз заживет, я выйду. Тебе одной там не продержаться. Хотя всё это непредсказуемо...

Марина молча развернулась и неуверенно пошла к двери из квартиры:

— Миша, пошли домой, — тихим голосом обратилась она к сыну и тот, словно, робот встал и покорно пошел за матерью, также не поднимая от пола своих глаз.

Саша смотрел на жену и ребёнка, и вдруг понял, что даже не помнит цвета их глаз. До него наконец-то «дошло», что он обидел Марину. Был слишком резок. Не сгладил вовремя. И теплые чувства, так давно не видевшие этого света, снова ушли в глубину души. Куда-то, где у нее находится дно…

Свой дом

Сексуального влечения практически не было. Да и те чувства, что появлялись быстро проходили. Им не хотелось прикасаться друг к другу. И дело не в стрессе и все более проявлявшихся проблемах с «нервными клетками». От каждого из них в прямом смысле воняло. Вся одежда была нестираной, а большая часть тела немытой. Кое-что они, конечно, протирали дефицитными влажными салфетками, но на общей «атмосфере» это ни сказывалось. И, если кому-то кажется, что вонючий мужчина задумается об интимной близости с такой же вонючей женщиной, то он наивный храбрец. Или один из тех ребят, которые все еще краснеют при слове — секс. Так что с этим делом все обстояло просто. Ничего такого не делали. Да и сил не было, с каждым днем тела становились все более дистрофичными. Вместе с обычной пищей не хватало и витаминов. «А значит, скоро, что-то может начать отказывать. Ждите». Это была еще одна Сашина проблема, которая мучила его бессонными ночами. Как достать еду, лекарства и витамины? Или как выбраться туда, где нет бывших? Он сидел у окна и смотрел на дом, что стоял у перекрестка. Где-то там должны быть люди, которых видела Марина. — Но почему они так больше ни разу и не появились? — спросил Саша в сотый раз. — Я не знаю, Саш. А ты сам часто сейчас на балкон выходишь? — огрызнулась Марина, уставшая от его вопросов. — И правда. — даже удивился он такому простому и логичному ответу. — На балконах сейчас делать нечего. А в тот раз они зачем выходили? — Кажется, выбрасывали что-то. Думаю, то же самое, что и мы выливаем с балкона. — Хм. Я смотрю к концу жизни и у тебя голова начала работать, жена! — не отрывая взгляда от дома, раздраженно сказал Саша. Он все время теперь был раздраженный. Да и не он один. «Всей семьей медленно сходим с ума…» — А в том доме были какие-нибудь магазины? Фотостудия какая-то на углу точно работала. Ты не помнишь? — он раскачивался на старом деревянном стуле, что изредка, едва слышно поскрипывал. — Кажется, колбасы белорусские были как раз между кафе и фотостудией. — откликнулась Марина, она сидела на диване, а рядом, положив голову ей на колени, спал Миша. — Салон красоты там был.

Помнишь? Ты же сам туда стричься ходил. — Точно-точно, — протянул Саша, вспоминая, — Там еще оказалось дороже, чем в других рублей на сто. — Да, причем ты два раза первых, когда приходил, тебе сначала пятьсот сказали, потом шестьсот сразу. Ты еще злился долго. — Ага, но мастер там хороший. — его глаза начинали слезиться — задумавшись он совсем забыл моргать. — У нее рука, что ли легкая была. Лучше всех стригла. Дорого, но, зато так, «как нравится». — А рядом еще работал маленький торговый центр двухэтажный. — И за ним парковка. Кстати, да, может быть и там! Стоит туда сходить поискать машину «этого деда». — Заодно можно будет попытаться как-то связаться с теми людьми, что живут в том доме, — с надеждой сказала Марина. — Да, но как? — без искры в глазах, спросил Саша. — Бросить что-нибудь в окно. — Что? — Ну, камень бросить. Или палку. Желательно не разбить им ничего. — Ты с ума сошла? — Почему? — Да сюда бывшие со всего города сбегутся, чтобы сожрать идиота, который окна тут бить начнет. Они страшнее любой полиции, потому что приходят всегда. И ждать их долго не нужно. Круче любой «скорой». — Ну, значит, надо что-то бросить туда так, чтобы услышал только тот, для кого оно будет предназначаться. — Хотел бы я посмотреть, как ты это сделаешь. — со злой интонацией в голосе сказал Саша. — Надо будет — сделаю. — ответила Марина и в упор посмотрела на Сашу, но он не поднял своих глаз и «проглотил» ее слова. Саша понимал к чему идет разговор и, почувствовав в нем еще неясную для себя уязвимость, решил не развивать эту тему. И просто замолчал, пытаясь погасить внутри себя злость и одновременно решить задачу, заданную ему женой. Саша захотел снова перечитать записку старика и достал ее из внутреннего кармана куртки. «Витя или Лена, Павлик заболел. Вы не пришли к магазину, а мы вас ждали. Я все подготовил, как и договаривались и закрыл магазин только на один ключ. Машина под окнами справа. Павлик постоянно кричит и лезет кусаться. Я стал совсем плохо видеть. Наверное, мы не вылечимся». Ключ от магазина был тут же в конверте. Саша чувствовал, что не выйдет у них ничего с этим магазином. Им нужны не поиски какой-то непонятной двери, а решение совершенно простых задач — безопасность, еда, вода и тепло. Скоро зима. Вот-вот уже. Черт... С другой стороны, этот магазин может хранить в себе какие-то припасы, может быть даже оружие. Возможно, карту или записи, указывающие

на место сбора всей семьи. Ведь они собирались куда-то ехать все вместе. «Точно!» Саша даже подскочил от неожиданной догадки. — Они же собирались уезжать, Марина! Куда-то ехать! Возможно, у них дом за городом! — Совершенно необязательно! — словно обиженная учителка вяло ответила она. — Да точно, у них коттедж там какой-нибудь! Если у людей свой магазин, неужели ты считаешь они бедно живут? — Что толку нам от этого? — Если мы находим машину, то находим и магазин. Заходим в него, определяем куда ехать и уезжаем отсюда к чертовой матери!

Водитель

Марина не считала план своего мужа идеальным. Но его мозги хотя бы смогли связать факты и сформировать их в Идею. Одну единственную идею. Возможно, никудышную. О том, как можно попытаться спасти семью.

Другие варианты всё равно отсутствовали.

Поэтому, спустя три дня после того, как было найдено письмо, он отправился на улицу. К тому дому на перекрёстке. Где жили люди, которых она, правда, больше так ни разу и не увидела.

Возможно, Марина занималась попустительством. Позволяла ему валять «опасного дурака». Но ведь только благодаря Саше они с сыном всё ещё дышали. Возможно, он правильно разливает информацию по своим извилинам, а она нет. Поэтому Марина и замужем. За. Мужем.

За стеной?

«Но что жена может дать мужу? Сына? Продолжение рода? Что нужно мужчине сейчас во время перемен? В дни утрат? Хотя здесь требуется иное название, но она не сильна на выдумки. А Саша бы смог…»

Марина отправила эти мысли в «папку» Будущее, пообещав разобраться с ними потом. И снова взглянула в окно.

На «тот» дом.

Возле него. До «безвременья». Работал маленький торговый центр, сразу за которым имелась парковка. Возможно, как раз про неё написал в своем письме тот старик. И это теперь предстояло проверить её мужу.

Она стояла за занавеской у балконной двери и смотрела, как Саша, прячась за брошенными машинами, перебегал дорогу. Он постоянно оглядывался и старался ни к чему не прикасаться. По крайней мере, ей так казалось издалека, на город опустился туман, и видно было плоховато.

Достигнув цели, её мужчина посмотрел за угол дома и через секунду скрылся за ним. В поисках неизвестного магазина, чужой машины и возможностей спасти свою маленькую семью.

***

Холодно было на улице. Точнее холодно и раздражительно-сыро. Из-за легкого тумана и мелко моросящего дождя.

Саша предположил, что это ему только на руку. Во время дождя «бывшим» будет гораздо сложнее учуять запах человека. Теоретически. Ведь о способах, какими они могли обнаружить «добычу», собственно, не знал никто.

Перебегая дорогу на противоположную сторону улицы, Саша не заметил ничего подозрительного.

Он спокойно подошел к нужному дому. Обычная старая пятиэтажка из красного кирпича. Его квартира была в точно такой же.

На ближнем к дороге углу здания раньше работало кафе — «ХЗ». Название расшифровывалось как «Хорошее заведение». На другом углу дома располагался магазинчик джинсовой одежды, в котором и в «не лихие» времена не водилось покупателей. Как он тогда выживал — непонятно. Поэтому отсутствие там людей сейчас создавало картину, скорее, привычную, чем наоборот.

Все стёкла покрывала пыль, превращаемая ветрами и дождями в слой комковатой грязи. Разглядеть, что происходило внутри было невозможно. Да и судя по всему, ничего там и не происходило. Кроме гниения.

Возле покосившихся дверей скопился уличный мусор и опавшая листва. Их давно не открывали и, соответственно, оттуда никто не должен был выпрыгнуть.

«Хотя в этом мире ни в чем нельзя быть уверенным. — подумал Саша. — Встали же те двое «странных бывших».

Заглянув за угол дома, он увидел стихийную парковку.

В дворике между жилыми домами и торговым центром имелся свободный кусочек земли. Разумеется, его, как и везде, заняли не клумбы и детская площадка, а автомобили.

Двор — это площадка метров тридцать в ширину и шестьдесят-восемьдесят в длину. Параллельно пятиэтажке стоял двухэтажный домик квартир на десять-пятнадцать. Выстроенный тоже из красного кирпича, но годившийся ей «в отцы». На втором этаже этого зданьица, весьма сомнительной прочности, имелось три балкона. Застеклен из них был только один, у остальных балконные двери в квартиры были нараспашку. На окнах первого этажа почти везде стояли решетки и стекла, как ни странно, сохранились.

В пятиэтажке, возле которой стоял Саша, все железные двери в подъезд были закрыты. Но без электричества домофоны не работали и попасть внутрь не составляло труда. Если ты умеешь открывать двери. «Бывшие», надеялся Саша, с этим еще не разобрались.

«Пятнадцать».

Столько машин он насчитал на парковке. Некоторые, брошенные второпях, стояли так и не завершив маневр. Двери у многих остались не закрыты.

Саша перешёл асфальтированную дорожку, что тянулась параллельно дому, и подошел к машинам. Нажал кнопку на брелоке с ключами.

Ничего.

Хмыкнув, он прошёл вглубь придомовой территории и снова вжал кнопку в корпус. Тишина. Ни одна машина не «пикнула» или даже просто не щёлкнула замками.

Сморщив лоб, он хмыкнул в очередной раз и решил: «Невезуха».

Только три машины подходящей марки «ждали» своих хозяев на парковке.

«И те, по всей вероятности, окажутся чужими», — зная свое «везение», промямлил про себя Саша.

Они не реагировали на брелок, но это могло происходить из-за «севших» аккумуляторов. За три месяца «батарейки» у большинства машин просто обязаны были разрядиться, так как клеммы с них никто не снимал.

Соответственно, шанс на удачу, пусть и крохотный, но имелся. А Саша и не рассчитывал на большее, поэтому стоило попробовать открыть ключом эти три машины.

Он решил начать с той, что стояла ближе всех к нему — слева у дороги, ведущей в глубь улицы. Две другие были припаркованы рядом друг с другом возле красного двухэтажного торгового центра.

«Их я проверю» позже.

По обе стороны от его «цели» стояли две машины, получалось, что идти нужно было между ними.

Саша огляделся — никого. Тишина в городе. Ни единого звука, лишь легкий ветерок иногда приносил крохотные капли дождя, да шевелил мелкий мусор.

Приближаясь к своей цели, боковым зрением Саша заметил что-то странное справа. Большую тень или труп в другой машине. Мужчина быстро повернулся и на секунду замер от увиденного.

В автомобиле с оторванными передними дверьми на месте водителя кто-то сидел.

Рыбак

Сашу прошиб пот. Но он и не подумал бежать. Наоборот быстрым шагом направился к неизвестному существу, решив первым напасть на него. Инстинкты или нечто другое, что управляло им сейчас, просто приказали телу действовать, не объясняя ничего мозгу.

Саша приближался и вглядывался.

Эта машина когда-то горела. Но пламя быстро погасло, едва успев опалить передние колеса и капот. Лобовое стекло почернело и растрескалось, но осталось на месте. Двери слетели и уже покрылись ржавчиной.

Но, разумеется, не это привлекло внимание Саши.

На переднем сидении находилось «что-то» живое или бывшее когда-то таковым. Но выглядело «это» непривычно даже по нынешним временам.

Саша замер перед машиной с существом.

Топор был занесен и готов рубить — осталось сделать только шаг. Но он не решался начинать. Сначала хотелось рассмотреть это нечто.

«Иначеживой» занимал оба передних сиденья автомобиля. Он выглядел как большой кожаный мешок, с редкими вставками из длинной, редкой шерсти, больше даже напоминавшей пряди волос. А на его коже можно было разглядеть прозрачные пузыри-гнойники, словно, бурлящие изнутри. Гнойные микровулканчики.

Саша подумал, что такого не видел даже он, один из немногих последних людей. Точнее не так: подобного не ожидал увидеть даже он, возможно, единственный человек, классифицирующий зомби.

Но на этом «прелести из мешка» не заканчивались. В разные стороны из твари торчали неведомого назначения вздрагивающие отростки, напоминавшие молодые корни деревьев.

Сверху, только несколько справа, словно, из плеча, у существа торчала голова. Бугор с глазами и маленьким ртом, из которого выглядывали камневидные зубы. Увидев их, Саша сразу вспомнил, что такие же «каменные» клыки вылезли из пасти у «той собаки». Убитой им во время первого выхода на улицу. И у мальчика, который едва не загрыз его самого. Что бы это значило?

У твари отсутствовали ноги ниже колена. Торчали лишь обломанные жёлтые кости, обвитые тонкими черными пульсирующими нитями. Они тоже уходили куда-то вниз... под землю?

«Вены? — поморщился от своего предположения Саша.

— Что ещё за дрянь здесь выросла? — оценил он одной фразой всю ситуацию.

Бледные розовые губы существа были перепачканы в зелёной засохшей пене. Нечеловеческие глазки внимательно смотрели на Сашу.

Стоп! Смотрели?

— Ну, и что ты тут, урод, разлёгся? — дребезжащим голосом спросил он у чудовища.

Существо, как ему показалось, понимало, что происходит.

«Понимало»?

И оно осознавало, кто перед ним стоит. Вот только «мешок» не мог двигаться, потому что был просто кучей наполовину гнилого мяса с атрофированными трёхпалыми лапами. И это «состояние дел» устраивало человека, сжимавшего в своих руках топор.

Этот огромный гнойник выглядел отвратительно, пугающе, не вызывал жалости или сострадания. Но в то же время, не казался опасным. Ну что эта огромная мясная картофелина может сделать? Просто пленник гнилой плоти...

«Бывшего» покрывал слой пыли. Вероятно, увидев Сашу, он «заволновался» и начал потеть от страха. Теперь по открытым участкам его тела текли черные ручейки пота, превращавшие пыль в грязь.

Наблюдая за тварью, Саша не забывал регулярно оглядываться. Вдруг они здесь не одни.

— У-и-и, у-и-и, — свернув свои страшные губы в трубочку, «ответила» тварь.

— Что? — от удивления Саша даже открыл рот. — Ты что-то там тявкнул?

Невероятно! Неужели «это» умело пользоваться голосом? И, видимо, в какой-то мере делало это осмысленно. Точнее создавалось именно такое впечатление.

Дрожь стала колотить сильнее.

Он подошёл ближе, чтобы постараться разобрать звуки. Возможно, буквы.

— У-и-и, у-и-и, — снова завораживающе протянул «бывший».

Дрожь стала всем телом Саши.

Мужчина решил классифицировать существо пока как «простого бывшего». Еще оставалось непонятным — бывший ли он человек или просто нечто новое? Может быть, родился таким?

«Родился? — от этой мысли у Саши прекратилась дрожь. — Как можно родиться "этим"? И кто же такое мог родить?»

Руки и ноги затряслись снова.

— Как же ты тут выжил без еды? — задал он резонный вопрос, нагнувшись к твари, чтобы лучше её разглядеть.

Но ничего вразумительного «кожаный мешок» не ответил. Тело твари начало изредка вздрагивать, видимо, она боялась человека. Её глаза покраснели и из них текли слезы, как будто существо напрягалось или тужилось. Саша даже улыбнулся — хоть кто-то его боялся!

— Уходи, идиот! — услышал он женский крик, и сделав шаг назад, резко развернулся.

В этот же момент тварь взорвалась! Её толстое шарообразное брюхо, словно, «разошлось» по несросшемуся шву! Из него брызнула странного цвета кровь или слизь, вывалились извивающиеся внутренности. Но не это самое страшное, что успел боковым зрением «выхватить» Саша. Вместе со всем «добром» из нутра «бывшего» выстрелила рука-крюк с костяным когтем. Она пробила его куртку и, словно, насадив свою жертву на рыболовный крючок, начала притягивать Сашу к себе. Сматывать леску.

Его подбросило в воздух от рывка. Но, к счастью, мужчина успел выставить перед собой руки и это помешало существу затащить его внутрь машины. Оно смогло лишь сильно ударить его о кузов.

— Отбивайся! Бей по крюку! — услышал он крик незнакомки, которую так и не успел увидеть.

И этот голос заставил его вернуться на землю.

Рука-крюк продолжала с поистине чудовищной силой тянуть его в салон автомобиля. Новые мелкие крюкастые отростки твари стали цепляться к одежде и рвать её. Резко вывернувшись и порвав куртку подмышкой, Саша с силой рубанул по крюку существа. К его удивлению, топор просто отскочил от конечности «бывшего», как будто от удара по резиновой покрышке автомобильного колеса.

Саша почувствовал, как смерть замаячила на горизонте.

Я сейчас вернусь

Когда Саша растворился в тумане, Марина всё так же оставалась у окна. Она следила за улицей. Мысли её были связаны с переживаниями о, мягко говоря, неважном состоянии их дел.

Тело сковало напряжение. Женщина чувствовала такую усталость, какая бывает вечером после переезда на новую квартиру. Хотя она почти не двигалась сегодня. И вчера. И позавчера...

«Стресс… Всё вокруг стало как-то… ужасно. Есть ли смысл искать что-то здесь? Или кого-то? Вытянет ли нас Саша?»

Тяжело выдохнув, она плохо гнущимися пальцами поправила тюль и повернулась к сыну. Мальчик строил башенки из банок с солениями и тушенкой.

Марина скривила напряженное лицо — улыбнулась.

Веко на левом глазу несколько раз дернулось. Женщина быстро заморгала, чтобы не выпустить слезы, но они прорвались. Внешне Марина оставалась спокойна, потому что привыкла плакать так, чтобы этого не замечал муж. И тем более ребенок.

«Странное состояние, когда всё валится из рук, — продолжала она разговор с собой. — Можно было бы заниматься ребенком. Чаще учить его читать, чтобы занять на день. Или что-то ещё такое делать. Но зачем? Есть ли за этими стенами мир для нас? Или всё вокруг изменилось так, что лучше и не видеть такое?»

Съедаемая противоречивыми чувствами женщина сжала губы так, что они побелели. Её руки в это время неконтролируемо мяли давно нестиранный тюль. Сын тихо играл.

«А может быть ребёнка уже пора учить убивать зомби? Сейчас никому не поможет умение читать стишки, нужно знать, как бить этих тварей… Ч-черт, да что с моими мыслями…»

Марина взяла большую диванную подушку и положила у балконной двери, чтобы прикрыть сквозившие холодом щели. Взглянув в окно, она, кажется, увидела расплывчатую фигурку Саши.

«Далековато, чтобы всё разглядеть в этом тумане», — нахмурилась она.

Женщине показалось, что он шёл обратно. Но, приглядевшись, Марина поняла, что, её муж, скорее всего, направлялся в сторону машин, стоявших во дворе.

Неожиданно мальчик быстро посмотрел на мать и, почесав мизинцем ухо, продолжил свою молчаливую игру.

Когда женщина услышала крик, то, вздрогнув, не сразу сообразила, что произошло. Потом ещё крик! Марина вскочила со стула и прижалась лицом к стеклу в надежде увидеть, что случилось.

Но Саши видно не было. Уставшим глазам удавалось разобрать какое-то мельтешение, которое, возможно, являлось её фантазией.

«А вдруг и крика никакого не было?»

— Миша, ты слышал? — обернувшись к сыну, спросила она, но не увидела ребенка на месте.

Мальчик уже стоял рядом с ней у окна и смотрел на улицу.

«Значит, и он слышал. Не показалось! Это всё на самом деле. Черт подери! То, чего так боялись! Л-ладно, мы справимся».

Её руки затряслись, а голосовые связки издали слабый вой. Навернулись слезы, нос засопливил, дыхание спёрло, в глазах потемнело. Сердце дёрнулось и замерло, будто обмотанное стальной тонкой проволокой…

… Сын крепко держал мать за руку. В его глазах читалось сожаление о непонятном для него происходящем, мальчик тихо скулил и плакал. Тихо, очень тихо, ведь он знал правила.

Когда реальность перестала расплываться из-за слёз, и Марина смогла разглядеть испуганное лицо сына, это почти мгновенно вернуло её обратно в мир всё ещё живых.

Она всё вспомнила.

— Так, где топор? — скорчив гримасу боли и схватившись за сердце, сама у себя спросила женщина и тут же услышала шуршание. Миша вытащил названное ей оружие из-под подушки на стуле и двумя руками протянул матери.

Марина неуверенно взялась за короткую деревянную рукоятку и застыла. Она посмотрела в глаза своего сына, у которого, как ей показалось, последние события вызвали не только испуг, но и интерес.

«На сколько же я отключилась? Или дети от всей этой фигни отходят быстрее?»

В голове прошёл спазм боли. Левое веко дёргалось непереставая.

Всё время «до этого» Марине хотелось, чтобы что-то произошло. Изменилось. Появился вектор. Чтобы стало понятно, куда двигаться. Изменилась чаша весов жизни и смерти… И когда это случилось, стало страшно от того, как меняется привычный уклад. Уклад?

Женщина держала в своей бледной тонкой руке топор и не понимала, что ей делать дальше. Точнее понимала. Очень хорошо понимала, что делать. Но не знала, правильный ли это поступок?

— Главное выйти! Потом — дойти! А там Саша подскажет!

«Нельзя же бросать ребёнка здесь одного! Нельзя!»

Марина направилась к двери квартиры, ведущей в подъезд. Ей казалось, что она идет очень медленно, а всё вокруг вдруг стало таким красивым и ярким. Не черно-белым, как виделось обычно, а настоящим, живым.

«Но Саша бы меня там тоже не оставил!»

Взгляд женщины упал на скрипучий стул, возле выхода из зала. Потом на оторванный кусок обоев на стене в прихожей, который раньше они всегда завешивали календарём, на обувь и одежду возле той двери, к которой она шла.

«Я имею право помочь мужу или нет? Или мне нельзя оставить ребёнка?»

Сын топал по пятам за матерью. Мальчик сейчас походил больше не на ребенка, а на маленького человечка. У него было нечистое хитрое или даже злое личико. А глаза внимательно следили за той большой женщиной, что ступала впереди. В детских глазах был страх, любопытство и, возможно, что-то ещё...

Нельзя сказать, что в Мишиных глазках можно было найти действительно некую злобу. Произошедшую перемену в ребёнке вообще очень сложно перевести на язык взрослых. Но если бы кто-то и смог, то это, вероятно, означало бы, что в них проявился тот животный интерес ко всему происходящему, который толкает людей на рискованные поступки. Здесь же одновременно присутствовало и понимание того, что никакого его собственного участия не будет. Поэтому и страха в этих глазах было не так много. Пока мама не ушла.

Марина услышала позади себя детские шаги. Обернулась в последний раз к сыну, чтобы сказать, что…

Она даже немного отшатнулась, увидев странное выражение на детском лице. Но через секунду это наваждение прошло, и Марина снова «разглядела» своего мальчика в обычном его тревожно-молчаливом состоянии.

— Я сейчас вернусь. Схожу спрошу, что там у папы случилось, и приду назад. Понимаешь?

Сын бодро кивнул и отвернулся, сделав вид, что не испытывает интереса к происходящему.

— Постой, слушай. Ключи есть на вешалке. Длинный ключ — от двери. Закрыта будет на один замок. Внутри ключ оставлять нельзя, иначе я не смогу открыть. Понял?

Миша, уже глядевший на связку ключей, кивнул матери, не поворачивая головы.

— Зайка, я тебя очень люблю и сейчас вернусь. Просто посиди спокойно и не подходи к окнам, чтобы тебя никто не заметил.

На глазах наворачивались слезы и Марина не смогла поцеловать мальчика. Женщина чувствовала, что делает что-то не так, но и остаться дома не могла. Ей казалось, что она уже совершила «свою» непоправимую ошибку и дальше только глубже проваливается в яму.

Резко развернувшись, Марина открыла дверь и вышла.

Острый металл

Саша в панике колотил топором по руке-крюку «бывшего», но помогало это слабо. Точнее не действовало вовсе, и тварь всё глубже и глубже затаскивала «рыбку» к себе в «аквариум». Сейчас его жизнь спасали не неумелые удары топором, а рука и ноги, которыми он случайно успел упереться в корпус машины.

Саша застонал от боли, когда ещё один из маленьких «корней-шипов» воткнулся в бедро. Отросток играючи пробил несколько толстых штанов и вошёл в плоть. Много слоев одежды как «мера» безопасности от укусов «бывших» не сработала. Теперь человек чувствовал свою теплую кровь, пропитывавшую рваную ткань.

Начало мутнеть в глазах. Едва-едва, но… И губы, и пальцы рук как будто слегка онемели.

«Поплыл? Я поплыл?»

Неожиданно существо ослабило натяжение — перестало тянуть внутрь. Саша, упиравшийся в машину, из-за своего усилия даже начал падать назад.

«Будто отпустило».

Мелькнули мысли о надежде:

«Может, тварь устала, и сейчас я вырвусь!»

Но в следующую секунду «рыбак» с новой силой начал затаскивать свою жертву на «обеденный стол». От резкого рывка Саша потерял равновесие. Рука, упиравшаяся в стойку автомобиля, соскочила, и мужчина сильно ударился головой о его крышу.

«Бывший» не заставил долго ждать и повторил «маневр», снова отпустил, а потом ударил Сашу о крышу машины. В этот раз жертва уже не смогла выпрямиться, и тварь начала затаскивать её внутрь автомобиля.

Вяло тыкая топором в копошащиеся внутренности-отростки, Саша неудачно повернулся…

«Вот же…»

…очередной резкий рывок, и левая нога мужчины соскочила с кузова машины в салон. В неё сразу же воткнулось несколько мелких «когтей-крюков». Человек, закричав, рубанул по отросткам топором и

вырвал их, что называется, «с мясом». Но эти «вассалы зла» выпрямились, как будто ничего не произошло, и снова погрузили свои «жала» в раненую ногу.

Саша вскрикнул. Но уже от безнадежности. Сколько он ни рубил тварь, так и не смог причинить ей хоть какого-то урона. Крюки, отростки, все эти мерзкие внутренности, словно, защищал какой-то панцирь, по которому скользил топор! Да и сложно бить — ни размахнуться, ни прицелиться, ни…

Внезапно, кто-то сильно потянул мужчину назад!

Хрустнула одежда, хотя, возможно, эти звуки всё же издали его кости.

Перед лицом мелькнуло зеркальное лезвие ножа. Саша задержал дыхание и зажмурился от испуга. Сталь ударила в область живота! Мужчина издал лишь испуганный стон. Видимо, уже перестал чувствовать боль.

«Вот и всё? Что ж теперь и люди бывшему помогают?»

Саша уже не старался зарубить тварь. Его руки лишь упирались во что-то, чтобы не дать подтащить себя к ужасной пасти-брюху существа. Схватка подходила к концу…

Но что-то он не умирал.

Неизвестный человек, вооруженный ножом, пришёл не убивать Сашу.

А спасать.

Острый металл, блеснувший перед его лицом, был нацелен не на живот, а на куртку. Безымянный спасатель старался перерезать тот её участок, за который и зацепился «крюк» твари.

Недостаток в этой здравой идее заключался лишь в исключительной предусмотрительности Саши. Он надел на себя слишком много одежды. Стараясь защититься от укусов, мужчина натянул две куртки, три свитера и ещё две футболки. Но рука-крюк твари легко сумела пробить этот «бронежилет». К счастью, опасная конечность существа лишь оцарапала его спину, особо не причинив вреда. Поэтому, чтобы освободиться, нужно было перерезать не только куртку, а всю одежду.

Сообразив, что происходит, Саша почувствовал в себе новые силы и упёрся головой в потолок машины. Затем, со стоном, негнущимися пальцами расправил куртку так, чтобы её было удобнее резать. Он

слышал чьё-то быстрое дыхание сзади и чувствовал, как сам раскачивается в такт движениям руки с ножом. С хрустом разошёлся последний кусок куртки, и Саша, засунув руки под неё, натянул остальную одежду.

— Там ещё несколько кофт, — сказал он своему спасителю.

В это время мелкие отростки твари тянули его глубже внутрь машины, а «рука-крюк» всячески лишала равновесия. Перед глазами стали появляться красные круги, мышцы рук и ног начали слабеть. Иногда во время резких рывков твари, Саша видел её голову-бугор, для которой оказалось трудно подобрать более подходящее название. Глазки у «бывшего» были спокойные, из маленькой пасти пенилась-сочилась зеленоватая слюна. Саше даже показалось, что он чувствует какой-то едкий мятный запах. И глаза будто начали слезиться.

Внезапно мужчина услышал крик за своей спиной и почувствовал сильный рывок назад. Из его ног с резкой болью вырвались мелкие крюки и шипы существа. От удара о землю у него потемнело в глазах. Всё пространство вокруг заполнилось звоном. Саша вглядывался в красные круги и пытался разглядеть, что же будет за ними…

— Вставай! Уворачивайся! — неизвестная женщина кричала ему прямо в ухо. — Он сейчас снова бить будет!

Кто-то потянул Сашу за воротник. Когда мужчина понял, что драка за его жизнь ещё не закончена, несмотря на боль, активно заработал ногами, отползая. Существо снова выстрелило в него своим крюком. К счастью, промахнулось.

Обернувшись, Саша увидел свою спасительницу — женщину за тридцать, среднего роста. Её грязные волосы торчали из-под съехавшей на бок шапки. А перепуганные глаза, наполненные злобой, готовы были вылезти из орбит. Она всё время что-то кричала ему, показывая рукой куда-то в сторону. Саша не разбирал слов, но полагал, что женщина зовёт его в безопасное место. Взглянув на стрелявшую своим крюком тварь, мужчина решил, что совершенно не против подчиниться этой даме.

Саша встал на ноги только со второй попытки. Мешала чудовищная боль от ран, оставленных «рыбаком». Такого он никогда не испытывал, поэтому даже сравнить оказалось не с чем. С каждым новым шагом его ноги всё больше подгибались. Чтобы совсем не

свалиться, он сильно опирался на свою спасительницу. Саша старался держать ноги прямыми и шагал или как во время «строевой» или как на ходулях.

— Да давай же шевелись! — прорвались сквозь затихающий звон её слова.

Саша свирепо посмотрел на женщину. И не удержавшись, исключительно на «языке сапожников» объяснил незнакомке, почему ему очень затруднительно передвигаться. Однако выговорившись, Саша не почувствовал облегчения ни в душе, ни в теле.

Женщину обороты его речи нисколько не удивили. Она, не уступая мужчине в «красном словце», объяснила, что он «пустое место, которое полезло в одно место, а провалилось совершенно в другое». Тут Саша решил заткнуться и постарался энергичнее работать ногами.

Хлорка

Шагов через десять Саша упал и больно ударился локтем. Он не стал тратить силы на ругань и, перевалившись на бок, встал на ноги с помощью своей спутницы.

— Далеко ещё? — проклиная свою судьбу, спросил Саша.

— Вон тот подъезд, — ответила незнакомка, указав на металлическую дверь шагах в двадцати.

— Ну до него я дойду, — самому себе пообещал мужчина и начал с новой волной упорства переставлять повреждённые ноги.

— Потом на пятый этаж, — выдавила из себя слегка запыхавшаяся женщина.

— А вот это уже не вдохновляет, — пробормотал он, не сбавляя темпа.

Меньше чем через минуту Саша уже опирался рукой на стену дома. Ждал пока его спасительница откроет дверь. Кирпичи были мокрыми. Он и не заметил, что всё это время моросил мелкий дождь.

Мужчина посмотрел на свою одежду — она превратилась в лохмотья, перепачканные в крови и грязи.

— Ну, что ты любуешься ногами своими? Залетай! Домофоны тут не работают! — рявкнул женский голос, и он ввалился в открытую дверь.

Тёмный сырой подъезд, заставленный каким-то хламом. Саша споткнулся и едва не упал.

— Да иди же ты уже, горе луковое, — подталкивая его, запричитала женщина. — Что же ты такой неуклюжий!

Сделав несколько шагов к лестнице, мужчина услышал за своей спиной шум. Обернувшись, увидел, что незнакомка возводит баррикаду перед дверью в подъезд.

«Оригинально», — единственная фраза, которая пришла ему в голову.

Большинство металлических «домофонных» дверей нельзя запереть изнутри. Они не имеют ручки или какого-то засова. Поэтому женщине пришлось баррикадировать вход полностью. Так непрошенные гости не смогут попасть в дом.

Делала она всё умело. Видимо, не раз собирала эту конструкцию. В несколько рядов незнакомка поставила широкие доски и выломанные столешницы. Затем стала придвигать старенькие деревянные межкомнатные двери.

— Давай, я помогу, — сказал Саша и с болью сделал шаг назад.

— Наверх! — строго сказала она. — Пока поднимешься, я уже всё закончу и тебя еще догоню. Пятый этаж, вперёд!

«Да, а голос у неё командирский, — решил Саша, разворачиваясь. — Теперь бы добраться до пятого этажа».

…оглянувшись, он увидел, что оставляет кроваво-грязные следы.

— Чёрт, сколько же я крови потерял? — задался он вопросом. — Чем дольше я буду двигаться наверх, тем позднее смогу перевязать раны, — решил Саша.

Стараясь обращать на боль как можно меньше внимания, мужчина начал подниматься по лестнице короткими «перебежками». Пять-шесть ступенек, потом пара секунд отдыха и подъем ещё на пять ступенек.

Обычный грязноватый подъезд — почти такой же, как и в его доме, но менее запущенный. Здесь, видимо, жили люди немного богаче. Большинство дверей довольно новые, металлические, почти без царапин и грязи. На стенах отсутствовали надписи типа «Маша + Витя» и подобные им. Саша даже предположил, что подъезд совсем недавно был окрашен. В общем, не часто в России можно попасть в такой подъезд… Но Саша исправлял это недоразумение аккуратности, оставляя за собой грязно-кровавый след на пыльных ступенях и светлых стенах. Он мог передвигаться только так, хватаясь за перила и упираясь другой рукой в стену. Ноги немели и болели, слушались плохо словно протезы. Саше стало жалко себя, вот так умирать не хотелось. Умирать вообще не хотелось.

На лестничном пролёте между четвёртым и пятым этажом Саша услышал шаги внизу. Незнакомка, что спасла ему жизнь, управилась со своей баррикадой и бежала наверх. Вероятно, женщине предстояло повторить его спасение ещё раз. По своим кровавым следам Саша видел, что дела плохи.

Перед пятым этажом она обогнала мужчину, проскочив под его рукой.

— Так, ты давай заходи, — сказала женщина, подтолкнув дверь и одновременно проворачивая ключ. — А я спущусь, твои следы приберу.

Саша начал что-то обессиленно бормотать, но она жёстко его перебила.

— Из тебя там столько кровищи вытекло, что по следу только ленивый «трупник» не пойдёт.

Саша удивлённо поднял брови.

Он об этом даже подумать не успел. Тем более о том, что кто-то догадается «бывших» называть «трупниками». Какой бред и безвкусица! Впрочем, сейчас ему было на это плевать — смерть близко! А из-за его неудачного «похода», может погибнуть и он сам, и его спасительница и…

— Нам повезло, что дождик моросит! Может, смоет следы, — кричала она ему уже из квартиры.

Через секунду Саша услышал грохот какой-то посуды и банок. Женщина выскочила из коридора с большой пластиковой бутылкой в руках. Из кармана её бушлата торчало несколько бутылочек с моющими средствами.

— Я хлоркой из окна возле подъезда всё полью! — взболтнув бутыль, сказала она. — Может быть, эта «дрянь» отобьёт запах. А тут, — указала женщина на лестницу, — я ещё всё «чистящими» протру.

Но посмотрев на Сашино бледное лицо и закрывающиеся глаза, она добавила:

— Хотя, пожалуй, ступеньками я займусь потом. Так, давай заходи, — женщина с силой потянула мужчину за шиворот в квартиру и, когда он был в дверях, подтолкнула его внутрь. — Раздевайся. Не полностью, — сделала она жест в район паха, — а везде, где есть раны. Я их тебе промою и перебинтую. Пока я там полью, хотя бы немножко, — женщина снова продемонстрировала бутыль с хлоркой. — Ты как раз раздеться успеешь.

Саша вошёл внутрь квартиры, планировка его не удивила. Коридорчик. Справа небольшой зальчик, прямо туалет и ванная, слева ещё одна комната. И только он собирался всё тщательно рассмотреть, как…

— Давай быстрее! — крикнула она уже с лестницы.

Саша вдруг понял, что фокусируется не на том, что надо. Насколько смог быстро зашёл в квартиру, сел на пол в зале у стены и начал стягивать с себя мокрые от крови и грязи штаны.

— Столько крови! — удивилась женщина, спускаясь бегом по лестнице. И вдруг внезапно остановилась. — А что, если он…

Никак, никогда, никто

В подъезде пахло костром и сыростью.

Марина только что закрыла дверь. Холод металлической ручки ещё слегка обжигал ладонь.

Она вздохнула и сквозь стон, взявшись за перила, начала не спеша спускаться. Дальше.

Вниз.

К выходу?

Ей стало совершенно ясно, что только чудо теперь спасет её, Сашу и Мишу. Словно снизошла некая форма религиозного просветления. Когда осознаёшь — «так вот оно как»! Вот теперь совершенно понятно, что это так, а это эдак… Точнее, что всё — никак, никогда, никто.

«Как же я раньше-то не понимала? Что всё. Конец».

Женщина начала рыдать, но в то же время попыталась жёстко сдерживать себя, чтобы продолжать идти. Дрожь то отпускала, то колотила так сильно, что рука с трудом попадала на перила. Внутренняя борьба становилась всё более невыносимой. Дыхание сбилось, и в конце концов она, фальшиво споткнувшись, упала-села на ступени и слегка стукнулась головой о поручень.

«Может, тогда и не нужно уже никуда идти?»

Силы закончились.

Взявшись за металлические прутья, Марина посмотрела вниз. Увидела бетонную площадку первого этажа и вдруг поняла, что не сможет выйти.

Просто никуда не пойдет.

Не встанет.

Что было сил, она сжимала холодный металл, халтурно покрашенный в зелёный когда-то давно. Держалась? Или старалась так отвлечься и взять себя в руки? Даже сама Марина не ответила бы на этот вопрос ни сейчас, ни потом.

Плакала, то бесшумно, то навзрыд. Но не двигалась с места. Через какое-то время слезы прошли. Дыхание выровнялось. Зрению вернулась чёткость, а сознанию некоторая ясность.

«Это подло, вот так сидеть, когда его там, наверное, убивают».

— Вставай, дрянь трусливая! — прошипела она сквозь зубы. — Встань. Иди.

Её глаза закрылись, но губы продолжали шептать:

— Встань. Иди. Встать. Идти…

Зажмурившись, женщина столкнула себя со ступеньки, на которой сидела. И мягко соскочила на ту, что располагалась ниже. Потом она сползла на следующую бетонную ступень. Затем ещё. Не переставая сталкивать себя вниз, Марина в какой-то момент схватилась за перила, рывком выпрямилась и снова начала спускаться по-человечески.

Волосы выбились из-под шапки. На щеках остались тёмные разводы от слез. Но внутри появилось незнакомое до этого момента тепло. Оно означало крохотную победу маленькой женщины над собой и своими страхами. А, возможно, и над тем пространством, в границах которого ей приходилось жить.

Помня, как коварен бывает этот мир, не стоит преувеличивать силу её воли, которой сейчас едва хватило. Новые испытания могут быть злее.

Марина с трудом открыла дверь из подъезда и услышала глухой удар — упала автомобильная покрышка. Она подпирала дверь снаружи, чтобы в подъезд не так легко могли войти «бывшие».

«Улица, — появилась мысль у неё в голове. — Как давно я здесь не бывала».

Но потом Марина вспомнила, зачем она вышла. И почему не делала этого раньше. Быстро оглядевшись, женщина пошла в сторону дома, куда ушёл её муж.

Моросивший дождик то начинал снова, то пропадал. На её грязноватом лице он оставил маленькие капельки, что приятно щекотали кожу. И если бы не страх, то погоду можно было бы назвать по-осеннему милой. Особенно для того, кто последние месяцы наблюдал за миром только из балконного окна…

Женщина вышла на проезжую часть. Асфальт устилал грязевой ковёр из листвы и городского мусора. Под ногами захлюпало. Она посмотрела направо. В тумане за перекрёстком растворялась улица Нормандии-Неман, заполненная брошенными машинами. Слева по Кирова туман оказался гуще — ничего не разглядеть уже метрах в пятидесяти.

Никого живого и неживого. Марина решила, что можно идти дальше. Иногда она наступала на что-то твёрдое. В грязи попадались кости. Вероятно, человеческие. Женщина суеверно старалась обходить эти места, чтобы не наступать на останки.

«Как же страшно идти. С балкона всё кажется не таким. Совсем не таким».

Уже издалека стало понятно, что Саши нет там, где она видела его в последний раз.

«А не он ли сидит в той машине?»

Её челюсть тряслась. Она боялась увидеть своего мужа мёртвым и одновременно опасалась не найти там никого и ничего. Ведь это означало бы, что Сашу утащили «бывшие». И таким, каким он должен быть, Марина его больше никогда не...

Женщину начало тошнить. Рот за несколько секунд наполнился слюной, и её тут же вырвало желчью.

«От страха что ли?»

Сплюнув и вытерев слезы, она подошла к ближайшей машине. Оперлась на неё рукой. Горло раздирала боль. Когда во рту скапливалось достаточно слюны, Марина быстро проглатывала её, чтобы хоть чуть-чуть «смыть» желчь. Было противно, но только это помогало от жжения.

Она и не заметила, что уже перешла на противоположную от своего дома сторону улицы. К той пятиэтажке, возле которой в последний раз видела Сашу. Маленькая вывеска «ХЗ», размером со стандартную табличку с режимом работы магазина, висела у двери кафе.

«Какое же дурацкое название», — подумала Марина и прошла дальше. К тому месту, где должен был находиться Саша, когда закричал.

«А он ли это вообще кричал?»

Перед ней стояла пустая, заляпанная грязью машина. Дальше ещё одна. Без дверей. Видимо, горела. И на переднем сидении, кажется, было какое-то движение.

Марина вздрогнула.

Из «той» машины её никто не мог заметить, потому что женщину загораживал другой автомобиль. Аккуратно выглянув, она увидела

странное и ужасно некрасивое существо, лежавшее на передних сидениях «того» автомобиля.

«Что за запах? Хлорка что ли?»

Закон хорошего коктейля

Саша понял, что сначала было бы неплохо снять ботинки, и обнаружил, что у него обута только одна нога.

— Тем легче, — только сказал он, скорчив от боли гримасу, снял единственный ботинок и швырнул его в коридор.

Путаясь в лохмотьях, в которые превратились его крутка и штаны, мужчина кое-как снял плотные «спортивки», надетые поверх джинсов. Продукт «американской мечты» изменил цвет с синего на тёмно-бурый. Примерно от середины бедра и ниже на штанах не осталось и клочка синей джинсовой ткани. Всё пропиталось кровью и испачкалось грязью.

Саше становилось страшно от того, какого размера дыры он видел на своих штанах. Ведь такие же теперь есть и на его ногах.

В глазах потемнело. Снова…

— … я не медик, но есть ощущение, что дела у тебя идут плоховато. По потере крови. Задеты только ноги? — спросила женщина, вернув Сашу в сознание.

Он кивнул. Хотя не совсем понимал, что у него спрашивали. Думать сил у мозга уже не нашлось. Саша словно постоянно проваливался в дрёму и видел всё обрывками. Воспринимал только настоящее, а прошлые вопросы и картинки не сохранялись на жёстком диске. Питание в систему поступало с перебоями.

Мужчина лежал на полу. Светлый с темными углами потолок. Холодно. Сыро. Больно. Под голову подложен тряпичный грязный ком — то, что осталось от куртки и штанов.

Незнакомка, стоявшая на коленях рядом, подозрительно поглядывала на Сашу. Глаза женщины защищали зацарапанные пластиковые очки, какие обычно используются на стройке. Остальную часть лица тоже что-то скрывало — ткань или респиратор. Руки в толстых жёлтых хозяйственных перчатках. Она гремела какими-то склянками.

Очнувшись, Саша «занимался» только тем, чтобы сдерживать приступы тошноты, посещавшие его каждые несколько секунд. Видимо, организм «понимал», что в таком состоянии можно

захлебнуться рвотой, и направлял все силы на экстренное «пробуждение».

«С чего вдруг меня вообще должно тошнить?»

— На правом бедре — две глубоких раны. Сантиметров пять в длину. И одна примерно такая же на икре, — задумчиво сказала незнакомка и быстро посмотрела на Сашу.

Он ничего ей не ответил.

— Ещё штук десять кругловатых «проколов». Размером с пятьдесят копеек. Кровоточат. Да всё здесь кровоточит! Но прямо, чтобы кровь лилась, такого нет, — со вздохом произнесла его спасительница. — А значит, кровотечение останавливается… либо просто заканчивается кровь.

Левая нога Саши пострадала меньше: много ссадин, мелких ранок и только четыре круглых прокола. Большая часть ударов «бывшего человека» пришлась именно на правую ногу.

— Ещё раз повторюсь — я не медик. Но, думаю, что большие раны нужно по возможности зашить. Специальных ниток у меня нет. Только шёлковые, — говорила женщина, уже начав какую-то возню.

— Зашивай всё, что надо, — вяло ответил мужчина. — Что-то мне совсем... как-то нехорошо…

Незнакомка двигалась очень медленно: неудобные перчатки, маска и очки не давали возможности «разогнать» лечение. Саше показалось, что он услышал звон бутылок и «шипение» открываемой газировки. Так и вышло. Женщина поставила перед ним высокий стакан. Налила в него немного воды и положила рядом пачку таблеток.

— Давай-ка ты присядешь, чтобы выпить это, — она рывком подняла его и придвинула к стене, а под спину положила упругую подушку с дивана.

Работа сознания стала немного стабильнее.

Заскрипел пластик упаковки с лекарствами.

— Ну-ка открой рот, — мужчина повиновался, и женщина высыпала ему туда пригоршню таблеток. — Жуй! Жуй!

Видимо, Саша удивлённо округлил глаза от такого приказа, и она торопливо объяснила:

— Так они быстрее подействуют! Неизвестно, как у тебя сейчас всё усваивается! А пережёванные скорее растворятся, всосутся или что там с ними происходит! В общем, противно, непонятно, но надо!

Только что отступившая тошнота стала возвращаться, когда Саша захрустел таблетками. Происходящее казалось ему каким-то сюрреалистичным бредом.

Рот наполнился невкусной слюной. Лицо мужчины перекосило, и он уже готов был всё выплюнуть…

— Пей давай, не тяни! — женщина поднесла к его губам стакан с водой.

Саша с облегчением проглотил таблеточную кашу и хорошо запил прозрачной сладкой газировкой. Последнее оказалось приятным сюрпризом, перебившим горький вкус обезболивающих.

Опустошённый стакан сразу же наполнился прозрачной жидкостью из бутылки с этикеткой «Водка». Туда же его спасительница добавила новую порцию шипевшей ранее газировки.

В другой стакан женщина бросила несколько иголок и маленький моток белых шёлковых ниток. Капнула водки. Посмотрела на свои руки в перчатках. Вздохнула. Налила немного алкоголя на ладони и стала растирать, чтобы обеззаразить желтый материал, защищавший её кожу. Через несколько секунд, намочив водкой какую-то тряпочку, стала протирать раны мужчины, не забывая при этом обильно поливать их алкоголем.

Жгло. Саша застонал. Он старался терпеть, но надолго его не хватило.

— А тебе когда больно будет, ты коктейльчика отпивай, — с хитрецой сказала она, видя, что ему действительно больно.

Саша подумал, что хуже уже не станет, и потянулся за напитком.

Но что-то пошло не так.

Руки оказались связаны.

Обмотаны какими-то тряпками. И перевязаны полотенцами. Не больно. Не туго. Даже не чувствуется. Но…

Женщина чуть виновато посмотрела в глаза мужчины, пожала плечами и продолжила жалить его раны алкоголем.

Саша вздохнул и всё понял. Левый глаз, почему-то только этот, начал слезиться, к горлу подкатил ком…

— Идиот, пей! Я тебя сейчас зашивать буду, мне тут не надо, чтобы ты орал!

Мужчина смог взять стакан, только зажав его между двух ладоней. Было слегка неудобно.

— Трубочек, извини, нет! То есть где-то они, конечно, валяются, но я-то гостей сегодня не ждала!

«Обезболивающий» напиток быстро провалился внутрь. Сашу снова чуть не вырвало, на этот раз от вкуса водки. Алкоголя явно оказалось больше, чем газировки. Что ж, таков закон хорошего коктейля!

Когда стакан опустел, незнакомка сразу же обновила его.

Боль постепенно отступала на второй план, словно, медленно замещалась чем-то другим. Любое дело, даже такое, отвлекает. В глазах снова начинало темнеть из-за красных, но уже более тёмных и «тёплых», как казалось Саше, кругов.

Шипящие пузырьки и горечь алкоголя уже не так обжигали горло. Выпил. Поставил.

От третьего стакана он пытался отказываться:

— Сейчас будет больно. Тебе ещё долго будет больно, — более мягким голосом сказала незнакомка, стараясь успокоить мужчину. — Надо, чтобы ты мог отрубиться.

И Саша повиновался. Ему становилось то холодно, то жарко. Он быстро запьянел и сильно захотел спать, но боль ещё не исчезла до конца, и это мешало забыться.

«Ей можно доверять? — думал мужчина. — Зачем она меня спасла? И как сообщить Марине, что я жив?»

— Повесь потом мою куртку на балконе сушиться... — из последних сил прошептал Саша.

— Что? — удивлённо переспросила женщина с таким тоном, как будто её важное занятие перебивали, как минимум, третьесортной просьбой.

Он со стоном выгнулся и попытался схватить её за руку. Женщина резко отпрянула назад. Саше и так сложно было даже сфокусировать зрение, а быстрые движения незнакомки вообще превратили её в темное многогранное пятно.

— Да я нормальный! — успокаивающе произнёс он. — Обещай, что повесишь куртку! Обещай! Она мне очень дорога! — начал врать он. — Повесь её туда сушиться!

— Ладно-ладно, успокойся! — подозрительно глядя на незнакомца, сказала женщина. — Без проблем, только лежи, не дёргайся!

— Хорошо, всё, как ты скажешь! Только повесь её сушиться туда. На ветерок чтобы…

Она кивнула, и Саша отстал.

Мужчина отвернулся, чтобы не смотреть, как будут зашивать его раны.

Он слышал характерный звук снимаемых перчаток. Незнакомка начала вставлять нитку в иголку. Потом что-то недовольно буркнула себе под нос, бросила всё обратно в стакан и налила водки на ладонь. Голые-то руки она забыла обеззаразить.

Тёмные, но не чёрные цвета, что было важно для Саши, плясали перед глазами, выгружая свои грани в видимое только ему пространство. В этой неуютной обстановке становилось страшно от подобных видений. Он чувствовал себя проигравшим битву этому очередному дню в новом, но уже окрепшем, жестоком мире.

— Меня зовут Саша, — сказал он женщине перед тем, как погрузиться в беспамятство.

Ответила она что-то ему или нет, Саша не услышал. Только почувствовал вспышку света, когда иголка сделала первый прокол в его коже — это от боли открылись и сразу же закрылись его глаза.

Если ты соберёшься умереть

Саша проснулся из-за боли.

Тело колотила странная непривычная дрожь. По венам будто протаскивали колючую проволоку. Про ноги вообще думать не хотелось. Он боялся сделать малейшее движение, чтобы не потревожить раны.

Саша помнил, что у него есть раны.

Но про то, откуда они появились, память ничего не отвечала. Поэтому мужчина не особенно понимал, что сейчас происходит. Как будто кроме боли в его голове не сохранилось другой надёжной информации. Только что-то вроде: «Лежи, не двигайся, и всё будет ОК!»

Саша лениво подвигал глазами в попытке осмотреться.

Вокруг темно. Но не холодно.

Хотя нет. И сыро. И холодно. Всё в порядке, мир не изменился. Просто теперь чувствуется как-то по-другому. Не так…

Он лежал на чём-то мягком. На ощупь всё это казалось незнакомым. Чужим, но не отталкивающим. Скорее, даже иным, а не чужим.

На его лежанке было хорошо. Удобно. И мягко. Когда получалось забыть про боль.

«А может быть, я про неё вовсе и не забываю — это она просто сама иногда выключается?»

Словно по расписанию, раз в несколько минут в мужчине закипала злость. Мысли путаным хороводом тянулись из разных «уголков» обесточенного сознания. Сказывалось действие алкоголя, но Саша не помнил о том, что пил. Ему казалось, что так и должно быть. Одну секунду — ярость, другую — жалость к себе, третью — вопрос «а, собственно, кто я?»

Он и не замечал того, что все свои мысли транслировал наружу. Причём идеально передавая «бессвязность» собственного состояния несвязной речью.

Мужчина лежал на полу на одной половине толстого ватного одеяла, второй его частью он был укрыт. Под головой и плечами

жёсткая диванная подушка.

Видимо, от стонов или бормотания проснулась хозяйка квартиры.

В слабом свете из окна Сашины глаза различили расплывчатый силуэт, который появился из темноты и направился к нему. Он не испугался приближавшегося незнакомца, потому что несколько раз забывал о нём. Его мозг постоянно переключался на мысли о боли и на злость к тому, кто ему эти страдания причинял.

— Сильно болит? — услышал он вопрос знакомым голосом от совершенно незнакомого человека. Даже никакой образ не всплыл в его голове. Поэтому Саша не отвечал, а через несколько секунд вообще забыл об этом.

Очнулся он, когда услышал:

— …таблетку. Да на же ты таблетку! Глухой? — Саша почувствовал раздражение или даже злость в знакомом голосе. Кто-то тряс его за грудки. Это немного испугало, и он решил подчиниться. Делать всё, что ему скажут, если это окажется не более страшным, чем сам голос. И избавит от боли.

— Да пей же ты таблетку, зараза! — услышал мужчина среди своих бессвязных мыслей и понял, что нужно выполнить то, что велено. Тем более всё равно кто-то пытался что-то засунуть ему в рот. Саша принял таблетку и разгрыз её до того, как голос подал ему воды. Он жадно запил лекарство.

Пить. Да, оказывается, очень хотелось пить.

Саша в очередной раз потерял нить происходящего, но, когда снова услышал голос, тот стал добрее.

***

Женщина с опухшим сонным лицом куталась в грязноватый пушистый плед. Усталая, испуганная, «на нервах». Она сидела на диване и смотрела на мужчину, которому спасла жизнь.

— У тебя либо началась лихорадка, либо это просто побочка от термоядерного коктейля — водки с обезболивающими, — сказала незнакомка.

Ей никто не ответил. Да она и не ожидала. Уже давно привыкла разговаривать сама с собой.

«Если завтра это продолжится, нужно принимать какие-то меры. Но какие? От чего его лечить? И чем? Лекарств-то разных полно, но какие давать? Может, и умрет на днях. Дурень, сам виноват».

Хозяйка квартиры встала и подошла к окну.

«Сам виноват! Мир теперь как минное поле из трупоедов!»

Осторожно выглянула. В чёрной темноте копошился ветер. Он же касался ветвей деревьев и слегка раскачивал их. За двухэтажным домом, стоявшим параллельно тому, что стал их убежищем, ничего не получалось разглядеть. Но она чувствовала опасность, исходящую из этой тихой городской темноты, которая стала для неё сегодня ещё страшнее. По крайней мере, ей так казалось. Женщина чувствовала, что мир сдвинулся с места. Вот только, в нужную ли ей сторону?

Она вернулась на диван и осторожно села на край.

«А зачем он сюда шёл? Что ему нужно было среди этих машин? И почему просил повесить эту дурацкую куртку на балконе?»

… женщина поймала себя на том, что так и провалилась в сон, сидя на краешке дивана. Она встала и подошла к мужчине, представившемуся Сашей.

«Заснул. Пусть спит, его сейчас только это может спасти от боли. Вместе с таблетками, конечно, которых такими темпами хватит дня на два. Но может, сильно болеть после этого уже и не будет? Ну да, когда это нам так везло…»

Из-за того, что её запасы теперь будут расходоваться быстрее, женщина вслух чертыхнулась. Раненый гость вздрогнул от звука, но не проснулся. Издал тихий стон и снова затих.

«Если ты соберёшься умереть, — обратилась она мысленно к нему, — сделай это, пожалуйста, сегодня, чтобы я хотя бы продукты и таблетки на тебя не переводила».

Женщина сначала хотела налить воды в стакан и поставить рядом с Сашей, но потом передумала.

«Руки слушаться не будут, наверное. Ещё, не дай бог, разольёт».

Хозяйка квартиры отнесла бутылку к своему дивану и поставила на пол.

«Наверное, если бы заразился, то уже стало бы всё ясно, — она снова хмыкнула. — Но что тут может быть ясно? Если бы я знала, как его вспорет этот урод из машины, то и высовываться бы не стала. На кой уже его спасать, если «трупник» засунул в тело свои жала?»

Она поймала себя на том, что ходит вокруг дивана в каком-то трансе.

За окном ночь. На полу связанный покромсанный неживыми тварями мужчина. Пора и самой укладываться.

Женщина сняла с плеч покрывало и расстелила на одеяло, под которым обычно спала. Забравшись под него, почувствовала привычные холод и сырость. Мерзко, но это чувство хотя бы даёт уверенность, что ты не стал «трупником».

«А может, этот Саша не так прост? Посмотрим… Если не «взбесится» или не помрёт, то я очень сильно удивлюсь! И что тогда?»

Правой рукой хозяйка квартиры сжала рукоять большого охотничьего ножа, висевшего на поясе.

— Давай, Шурик. Не помирай, — вместо «спокойной ночи» пожелала она.

Укрытый одеялом и надёжно связанный, мужчина только что-то хмыкнул в ответ. Где-то в черноте города раздался «трупниковый» вой.

И Саша едва слышно простонал что-то в ответ.

Мёртвые глаза встретились с живыми

Марина пряталась.

От того существа.

Туман, если можно так сказать, то сгущался, то таял. На смену ему приходил мелкий дождик, похожий на водяную пыль, переносимую движениями воздуха.

Она стояла, пригнувшись за машиной.

Буквально пара метров до твари. Ещё никогда Марина не видела «нечеловека» настолько близко.

У женщины не получилось толком его разглядеть. Но не возникало сомнений насчет того, что существо сделает, если заметит её. Поэтому она старалась не выдать своего присутствия перед тем, кто лежал на передних сиденьях соседней машины.

В воздухе витал странный запах, который путал ход её мыслей — пахло химией. Хлоркой или чем-то таким, для мытья туалетов. Это было очень странно, потому что в городе уже давно никто ничего не мыл.

Нет. Не так.

В этом городе на улицах никто ничего никогда не мыл. А уж хлоркой и подавно.

Может, это «оно» так воняет?

Маловероятно, но отметать такую догадку сразу не стоит…

Задумавшись над происхождением запаха, Марина неожиданно для самой себя вздрогнула от холода. И слишком громко вздохнула при этом.

— Уии! — услышала она из машины, в которой сидел «бывший».

«Ох, боже мой, что же я наделала! — заплакала от испуга женщина. — Что ж я рот-то на замке держать не умею!»

— Уии, ууууии! — звал «нечеловек».

Но Марина не отвечала существу. Она осторожно легла на землю — в грязь, чтобы посмотреть под машиной, куда оно пойдет. Но странный неживой не вылезал из своего укрытия.

Женщина подумала, что тварь могла её всё-таки не заметить. А это давало небольшую надежду на возвращение с «прогулки».

— Уии, ууууууи! — как-то встревоженно сказал «водитель».

— Хаааааа, ммммхххэээа, — незнакомый голос ответил существу.

У Марины кольнуло сердце.

Осторожно поднявшись из хлюпающей грязи, женщина быстро выглянула из-за машины и увидела, что возле необычной твари стоят двое «первых».

— Саша! — едва слышно от страха позвала она мужа и села на корточки. Но, разумеется, Саша не слышал её.

Женщину захлестнуло отчаяние! Ситуация становилась с каждой секундой всё хуже.

«Зачем? Зачем я вылезла из дома! Бросила сына!»

«Первые» — самые тупые из «бывших». К счастью. Но это не значило, что примитивные твари неопасны. Именно они «сломали» мир за несколько дней, так что недооценивать их было неправильно. Марина с Сашей видели из окна, что на новой Земле уже успели появиться особи, которые выглядели в разы страшнее «первых» — «вторые», «третьи», «гончие». И, судя по товарищу в машине, «нечеловеческий» список её мужа был далеко не полный.

«Что же мне делать теперь? Ведь можно же как-то выкрутиться? Хотя бы ради ребёнка».

Она слышала, как «бывшие» «разговаривали» друг с другом. И, видимо, «вежливый» тон, с которого началась беседа, оказался для встречи неподходящим и быстро исчерпал себя. Доносились рычащие крики.

Марина сидела на корточках и не представляла, куда себя деть. Внезапно она поняла, что уже несколько секунд её взгляд упирается в ручку приоткрытой автомобильной двери.

«Ясненько… ладненько. Но, чёрт, как же сделать это бесшумно?»

Женщина немного привстала и взялась за покрытую грязью ручку. Выглянула из-за машины.

Один «первый» встал на капот автомобиля и что-то «объяснял» существу, которого от Марины своей спиной закрывал второй «мертвоход». «Бывшие» были практически голыми. Мокрые лохмотья, напоминавшие скорее просто грязь, прилипали к их телам, а кожа почти вся стала серой или чёрной. Если не видеть их лица, то эти твари походили больше не на мутировавших горожан, а на рабов с каких-нибудь радиационных рудников.

Дверь в машину приоткрыта. Осталось только потянуть на себя, чтобы хватило места протиснуться в салон.

«А после этого нужно будет её аккуратно закрыть. И всё!»

«Бывшие» снова начали что-то рычать друг другу. Странное существо отвечало этой «двойке» только своё жалобное «уиии». Впечатление создавалось такое, что оно боится «первых», просит пощады. А те, в свою очередь, чувствуя силу, решили им полакомиться.

Почему же раньше его никто не сожрал?

«Быстро! — сказала себе Марина, когда один из «первых» подпрыгнул на капоте в попытке испугать «водителя». — Это нужно сделать быстро! И всё, и никаких гвоздей!»

Она немного выпрямилась и резко дёрнула ручку. Дальше, с удивительной для себя скоростью, Марина юркнула в салон автомобиля и… с оглушающим ударом захлопнула дверь. Не услышать это могли только те «бывшие», что находились в частном секторе на окраине города. Ну или совсем мёртвые. Мёртвые ниже нуля…

«Вот чёрт! — сказала она про себя и поняла, что находится почти в кромешной темноте.

Все стёкла покрывали пыль и опавшая листва, превратившиеся в слой грязи. Разглядеть сквозь это ничего не получалось. Полный мрак! Но минус на минус даёт плюс — в то же время никто не мог увидеть и её. Не будут же «бывшие» открывать дверь машины или бить стёкла?

Рёв снаружи превратился в ужасающие вопли, послышались какие-то хлопки и удары.

Глаза начали привыкать к темноте. Марина повернулась направо и, подпрыгнув на месте, ударилась головой о крышу. На пассажирском сидении лежал труп. Его череп был вскрыт, верх головы отсутствовал, как и то, что раньше находилось внутри неё.

Удар! Осколки и грязь в лицо! Что-то тяжелое бахнуло по виску!

Тварь с рёвом разбила стекло в двери справа. На Марину свалился пассажир с лоботомией. Сквозь боль в голове она почувствовала, что резать мочевой пузырь престало — тепло разлилось по её ногам. Голова и рука «первого» оказались в салоне. Существо разлепило глаза, оперлось окровавленными руками на дверь машины и как будто лениво подняло голову вверх. На перекошенном лице бывшего

человека зияла приличных размеров свежая чёрная рана. Мёртвые глаза встретились с живыми.

Марине показалось, что при виде неё во взгляде неживого возникло удивление. Но уже через мгновение «первый» буквально вылетел обратно! Женщина успела заметить, что из его разорванного живота торчит какой-то рог или коготь. Он тянулся из машины, где сидела странная тварь — это можно было разглядеть через разбитое окно.

«Оно пробило его насквозь... Это, то существо? Это из него вылезла такая штука! О божечки, боже!»

Марина прикоснулась ледяной рукой к разбитому виску и попробовала восстановить в голове скрытую от неё цепочку событий:

«Тварь из той машины насадила «первого» на свою… конечность. И кинула в машину, где сижу я».

Но не прошло и нескольких секунд, как «водитель» решил повторить свой удар.

Как-то кошмарненько

Саша открыл глаза.

Один в незнакомой комнате. Холодно и тепло. Кончик носа замёрз. Онемели и распухли губы. Все остальные части тела затекли в приятном тепле. Или он их просто не чувствовал?

Мужчина почему-то знал, что не стоит шевелиться. Но не помнил, почему. От движения глаз заболела голова, затем боль медленно расползлась по всему телу. Сердце качало кровь, и с каждым сокращением его мышц вспыхивал новый укол.

Он попытался уснуть и не смог. Или всё-таки получилось?

Саша решил открыть глаза и позвать кого-нибудь на помощь. Подняв веки, он обнаружил, что на диване сидит женщина в военном бушлате и смотрит на него.

Свет из окна стал ярче.

Боль исчезла. Но Саша чувствовал, что она в любой момент снова готова пронестись по его нервным путям.

Голова соображала плохо. Мысли спотыкались друг о друга. Моргнув, он увидел, что женщина исчезла.

«Ничего себе, как быстро», — вяло удивился мужчина.

Потом его растолкали и заставили пить. Холодная вода оказалась очень кстати. Ему в рот положили таблетки, но сил разгрызать их не нашлось. Пришлось просто проглотить.

— Эй, ну ты как? Умирать не собираешься? — спросила у него незнакомка.

Подозрительный тон? Недоброжелательный? Показалось? Кто здесь?

— Нет, — с неожиданной для себя твердостью в голосе, резко ответил Саша и только потом понял, что был за вопрос.

Память представлялась ему большим куском льда, который только начинал оттаивать. Но в таком холоде не стоило рассчитывать на скорый успех. Капля за каплей из тёмного небытия оттаивала его личность, собираясь в больной, уставшей ёмкости под названием человеческое тело.

— А ты кто? — неспециально грубо буркнул Саша.

Соображал он плохо и не сразу смог понять, что вопрос прозвучал не очень вежливо. Задумавшись над манерами, он пропустил ответ незнакомки. Женщина же, сказав что-то в пустоту Сашиных мыслей, сидела и вопросительно смотрела на него.

— Что? — переспросил мужчина.

— Ты что, плохо слышишь? — удивилась незнакомка.

— Хорошо тебя слышу, — механически ответил Саша.

— Как ты себя чувствуешь? — вздохнув, видимо, не в первый раз задала свой вопрос его собеседница.

— Не знаю. Не знаю, — произнёс он дважды. — Нет слов. Как-то кошмарненько.

Причём, повторяя фразу, Саша считал, что раскрывает некоторые дополнительные подробности своего состояния. Видимо, понятные только ему.

Женщина, нахмурившись, с сомнением посмотрела на собеседника.

— Ты хочешь меня сожрать?

Саша удивлённо поднял бровь, задумавшись над ответом. Незнакомка его опередила:

— Болит что-нибудь?

Мужчина снова ничего не успел сказать:

— Значит не болит, раз ты не знаешь, что ответить. И не орёшь как резаный.

Саша изобразил на лице мину — «да, наверное, то, о чём ты говоришь, так и есть» и решил, что отвечать на её вопрос уже не нужно.

Хозяйка квартиры, вздохнув снова, села на мягкую табуретку, стоявшую, как оказалось, возле его головы.

На женщине был армейский бушлат. Спортивные штаны с цветными полосками. Чёрная шапка торчала из кармана. Её лицо имело правильные черты, казалось вполне приятным, но уже на закате молодости. Вместе с этим, в глазах таилась какая-то преподавательская строгость и собранность. Кожа бледная, волосы русые. Может, она была и моложе, но последние месяцы каждого из них состарили на несколько лет.

— Как зовут тебя, помнишь? — серьёзно спросила женщина.

— Александр, — не растерявшись ответил её гость и, неожиданно для самого себя, перешёл в наступление с встречным вопросом. — А тебя как?

— Маша. Для друзей Маня, — ответила она таким тоном, что стало понятно: Саше можно использовать только первый из предложенных вариантов. Он был не против.

— А откуда ты тут?

— Я вообще-то здесь живу. Квартира в ипотеке. Между прочим.

Саша хотел ради шутки спросить «когда следующий платеж?», но забыл зачем он решил так сделать. А через секунду из его мыслей пропал и сам вопрос.

— Чего хмуришься? — спросила у него женщина. И Саша понял, что, задумавшись, сдвинул брови.

— Это так. Просто, — сказал он и решил, что его голова стала совсем плохо работать. — Не соображаю я.

«Как будто от меня пахнет перегаром?»

— Ты помнишь, что вчера произошло? — не отставала Маша.

Саша закрыл глаза. И начал вспоминать. Мелькали какие-то размытые картинки. Ничего не понять. Решив, что достаточно долго молчал, Саша открыл глаза.

Женщина сидела у окна и читала книгу.

Освещение изменилось. Видимо, наступил вечер.

Саша понял, что провалился в беспамятство, а всё, что видел, оказалось сном. Но сейчас его самочувствие стало лучше. В мыслях появились крупицы ясности.

Маша вопросительно смотрела на него.

Потом женщина снова внезапно оказалась рядом и поднесла к его губам стакан с чем-то шипящим. Сладко-горьким.

— Пей!

Саша скривил лицо. Горького опять было больше, чем сладкого. А холодного ещё больше!

— Успокоительное, — хитро улыбнувшись, пояснила новая знакомая.

Саша выпил всё.

Пошевелив пальцами ног, он разбудил боль. И сразу всё вспомнил. Неопознанную тварь в машине. Руку-крюк. Борьбу. Поражение. Свою

спасительницу. Дорогу в этот дом. Подъезд. Вот только не помнил, какой этаж.

«Ну и чёрт с ним», — решил Саша, после чего его накрыло пьяным беспокойным сном.

***

Маша сверлила задумчивым взглядом спящего гостя.

«Уже сутки в каком-то бреду. Но, может, так и ведут себя раненые? Или такое поведение у тех, кто подцепил заразу? На последнее не похоже. Выглядит он всё ещё по-человечески».

— Кажется, пронесло, — сказала она в пустоту. — Но как такое возможно?

Просто звук ветра

Женщина с любопытством взглянула на Сашу. Увидев, что он проснулся, отложила книгу и подошла ближе.

Мужчина смотрел на Машу и не знал: стоит у неё что-то спросить или, наоборот, что-то ей рассказать. Хозяйка квартиры тоже не спешила завязывать разговор. Видимо, пыталась оценить, насколько её гость пришёл в себя.

— Ты понимаешь, что сейчас происходит? — всё же спросила она.

— Да. Понимаю. Не понимаю только, как всё так произошло.

— По глупости, — строго сказала женщина. — По незнанию. По невнимательности. Ты дурень! Зачем полез сюда?

Мужчина слегка кивнул головой. Понял. От него ждут не вопросов, а ответов. Справедливо. Впрочем, она вроде и не обещала вести себя как заботливая медсестра из ванильного сериала.

Ломило виски. Пахло перегаром. Хотелось пить. Обездвиженное тело затекло. Жизнь, во всех её преимуществах, сжимала выжившего в своих объятиях.

— Меня самого зовут Саша. Я женат, есть сын, — он чувствовал себя так, будто отчитывается экзаменатору. Но такое немного унизительное ощущение всегда выгоднее перебороть: решить проблему в свою пользу, и забыть. — Мы, точнее Марина — это моя жена, заметила тебя на балконе. Наш дом стоит через дорогу. Второй от перекрёстка.

— Так ты шёл ко мне? — удивилась Маша. На её лице выразилось такое недоумение, что Саша почувствовал себя ещё более некомфортно.

— В том числе, да.

— Сколько вас, ты говоришь?

— Трое: двое взрослых и ребёнок.

Собеседница скривила лицо, задумавшись. Отрицательно покачала головой.

— Ну а почему нельзя было помахать рукой с балкона? Ты же чуть не погиб, когда полез сюда!

— Мы смогли застать тебя на нём только один раз, — не соврал он.

Женщина недоверчиво подняла брови, но ничего не сказала.

— Потом, сколько мы ни сидели у окна, ты там так ни разу и не появилась, — со вздохом произнёс Саша. — Поэтому я решил проверить, не стоит ли тут одна машина, от которой у меня есть ключи, и заодно попытаться найти выживших.

Маша молча смотрела на него. В своём взгляде она не скрывала подозрительность. Недоверие. В её голове не укладывалось, зачем взрослому мужчине в здравом уме идти на смерть ради поисков какой-то машины.

Женщина вздохнула и снова покачала головой, как бы вынося вердикт: ну ты и дурачок, но несмотря на это, тебе вроде бы можно верить.

— И, как видишь, оружия у меня нет.

Тут её глаза немного подобрели. Будто услышав какую-то глупость от студента-первокурсника, она слегка кивнула в знак одобрения и отвела взгляд в сторону, собираясь с мыслями.

Волосы Маши были собраны в короткую толстую косу, перетянутую резинками. На её бледном лице уже виднелись морщины, ну или это были просто неровные полоски грязи.

Женщина вытащила из-за пояса пистолет. От глаз мужчины не скрылся и большой нож, висевший на ремне.

Без какого-либо осознанного участия Саши, его лицо напряглось, челюсти плотно сжались.

Он не знал, какая марка у пистолета, но в фильмах такие обычно полицейские направляли на преступников.

— «ПМ», — сказала она. — Тут, думаю, ничего объяснять не нужно?

Саша отрицательно закачал головой, хотя и не помнил, как расшифровывается «ПМ». Пневмат? Но он прекрасно понимал, что в конкретном случае означает демонстрация оружия.

— У вас есть еда?

— Её во всём городе полно, — уклончиво ответил мужчина.

— Да мне чужого не надо, я наоборот, — немного виновато ответила Маша, улыбнувшись. Как начальник, который рассчитывает тебе премию. — Может быть, ребёнку твоему нужно.

— Спасибо, у нас пока есть запас на пару недель, — напряжённо выдавил Саша.

— Но с водой, наверняка, туго?

— Можем позволить себе только пить.

— А не мылись сколько?

— Думаю, столько же, сколько и ты.

Женщина хмыкнула и улыбнулась.

«Отлично, — расслабившись подумал Саша. — Вроде бы адекватная. И у неё есть оружие. Теперь всё может наладиться, только…»

— А что там со мной? — указав глазами на ту часть одеяла, что укрывала его ноги, спросил мужчина.

— Я не врач, но «трупник» в тебе наделал много дырок. Я, наверное, час вчера зашивала. Но может, так долго, потому что я никого живого раньше не штопала.

— Это же всё произошло вчера? — слегка удивился Саша. Ему казалось, что прошло гораздо больше времени.

— Да, утром.

— А пролежал я?

— Весь вчерашний день, ночь, ну и сегодня уже почти шесть.

— Как мне сообщить моим, что я жив? — заволновался мужчина и попытался пошевелиться. Через секунду его всего перекосило от боли.

Маша вспомнила, что Саша просил её повесить куртку на балкон. Ей тогда эта задумка не понравилась, и она выбросила грязное тряпьё. Женщина предположила, что таким образом нежданный гость может сообщить каким-нибудь своим головорезам, где он. И хотя с мужчиной, кажется, всё было в порядке, Маша не стала напоминать ему о той его просьбе. Себе дороже.

— В тебе столько новых, ненужных твоему телу дырок, что пока ты дойдёшь до дома, истечёшь кровью. Я что тебя зря зашивала?

— Да я и встать-то не смогу, боже, как же больно, — застонал он. — Зачем я только пошевелился.

— Я могла бы выйти на балкон и… — Маша задумалась. — И помахать твоей жене рукой. Она ведь, скорее всего, глаз не сводит с этого места.

— И что она поймёт? Что решит, когда я не выйду с тобой? Что я тут жить остаюсь? — немного разозлился Саша.

— Сам подумай, с чего бы мне просто так ей там размахивать? Я же про неё как бы не знаю!

— Это да, — согласился он, пытаясь вытереть слёзы о полотенца, которыми были перевязаны его руки. — Но всё равно надо конкретнее как-то.

— Хоть так, — не слишком доброжелательно бросила женщина и вышла в коридор.

Саша понял, что лежит во второй комнате квартиры, в углу у входа. За ним, скорее всего, зал, из которого можно выйти на балкон. Руки не туго, но связаны. В принципе, за какое-то время он справится с такими путами, но зачем? Ведь Саша понимал, с какой целью его связали. И, кажется, пронесло?! Но как? Почему?

Ещё он заметил одну странность в своей боли. Болели не только ноги, но и спина. Она, пожалуй, мучила его даже сильнее, но Саша не помнил, чтобы вчерашняя тварь могла ранить его туда.

Он услышал звук открывающейся балконной двери и шум улицы. Точнее, теперь это нельзя было назвать шумом, ведь все машины заглохли, как и люди... Просто звук ветра.

Женщина чертыхнулась и вернулась в квартиру.

На вопросительный взгляд Саши она ответила:

— «Трупники» ходят! С балкона заметить могут. Я там примотала тряпку белую к перилам, не знаю, может, твоя жена увидит.

— А много их там?

— Штук десять. И дальше ещё, кажется, идут, — нервно ответила она.

— Десять? Вот, чёрт! Я такого количества в одном месте давно уже не видел! — сказал Саша. — Дела наши плохи.

— Смотря с какой стороны посмотреть.

— Ты о чём?

— О насущном! Ты нарвался на «трупника». Он тебя вскрыл немного. Ты выжил.

— Только благодаря тебе, спасибо, — не совсем понимая направление разговора, ответил Саша. Ему показалось, что настроение собеседницы снова переменилось.

— И ты не заразился, Саша, — строго глядя на спасённого, сказала женщина.

— Повезло…

— Шмовезло! Фигня твоё «повезло»!

— Ну может…

— Давай-ка колись, в чём дело?

— Я не понимаю, — попытался развести руками Саша.

Женщина улыбнулась от этого его жеста.

— Это я не понимаю, как ты не превратился. Тебя цапнули, а ты целёхонек. Как так? Ни одного живого лица за последние месяцы, а тут ты! Весь покромсанный, но не болезный!

Автоматически начал оправдываться мужчина:

— Я тоже этого не знаю. Но если честно, ещё даже подумать об этом не успел. Может, тот… стационарный «трупник» незаразный?

Женщина улыбнулась, закатила глаза и покачала головой с таким видом, что Саше захотелось провалиться сквозь землю.

***

Маша посмотрела на своего спящего гостя. Потом в черноту коридора. Холодно. Сыро. Страшно.

«Может ли неживой быть незаразным? Чушь! Каждый из них — сплошная кожаная банка с заразой! С гнильцой!»

Женщина встала с дивана и бесшумно подошла к мужчине. Её пальцы сжимали рукоятку ножа. Присела на корточки возле спящего. Стала всматриваться в его лицо.

«Человек, который не умер. Первый человек, который не умер от их заразы».

Лицо как лицо. Грязное. Худое. Бледное.

Маша быстро посмотрела в коридор. Словно проверила, не стоит ли там кто-нибудь. Вернула взгляд к мужчине.

Лицо чуть вытянутое. Но это как раз может быть из-за того, что пришлось худеть. С такой физиономией человек незаметен в толпе. В жизни. Везде. С таким лицом ты обычный.

«Но видимо, ты Шурик, как раз таки и не обычный! А чем ты необычнее, тем ценнее! Но только — один ты из нас».

— Но нам всем не спастись, Саша. Ребёнок и твоя жена, уверена, ещё одна бесполезная женщина — обуза, которую мы не вытянем. С этого дна нам всем не подняться.

Он не делал попыток встать

Марина вскрикнула.

«Первый» висел в воздухе, насаженный на кривой костяной крюк странной конечности — она тянулась от существа из соседней машины. Убиваемый что-то шепелявил губами в чёрно-красной крови. Из его живота торчал коготь. Через секунду он захрипел, а безымянная особь подняла его выше, стремясь размозжить о Маринину машину.

Этот удар принёс больше пользы, чем предыдущий. Монстру удалось запихнуть «мертвочеловека» в окно пассажирской двери. От удара плечо «неживого» вмялось в тело, рука неестественно выгнулась и безжизненно повисла.

Но «бывший» не отключился.

«Возможно ли это вообще?»

Страшная конечность совершила новый рывок, но жертва успела схватиться своей неповреждённой лапищей за предплечье Марины! Помогло. Безымянный намеревался вытащить «первого» из машины. Но женщина, невольно препятствуя этому, крепко вцепилась в руль и кричала от испуга и боли.

Мёртвый человек от натяжения повис в воздухе почти горизонтально земле. Марине казалось, что он сжимает её руку так сильно, что кость предплечья вот-вот превратится в труху.

— А-а-а-а-а-а! — сквозь зубы хрипела она. — Мерзкая гадина!

Из носа и рта «бывшего» пузырилась чёрная пена, а глаза вылезали из орбит. Когда крупные пузыри его кровавой слюны лопались, тёмные частички плоти, плававшие в них, летели в лицо вопившей от ужаса Марины.

В какой-то момент «первый» крякнул, будто отрыгнул, и рука-крюк энергичным движением разорвала его пополам! Смертоносная конечность взмыла вверх с мелкими ошмётками красно-чёрной плоти.

Нижняя половина туловища «первого» упала на землю.

Монструозная рука-крюк вернулась на место, к своему обладателю. А через несколько секунд он снова ей «выстрелил»: мощным ударом разрубил брошенную часть добычи, и отделённые ноги разлетелись в разные стороны.

То, что осталось от мертвеца, повисло на руке Марины.

«Бывшего» разделили пополам! Но, как и в случае с дождевыми червями, это не значило, что он сыграл в ящик. Ведь эту игру, пусть и с оговорками, «нечеловек» завершил уже давно… Сейчас он тяжело выдыхал воздух, а его зыркалы замерли и смотрели в одну точку. В глаза Марине.

Женщина уже не кричала.

Её вроде бы даже не особо трясло. Или она этого просто не замечала. Кровь бурлила от адреналина и остальных вброшенных в неё организмом веществ. Сердце бешено стучало, качая кровь и поставляя химический допинг туда, куда нужно. В мышцы! Бей или беги!

Почти отнявшаяся рука начала отходить после того, как разорванный «первый» ослабил свою хватку. Вместе с болью в пережатую часть руки возвращалась кровь, и уже совсем скоро Марина со стоном, но смогла двигать пальцами.

Половина «первого» впала в лёгкое беспамятство и не совершала пока активных пожирательных действий.

«Собирается с силами?»

Странная тварь из соседней машины наколола на крюк одну ногу «бывшего» и затащила в себя.

«Сожрала, гадость поганая, — подумала женщина. — Времени зря не теряет».

Внезапно страшная мысль ворвалась в её голову:

«Это чудовище так, наверное, и Сашу убило! — на глазах Марины навернулись слёзы. — Гадюшница вонючая!»

Злость захлестнула её!

Неуклюжими движениями, она левой рукой достала из кармана сырой куртки свой маленький топорик. И перехватив его поудобнее, начала колотить по голове «первого», всё ещё сжимавшего её руку.

— Кусок гнили мерзкой!

— От, — удар.

— Пу, — ещё.

— Сти! — снова.

Повторить!

«Неживой» человек полностью провалился в машину и лежал на правом боку на коленях у трупа, который обосновался здесь раньше всех. Старожил…

Сначала у неё не получалось. Марина попадала по голове «первого» то обухом, то боковой стороной лезвия. Но злость, точнее желание причинить боль твари и освободиться, помогла ей сообразить, как нужно держать ручку и какой замах возможен в салоне машины.

— Хочешь ещё топорика, гад криволапый? — зло шептала она, затравленно оглядываясь по сторонам.

Теперь женщина старалась наносить удары уголком лезвия в висок «бывшего». Левой рукой бить было неловко, но правую всё ещё сжимала тварь, поэтому выбора у Марины не осталось.

Тут, тук, хрусщь.

«Ага!»

Хрусь, хрусьщь.

Она пробила мертвецу череп, и теперь от виска до переносицы чернела одна сплошная дыра. Со следующим ударом топорика пальцы «первого» разжались.

Марина вздохнула с облегчением и начала высвобождать свою руку. В твари, что сидела в машине напротив, что-то булькало и хрипело, её туша то вздрагивала, то замирала.

«Переваривает? — подумала женщина, пытаясь отдышаться. — Голодная гнилюка! Всё ещё? А вдруг… Раз она голодная, может, Саша смог убежать? И она его не сожрала?»

Её глаза вспыхнули надеждой. Из них брызнули тёплые слёзы, сделавшие лицо Марины ещё грязнее.

«Может быть, он убежал, а на его крики принеслись эти "бывшие"? — развивала женщина свою спасительную версию. — Но тогда, где же он? Надо его найти! Куда он мог спрятаться?»

С усилием толкнув дверь, Марина вышла из своего убежища на колёсах.

«А где другой?»

Второй «первый» сидел у автомобиля, брошенного перпендикулярно тем двум, в которых развивались последние события. Все вместе они складывались в букву «П».

«Нечеловек» опирался спиной на переднее колесо. Его тело вздрагивало, но он не делал попыток встать. Отойдя чуть-чуть в сторону, Марина разглядела, что он был разрублен вдоль, начиная с головы и примерно до живота. Его левая часть висела как отдельный кусок и покачивалась от вздрагиваний.

Женщина, подавив рвотный рефлекс, быстрым шагом направилась в сторону своего дома.

У Марины шла кругом голова от увиденного. Пережитого. И убитого. Оглядываясь по сторонам, она семенила в сторону своей красной пятиэтажки. Лицо и волосы были вымазаны грязью, а мокрые штаны противно липли к ногам.

Холодно.

Слева!

На дороге. В тумане. На пределе возможностей её зрения возникали маленькие фигурки. Это «первые» не спеша брели в сторону поднятого странным существом шума.

«Три. Пять. Семь. Божечки мои…».

Твари двигались медленно, видимо, с такого расстояния они ещё не видели женщину. Марина ускорилась и уже выскочила на середину проезжей части, когда вдалеке из тумана вынырнули «вторые», а затем и «третьи». Она на секунду замерла и присмотрелась.

Теперь ей стало понятно, почему Саша всегда безошибочно определял, что именно за «бывший» перед ним. Походка, движения рук, сутулость и скорость у каждого «вида» были разными. Только увидев их всех вместе, Марина смогла заметить то, что для её мужа уже давно казалось очевидным.

Внезапно справа раздался скрежет!

Марина нервно повернулась и увидела, как из-за брошенной машины вывалился однорукий «первый». Женщина громко вскрикнула от испуга. И в тот же миг фигурки вдалеке перешли на бег.

С тобой что-то не так

«Бывшие» бродили по улице вокруг дома, где Саша нашёл своё спасение. Мужчина раз за разом восстанавливал в своей голове картину произошедшего и пытался понять, как ему теперь быть. Совершил один выход на улицу в этом новом мире, и жизнь круто изменилась. Чуть вообще не прекратилась.

Обезболивающие в сочетании с алкоголем, призванным усилить их эффект, держали Сашу в весьма странном состоянии. Если он бодрствовал, почти всегда быстро терял концентрацию. Часто не понимал, действительно ли не спит. И наоборот. К тому же, мужчина постоянно чувствовал тянущую боль в ногах, спине и голове. И противную температуру 37-38.

Но несмотря на посттравматические муки, желание понимать, что происходит, заставляло его бороться со сном и болью.

— Ну ладно, в квартиру «трупники» вряд ли смогут забраться, — стараясь успокоить своего гостя, сказала Маша и села на диван.

Саша скривил лицо от слова, которым женщина называла «бывших».

— Что? Тебе опять больно?

— «Трупники»… — отрицательно качая головой, недовольно произнёс он и облизнул разбитые губы. — Мы называем их «бывшими». Они ведь бывшие люди. Ну, раньше были людьми…

— Да не надо мне разжёвывать, и так ясно. Какая только от этого разница?

— Так я не договорил, — сдержав раздражение, сказал Саша. Вздохнул. — Мы видели, как «бывшие» забрались в одну квартиру через окна. Потому что заметили в ней людей.

— Серьёзно? — с удивлением и недоверием спросила женщина. — На каком этаже?

— На втором. Серьёзно, — кивнул гость. — Своими глазами видели. С тех пор вот стараемся смотреть из окон только через тюль... Чтобы нас с улицы не заметили.

— Ну, вполне разумно. Я хоть и на пятом живу, тоже так делаю, — согласилась хозяйка квартиры. — Ты бы завёл себе ещё одно правило:

не нарываться на «трупников»!

«Хотя, может, они для тебя не такая уж и угроза» — подумала про себя Маша.

Саша нахмурился и проглотил насмешку, сказанную подозрительно серьёзным голосом.

— А ещё я недавно видел... Как один «третий» ходил и смотрел в окна.

— Что за «третий»?

— Фух, — выдавил из себя мужчина, собираясь с мыслями. — Мы для себя их разделили так… «Первые» — это, которых больше всего. Примити… — Саша запнулся.

— Примитивные? — подсказала Маша

— Ага, — с благодарностью кивнул больной, этот разговор давался ему всё труднее. — «Первые» — самые примитивные «бывшие». Их много. Они опасны, но реально тупы, — ненадолго задумался. — То есть, они могут тебя убить запросто, дури-то в них полно. Но если ты спрячешься, то запросто и мимо пройдут. Я так думаю.

— А запах?

Саша удивлённо посмотрел на собеседницу, явно сбитый с толку.

— Ну, а запах они чувствуют?

— Думаю, да. Скорее всего. Ну не как собаки. У людей же не такое обоня…

— Обоняние?

— Да, поэтому не знаю. Что-то они точно должны чуять.

— Не зря, значит, я тогда хлоркой возле подъезда землю полила, — задумчиво произнесла Маша.

Саша вопросительно на неё посмотрел. И женщина объяснила, что сделала это после нападения «рыбака», чтобы замести следы.

— «Вторые» — это более серьёзная угроза. Они чуть быстрее. Думаю, что и сообразительнее. Уже такие, с изменениями внешности. Но их меньше.

— Меньше?

— Чем «первых», но больше чем «третьих» и прочих. Они ещё опаснее. Тут и от «первых» стоит драпать сразу. А от этих тем более.

Саша зевнул и продолжал:

— Затем идут «третьи». Они уже сильно отличаются от «первых». «Третьих» совсем немного.

Женщина нахмурила лоб и, не произнося ни слова, вопросительно смотрела на своего собеседника.

— Видела таких? — Саша задумался, подбирая слова. Сосредоточиться удавалось с трудом, картинка плыла, но он не сдавался. — Знаешь, вот «бывший» ещё на человека похож. Но уже начинает становиться… — мужчина не мог найти нужное слово. — Превращаться в кого-то другого. У него пальцы вытягиваются. И уши. Лицо становится мордой. Появляются такие, знаешь, сразу заметные изменения внешности… или даже, правильнее будет сказать, изменения тела. Если «первый» ещё в какой-то степени с виду человек. То «третий» — уже однозначно персонаж из фильма ужасов. От таких и не убежать. Они быстрее остальных.

Маша кивнула:

— Я поняла, о чём ты говоришь. Мимо моего дома такие проходили. Они ещё не плетутся по дороге, как эти твои «первые-вторые», а перебежками двигаются, — в довершение фразы, женщина быстро посмотрела в коридор и словно сама себе кивнула ещё несколько раз.

— Точно. Мы говорим об одинаковых «бывших». И вот такой… «трупник» совсем недавно бежал по твоей стороне улицы. И заглядывал в окна домов.

— «Третий»? Прямо заглядывал? — с подозрением спросила Маша.

— Ну, не так, как это сделал бы человек. Но подходил, смотрел издалека в окна. Даже во дворы забегал.

— Да ладно? Никогда за «почти уродами» такого не замечала.

Он вопросительно поднял бровь.

— Ну, «почти уроды» у нас — это твои «третьи»…

Саша не подал виду.

Но заметил.

Женщина сказала «у нас». А не «у меня».

«Что за ерунда? Может, оговорилась?»

— … а дальше уже бывают «совсем уроды» с длинными руками такие, — как ни в чём ни бывало продолжала Маша.

Саша напрягся, но не потерял нить разговора и сказал чуть дрогнувшим голосом:

— «Гончие». Так мы зовём их. После «третьих» — «гончие».

— Странные у вас названия, — ответила она, глядя в сторону.

— Да у тебя тоже. Вполне, — парировал Саша и, сам не зная, почему, сделал небольшое ударение на слове «тебя».

Женщина никак на это не отреагировала, что Саше не понравилось. Странные новые мысли начали закрадываться в его голову.

***

«Зачем она меня спасла, если было уже почти поздно? Почему она сказала "у нас"? Может ненормальная? Или, наоборот, я уже поехал от всех этих коктейльчиков? — размышлял Саша. — Ну то есть, она чуть-чуть того? Вполне возможно. Три месяца провести в одиночестве в этом аду. Ещё и не такое с головой случится. А может, мне просто показалось? Ну оговорился человек, с кем не бывает?»

Теперь для Саши «климат» этой квартиры перестал быть комфортным. Захотелось домой. К родным. К своим, которые не предают и не обманывают. На которых ты можешь злиться, ругаться, но только потому что они свои — кусок тебя. То, что есть часть всего в твоей жизни, дне, минуте, мысли.

«Возможно, странности "проросли" в Маше уже настолько глубоко, что она и не помнит себя без них? Но наверное, я себя накручиваю».

Саша очнулся от своих раздумий и вздрогнул. Женщина сидела напротив и молча смотрела прямо на него.

— Что? Я что-то прослушал? Извини, как-то голова туго соображает. Бывает, теряю мысль, — он почувствовал, что испугался.

«С другой стороны, — предположил Саша, — возможно, эти все мысли от лекарств, алкоголя и боли? Или я просто сам потихоньку схожу с ума. Тоже?»

— Так нет. Это ты говорил, но замолчал.

«Что? Да я же спал!»

Саша ничего не ответил.

Психологический дискомфорт нарастал. Жутко хотелось уйти из этой квартиры, но он понимал, что такой возможности у него нет.

Мужчина знал, что придётся остаться здесь. И возможно, бороться не только со своими, но и с чужими демонами.

— О чём размышлял? — прищурившись, спросила Маша.

— О том, что ты давно не проверяла «бывших», — глядя ей прямо в глаза, недрогнувшим голосом ответил Саша. — Только аккуратно, — как будто говоря о свершившемся факте, продолжал он, — чтобы в окне не заметили. Иначе все твои старания пойдут «коту-трупнику» под хвост, — закончил Саша, намекая на собственное спасение.

Женщина на несколько секунд задумалась:

— А ты знаешь, что и коты тоже «нетакие» бывают?

— Предполагал, но не встречал лично. А вот собаку «бывшую» убил.

Маша удивлённо подняла бровь. И улыбнулась.

— А собака тебя не кусала, случайно? — подозрительно, но всё же больше в шутку спросила женщина.

— Н-нет… — немного испуганно ответил Саша.

Она помолчала.

Посмотрела куда-то в коридор. Сделала странное движение бровями.

«Стоп. Она посмотрела куда-то? Или на кого-то?»

Обернулась. Скривила гримасу, встретившись глазами с Сашей.

— Хипленький ты совсем, Шурик. Подозрительно это всё. Странно.

— Насчёт странностей, я согласен, — сказал Саша одно, а подумал совсем другое.

— Я думаю, с тобой что-то не так.

«Я про тебя тоже так думаю, "трупник" тебя подери!»

— Что?

— А сам, как считаешь? Что бы ты думал про человека, которого искромсал этот твой, ну давай назовем его... Ээ...

— «Рыбак»?

— «Рыбак». И после «рыбака» этот человек преспокойненько выжил?

— Так ты же меня спасла!

— Спасла… но своими культями мерзкими он тебя проткнул хорошенько! И слюнями ядовитыми забрызгал тоже! Много дырок, Шурик. В тебе много лишних дырок! Но ты не заболел!

«А ведь и правда, чёрт подери эту… странную женщину. Ведь всё, что она говорит, правда».

Водить умею я

Саша нервничал.

Его можно было понять. Женщина случайно сказала «у нас» вместо «у меня», хотя и утверждала, что живёт одна. Вела себя слегка странно. Часто во время разговоров смотрела куда-то в сторону.

А ещё.

Он не заразился.

Хотя должен был.

И это, пусть и радовало, но выглядело слишком подозрительным, чтобы расслабиться и просто получать удовольствие от... ран.

«Значит, с ней был кто-то ещё, — продолжал размышлять мужчина. — Но кто? И где этот человек?»

С того момента, как Маша проговорилась, Саше её поведение стало казаться подозрительным. Навязчивая мысль поселилась в его голове. Подпитываемая действием препаратов и скованная квадратными метрами «больничной палаты», эта идея не желала никуда уходить.

— Есть хочешь? — спросила Маша.

Саша кивнул.

«Отравит?»

Женщина зашуршала чем-то в другой комнате.

— Хотя нет, — услышал он, как Маша сказала это сама себе и вернулась к нему в комнату.

Она оценивающе посмотрела на своего гостя и спросила:

— Лёжа-то ты есть не сможешь? — обрисовала женщина перед ним проблему.

«А я и не подумал об этом», — согласился Саша.

— Давай мы тебя поднимем, и я ещё одну подушку диванную под спину подсуну… — сказала Маша, сняла с дивана большой упругий прямоугольник и поставила его рядом с Сашей.

Он протянул женщине руки, за которые та уверенно взялась, и медленно подняла его вверх. Саша скорчил гримасу от боли:

— Ух, ё!

— Так, потерпи!

Отпустив одну руку больного, она ловко подсунула ему под спину подушку и плавно его на неё опустила.

— Больно сильно? — спросила Маша, увидев перекошенное лицо своего гостя.

— Да мне так в жизни больно не было, — прохрипел Саша с облегчением устроившись на обновлённом лежаке.

Болели не только ноги. Конечно, они пострадали сильнее всего, но и на руках горело много ссадин и ранок. Снова опухли губы, которые у Саши едва успели зажить после схватки со странными «бывшими» — дедом и внуком. Зудела и побаливала спина, на голове выросло несколько шишек, а в левом ухе иногда появлялся посторонний шум. Да и просто было сложно сконцентрироваться на чём-то одном — подташнивало. Скорее всего, он в добавок ко всему получил ещё и лёгкое сотрясение. Ну и вишенка на торте — противная температура.

— Вот, — женщина поставила на колени Саше деревянную разделочную доску, как поднос.

На маленькой тарелочке лежало несколько крохотных солёных огурчиков, две светло-розовых помидорки и половина очищенной луковицы, порезанной крупными дольками. Рядом стояли кружка с водой и вскрытая банка с мясом цыплёнка, в неё воткнули гнутую алюминиевую вилку.

— Чем богаты, — с хмурой улыбкой сказала Маша.

«И чем же?» — спросил про себя Саша, но вслух лишь ответил:

— Тем и рады. Спасибо, — мужчина поднял руки, и Маша их развязала. Он взял вилку негнущимися пальцами, чтобы проверить свою моторику, и попробовал наколоть сначала огурчик.

Получилось. Положил в рот.

«Кислый», — сморщил он лицо.

— Так зачем ты шёл сюда?

Саша едва не подавился от такого вопроса.

— За смертью, видимо, — попробовал отшутиться мужчина.

Он наколол кусок тушёного, как обещала этикетка, мяса цыплёнка на тупые зубчики вилки.

— Нет. Я серьёзно, — настаивала женщина. — Не просто же так ты вдруг спустя столько времени пошёл к этому дому.

Саша понял, что первую трапезу после его чудесного спасения придётся потратить на рассказы. Он не хотел спорить или раздражать

хозяйку жилища, ведь она всё-таки спасла ему жизнь. Причём сильно рискуя своей собственной. А ещё у неё был пистолет. И нож. И кажется, странности.

«Вот только почему она не использовала оружие тогда? — задал себе Саша резонный вопрос. — Гораздо проще было издалека застрелить эту штуку, чем подходить вплотную и разрезать мне одежду».

Его взгляд остановился на Маше, и та, подняв брови, кивнула как бы обыгрывая фразу: «чего не рассказываешь?»

— Ладно. В одной квартире я нашёл записку и ключи от машины. Судя по записке, некие люди должны были собраться у какого-то магазина, но не все пришли на встречу. И этот старик вернулся домой.

— Какой ещё старик? Это он тебе про всё это рассказал?

— Старик умер. Я осматривал его квартиру в поисках еды и нашёл записку в тумбочке. Так вот. Где-то, недалеко от какого-то магазина, должна стоять машина, от которой у меня есть ключи.

«Стоп. А где собственно они?»

Саша нахмурился и ощутил покалывание в голове.

«Шёл к той машине с ключами в руке. Но когда увидел это чудовище, то должен был положить их в карман».

— А ты не находила в моей одежде ключи от машины?

Женщина задумалась на секунду. Отрицательно покачала головой.

— Плохо, — расстроенно произнёс Саша.

Он почувствовал, как шанс выбраться из этого города снова растворялся в темноте будущих дней.

— Но если ты не находила, значит, они лежат где-то там, — предположил мужчина.

— Или выпали по дороге. Ты же падал. И одежда твоя была сплошными лохмотьями, — подключилась к его рассуждениям Маша. — Так, а что в той машине такого должно лежать?

— Не знаю. Просто на ней они собирались уезжать.

— Куда?

— Не знаю.

— Хм.

— Да и… — Саша замолчал.

—Иии? — в ожидании продолжения фразы нетерпеливо произнесла Маша.

— Да и шёл я, видимо, не туда, — он задумался.

Женщина с подозрением посмотрела на него.

— Та машина, если память мне не изменяет, должна была стоять под окнами. Кажется.

— А записка где?

— Дома.

— Почему ты не к той машине тогда пошёл?

— Марка указана на брелке с ключами. Она подходила. Я решил попробовать.

— Ага. И нарвался.

Женщина посмотрела в коридор. Скорчила грустную гримасу, покачала головой. Сильно зажмурилась, потом широко открыла глаза, как после долгой работы за компьютером. Проморгалась.

— То есть, какого-то плана, как действовать, у вас нет? — как будто утвердительно спросила она.

Саша покачал головой.

— Благодаря своему плану я здесь…

— А жена твоя… медсестра, врач какой-нибудь, может, с военными как-то связана?

— Нет. Мы обычные люди.

— Машину водить умеет? Самбо какое-нибудь, может, знает?

— Водить умею я.

Женщина снова с силой зажмурила глаза. Как будто пыталась не заплакать.

— Плюс маленький ребёнок… — словно для самой себя прошептала Маша.

— Да, Миша его зовут.

Женщина снова грустно покачала головой будто из-за чего-то расстроилась. Лицо её стало совсем невесёлым.

— А что это за тварь такая на меня напала? — решил разорвать неприятную тишину мужчина.

— О, мы за ним давно наблюдаем.

Саша поперхнулся.

Калека

Однорукий «первый» вывалился из-за машины и захромал к Марине.

Сзади.

Ещё далеко.

К ним уже неслась свора разномастной нежити. «Первые». «Вторые». Даже «третьи».

А тут ещё этот.

«Калека».

Так как ступню левой ноги «бывший» уже где-то потерял, он протыкал грязь голой костью и цокал ей об асфальт. Ручища, которой он тянулся к жертве, не досчитывалась нескольких пальцев, вместо них только чернели дырки. Медленный, покромсанный «нежизнью», он собирался урвать свой кусок из тела человека.

«О божечки, о боже, о боже…» — только и повторяла про себя испуганная женщина.

Она почувствовала, что попала в западню. «Первый» вынудил её отступать назад, навстречу целой своре «немертвецов».

«Куда бежать?» — возникла и пропала мысль, потому что, сделав несколько шагов назад, Марина поскользнулась.

Пытаясь поймать равновесие, она взмахнула руками и, наступив на какой-то мусор, с шумом свалилась на спину. Тут же сверху на неё прыгнул «бывший» и в полёте ударил своей лапищей по голове.

Марина остановила «первого», выставив для защиты руки вперёд. Он повис на них, клацая гнилыми зубами у её лица.

Лёгкий.

От омерзения женщина с криком выгнулась как кошка. С неестественной силой, руками и ногами оттолкнула «бывшего», перекинув через себя. Послышался звук удара о машину. Человек бы от такого, в лучшем случае, потерял сознание, но тварь только несколько раз тряхнула головой и начала подниматься.

Правда, Марина встала первой.

Поскользнулась.

Упала.

Снова вскочила.

И опять поскользнувшись, в падении обрушила холодный металл топора на затылок мертвеца.

Череп хрустнул.

Убила почти случайно.

Почувствовала, как приятное тепло разливается внутри при виде поверженного врага. Эта неизвестная энергия плавила страх и освобождала покорённое ему тело. Если бы у Марины была минутка для самоанализа, она бы поняла, что просто получает удовольствие от убийства тех, кто разрушил её жизнь. И, возможно, это справедливая награда. Хотя на справедливость в этом мире уже никто не рассчитывал.

Поверженный «первый» зашевелился.

Глаза женщины расширились от удивления.

Но времени на размышления не осталось. Стая разномастных «бывших» стремительно приближалась к ней. Не пытаясь добить однорукого «первого», Марина бросилась со всех ног к своему дому. В очередной раз за последние несколько минут.

Спотыкаясь и почти упав снова, пересекла проезжую часть и ворвалась во дворы.

«Теперь только дом обогнуть, и будет мой подъезд!»

Стараясь не сбрасывать скорость на поворотах, не заметила, как что-то попало ей под ноги. Это перебегала дорогу «бывшая» кошка. Хотя возможно, мёртвое животное пыталось даже напасть. Но выбрало неудачный момент. Кошачий череп хрустнул под подошвами зимних ботинок, а глаза выдавились наружу. Не успев даже захрипеть, зверёк испустил свой теперь уже точно последний дух.

Из-за блохастого монстра женщина снова растянулась на грязном асфальте. Издав жалостливый стон, едва нашла в себе силы подняться. Встав, шатаясь побежала к видневшейся уже двери в подъезд. Она не заметила, но и у этого «бывшего» животного тоже были странные зубы, словно сделанные из обломков чёрного камня.

Вбежала в свой двор. Из разбитого окна соседнего дома, прямо напротив её подъезда, высунулась морда «бывшего». У него не хватало части черепа, носа и верхней губы, можно было даже разглядеть его почерневшие зубы.

«Ох, мамочки, гадость какая!» — пропищала она, замешкавшись на секунду, и с удвоенной силой заработала ногами. Но «первый» не сдвинулся с места, а лишь наблюдал. Возможно, именно эта его странность спасла ей жизнь.

Подбежав к подъезду, Марина ловко перепрыгнула через лежавшую у входа покрышку, рванула на себя дверь и внеслась в здание.

«Иначеживой», что выглядывал из окна дома напротив, медленно растворился в темноте квартиры.

С рекордной скоростью преодолела три этажа ступеней. Подбежав к своей двери, быстро вставила ключ в скважину. Два раза провернула и потянула на себя. Почувствовала сырой запах дома и юркнула внутрь.

Но закрывая дверь, она успела заметить, что на площадке между третьим и четвёртым этажами сидел ещё один «бывший»!

Весь голый, с увеличенной головой и неестественно длинными конечностями от локтей и колен. У существа была болотного цвета кожа и большие жёлтые глаза, которые глядели на женщину с… любопытством. Так ей показалось за те доли секунд, что она успела его рассмотреть. Монстр выглядел страшным, но не опасным. Не пытался напасть, а просто смотрел вытянув голову. С грохотом закрыв дверь и провернув щеколду замка, Марина приникла к глазку и сразу же отпрянула. Существо за секунду преодолело лестничный пролёт и уже стояло перед дверью!

Снова медленно приблизилась к глазку. «Бывший» уже уходил вниз по лестнице, но неожиданно застыл на месте. Слегка повернул голову назад в её сторону, как будто прислушиваясь.

«Уходит».

Обессиленная Марина опустилась на пол.

А где же Миша?

«Бывший» с рыжей бородой

— Ты кушай-кушай! Это твой ужин.

— Ага, — опомнился Саша и нервно принялся за еду.

— Я давно наблюдаю за этой тварью. «Рыбаком», хм.

— Сколько? — с набитым ртом спросил он.

— Месяца два. Но они для меня, как вечность, — тяжелым голосом ответила Маша.

— Понимаю.

— Там убили кого-то. Даже уже и не помню, как, — упершись взглядом в стену, продолжила рассказывать женщина. — Кажется, кто-то в машине той долго орал. Но тогда почти весь город кричал, так что не могу сказать точно.

Казалось, что ей было нелегко говорить об этом. Но почему? Ответ на этот вопрос гость надеялся узнать позже.

— Люди же каждый день умирали тогда. Те три дня. Потом оставшихся добивали ещё с месяц. Ну как добивали, дожирали… А потом «трупники» просто бродили по улицам толпами. И вот в первые дни, эта машина, кажется, и горела, — кивнула в сторону упомянутого авто хозяйка квартиры. — Он, видимо, там и «засел» после этого. А потом ещё несколько бродяг было.

Саша прервал трапезу и внимательно посмотрел на Машу.

— Да. Какие-то бродяги. Здесь дворами ходили. Но по большей части неприятные люди это оказались.

— В смысле?

— В том смысле, что плохие. Один раз двое парней шли, и девчонка с ними, — скучным будничным тоном пояснила рассказчица.

— Ну и?

— Так руки у неё были связаны. И вели добры молодцы её на верёвке.

— Да ладно?! — удивлённо воскликнул собеседник.

— Прохладно! — в тон ему, не очень вежливо, ответила Маша.

— Так и что дальше-то было? — проглотил Саша её грубость, ради скорейшего продолжения истории.

— Компания шла по парковке. Там же, где и ты нарвался. Смотрели, видимо, машину себе. Не знаю! И знать не хочу. Ну а эта зараза, видимо, давай им там мурлыкать.

— Звал их?

— Не знаю я, что делала эта тварина! Я ж сверху, не забывай, не слышу толком. Но в городе-то тишина теперь, и вроде правда, она издавала звуки свои! Ты ведь тоже слышал?

При этих словах больной почувствовал, как у него внутри пошевелилось нечто неприятное. Иное. Сглотнув слюну в секундном приступе тошноты, он кивнул.

— Тебя самого случайность спасла. Я когда крикнула, ты обернулся, — попыталась повторить то его движение Маша, — а «трупник» в это время тебя лапой своей ударил, — женщина взмахнула рукой. — Ты, получается, на звук развернулся и чуть-чуть назад отклонился. И он, видимо, промахнулся. Мне кажется, примерно так получилось.

«Да. Как-то так всё и было», — поёжившись, согласился Саша.

— Но тварина-то не знала, что с тобой она промахнулась! Ведь зацепила же всё-таки? Чувствует же, наверное, это? Не понимала же она, что не мясо зацепила, а куртку. Для неё ведь нет различий? Ну это я так надумываю себе. Она же не может оказаться умной-разумной? И поэтому, наверное, просто полагаю, — женщина как бы примирительно развела руками, — она тебя не пыталась ещё раз наколоть! Потому что ты для неё уже был наколот. Иначе бы тебе конец однозначно!

Есть перехотелось.

— Ладно. Продолжаем не про тебя. И вот шли они по парковке. И подошли к этой машине. Посмотреть, что там такое. И тварь первого парня проткнула.

Немного помолчала, видимо, вспоминая, как всё случилось. Или свои ощущения от увиденного. Посмотрела в коридор. Потом на Сашу.

— Ты же, наверное, помнишь, он когда рукой выстреливает из себя, то как будто взрывается. Ошмётки всякие летят. Мне толком не видно, но на зрение своё я никогда не жаловалась. Вроде что-то брызгает из «трупника» машинного.

Мужчина несколько раз кивнул, но говорить ничего не хотелось. Эти воспоминания и так уже перебили ему аппетит.

— Он, значит, проткнул первого парня. И девушку, похоже, что ослепил. Чем-то ей в глаза попал.

— Ну она же отползла? — не удержался от вопроса Саша.

— Куда девчонка отползёт? Она же привязана была к его поясу! Или к руке. Не помню уже. Я же сразу сказала, что они её на верёвке вели. Я ещё не сразу в это поверила. Думала, вдруг показалось. А может, просто они так привязались друг к другу, чтобы… не потеряться, не знаю…

— Так и что с ней?

— Парня этого он сожрал, — будничным тоном продолжала Маша. — А девчонку вместе с верёвкой затащил к себе. И, полагаю, тоже сожрал.

— Ну она же кричала бы во всё горло! Мы бы тоже у себя услышали?

— Не кричала она почему-то. Хрипела что-то вроде бы, кувыркалась, но не кричала и ничего не говорила. Может, даже немая была.

— Немая? — скривил лицо Саша от показавшегося ему дурацким предположения.

— Ну не знаю я! — немного разозлилась рассказчица. — Немая она была или глухая, а может, этот «трупник», когда взорвался, что-то выплеснул на неё. Сонную слюну какую-нибудь. Не знаю. В общем, печальна судьба девчонки.

— Так, а там же ещё один был.

— Да. Стоял, смотрел. Такой крупный, кажется, с рыжей бородой.

— Смотрел? Он её не спас?!

— Нет, — спокойно ответила Маша. — Стоял в сторонке. Курил.

— Но почему? Я не понимаю!

— Ну а почему девчонка связанная была? — с вызовом посмотрела на своего собеседника женщина.

— Может быть, её «бывший» укусил, и они связали её, пока ждали…

— Я такой вариант, если честно, не рассматривала, — холодно прозвучал ответ. — Девчонка-то нормальная была с виду. Как я смогла рассмотреть. Хотя, возможно, ты и прав. Но моё предположение другое.

Саша покосился на Машу.

— Ну, ты мальчик взрослый. Понимаешь, о чём я. Сейчас проще с «бывшими», как ты их называешь, управляться, чем с людьми. Тем более с такими. Ты думал, раньше людишки погано себя вели? А вот оказалось, что всё это ещё были цветочки.

Она немного помолчала.

И он не находил слов. Был раздавлен рассказом и опечален судьбой несчастной девушки, так глупо умершей в это страшное время. Или не глупо? А подло. И как ему растить сына в таком мире?

— Люди сейчас отвратительные. Я этих как-то сразу отличила. Двигаются плохие люди всегда отлично от таких, как ты. И не крикнула им. А тебе крикнула. Ты не такой.

Саша ничего не понял из её последней фразы. Мистика какая-то! Маша как-то странно на него смотрела. С добротой? С доверием? С заботой? Нет, всё не те слова. С надеждой. Но надеждой на что? Что за чепуха?

— То есть, ты считаешь, что эти парни ту девчонку взяли в рабство? Или как-то так?

— Как минимум. Или как-то так, — словно передразнивая, добавила последнюю фразу хозяйка квартиры.

— Ничего себе! — в сердцах сказал Саша. — Но зачем? Да что же это такое? Мы же сейчас все вместе должны держаться! Объединяться как-то против общей беды.

— Ага. Ищи дураков.

— Нет, ну правда. Каких дураков? Без дураков! Я думал о подобном… Предполагал, что где-то это может быть. Но не о прямо таком вот! Как ещё нам выживать-то? Сколько нас вообще осталось?

— Не знаю, как. Но тот третий рыжебородый тип убегал от твоих «бывших» в сторону центра города.

Мужчина удивлённо поднял брови.

— Да, «трупники» тут как тут через несколько минут были.

— «Первые»?

— Скорее всего.

— Он убежал?

— Здоровый мужик. С ружьём. А выстрелов я не слышала… Думаю, да. Смог убежать от этих недоделков.

— Знаешь, я никому живому зла не желаю, но надеюсь, что не убежал он.

— Я тоже. Ну если увидишь «бывшего» с рыжей бородой, то будешь знать, кто это.

Лишние люди

Они закончили разговор на рассказе Маши о той странной троице, где девушку пленили двое мужчин. Или не пленили. Или показалось. Неизвестно. Всё равно она погибла. Из компании смог выжить только один. Тот, что убежал, хотя, возможно, его всё же догнали и убили «бывшие». Но этого им было уже никогда не узнать.

… Саша расправился с ужином. Хозяйка квартиры предложила ему отдохнуть. Хотя, как он понял, ей самой ещё хотелось поговорить. Ещё бы, несколько месяцев в одиночестве. Даже кота нет. Мужчина не сопротивлялся, а даже был рад сделать перерыв. И сам уже чувствовал, что израсходовал на разговоры почти все силы.

Для возвращения к семье сначала требовалось выздороветь. Заштопанные ноги были серьёзной проблемой не только для этого, но и вообще для его жизни.

Маша беспокоилась, что раны могут загноиться, и каждые несколько часов протирала их спиртом. То есть водкой. Потом смазывала каким-то заживляющим кремом из маленького тюбика. Дизайн у него был советский. Женщина сказала, что это средство хорошо затягивает маленькие ранки, так что будет не лишним. Но вот помогает ли хоть что-то из этого арсенала от загноения, никто из них не знал.

Саша не отказывался от лечения, но ему хотелось хотя бы примерно знать, когда он сможет подняться на ноги.

— А я думаю, ты и сейчас встанешь с моей помощью. И даже пойдёшь. Особенно, если тебя опоить водкой и обезболивающими, — ответила Маша, укладываясь на диван под своими одеялами. — Но швы же, наверное, разойдутся, и кровь пойдёт. Хотя я не знаю. Я не врач, не медсестра, и зашивала тебя только потому, что раны такого размера вроде как полагается зашивать. В кино, например, их всегда зашивают. Найти бы книжку какую, где про это написано.

— А температурить меня так и должно?

— Вроде бы да. Какая-то маленькая температурка должна быть. Но я могу и путать это с чем-то. В сериалах люди обычно уже выздоравливают, — слегка улыбнулась спасительница.

Саша промолчал. Но предположение женщины о его довольно скором «переезде» домой приободрило. Конечно, чтобы раны не раскрылись, какую-то часть лечения ему придётся отлеживаться здесь.

— В общем, я не знаю, сколько они будут заживать. И когда нужно нитки вытаскивать. И книжки же у меня никакой нет. А ты не в курсе сам?

— Нет, — ответил больной, постепенно погружаясь в мягкую темноту сна. — Не знаю ничего о медицине. Не умею заводить машину без ключей. Ни разу не сливал бензин. Стрелять не умею.

— Ну, сливать бензин очень просто… А что же ты делал раньше?

— Да как и все, в офисе работал, — сказал зевнув он. — Мне проще было за ремонт и прочее платить, чем самому разбираться. Не великие деньги, а время было дорого. Да и всё и всегда надо уметь, без умения лучше никуда не лезть. И особенно в эту жизнь.

— Да, не те нынче мужики, — пошутила она. — Хотя я и сама-то ничего толком не умею. Мы с тобой словно специально созданы, чтобы просто оплачивать счета для тех, кто хоть что-то умеет.

— Мы на первоначальный взнос собирали, — вставил он фразу. — Хотели квартиру свою. Деньги во вкладе были. А теперь…

— Да, с ипотекой тяжело, — разобрал он её последние слова. — Причём, вот все же берут чуть больше, чем могут себе позволить… Все деньги туда вбухивала, а конца и края не видно. Но я ещё столько же готова переплатить, чтобы вернуть всё, как было раньше!

— Только платить некуда.

Саша просыпался ночью от боли. Его стоны будили Машу, и она вставала, чтобы дать ему таблетки. Для мужчины всё происходило как в бреду — телу здорово досталось, но организм упорно боролся. Откуда брал силы? Иногда он чувствовал, что руки свело судорогой. Смотрел на свои неестественно выгнутые конечности, но совершенно не чувствовал боли. Пальцы вращались и шевелились против его воли. Хотя, возможно, это были просто сны. Или вообще всё, что он видел в последние дни, оказалось наполовину сном.

Наутро женщина измерила его температуру:

— Тридцать семь ровно — бодро произнесла она, вглядываясь в стеклянный градусник. — Отлично.

— Чего отлично-то? — чувствуя противный запах перегара из собственного рта, спросил Саша. — Температура же.

— Главное, что выше чем вчера не стала. Значит, это послеоперационное что-то такое, а не простуда. Наверное. Ты же на улице весь промок. Да и драка, раны, побои — всё стресс, а это уже прямая дорога к болезням и тому подобному. Я про это читала. Нервы, переживания, всё ведёт к употреблению лекарств. Ну а ты пока только на обезболивающих, — тут женщина подмигнула, намекая ещё и на алкоголь. — И другого ничего нет. То есть, всяких склянок полно, но от чего они, я не представляю. Точнее не знаю, что давать нужно после таких «операций». Слышала про таблетки кровеостанавливающие или для свёртываемости какие-то, но не помню названия.

— Я тоже по нулям.

Саша даже удивился такому логичному объяснению насчёт своей температуры. На душе стало немного светлее. Все её суждения выглядели здравыми и, видимо, его собственные больничные дела пока складывались неплохо.

— Повезло тебе в общем. Да и не в общем, а во всём. А если бы я не посмотрела в окно тогда?

— Я тебе очень благодарен за это, честно. И всё, что потрачено на меня, постараюсь вернуть. Или как-то ещё отблагодарить…

— Да я не на благодарности твои нарываюсь, — несколько смутилась спасительница.

— Да дело и не в этом, — произнёс мужчина, протирая сонные глаза. — Главное, что теперь нас четверо. А это значит, что шанс выбраться увеличивается.

— На сколько? — вопрос, как ему показалось, был задан без интереса.

— Ну, если нас было трое, а теперь четверо, то на четверть, видимо. Плюс 25 процентов к навыкам выживания, — улыбнулся он.

— Значит, нам нужно найти твои ключи, — предложила Маша.

— Да, но сначала мне нужно как-то связаться со своей семьёй.

— В этом-то и проблема, Саша, — впервые назвав его по имени, ответила женщина. Показалось, что её голос стал добрее или даже нежнее чем раньше. — «Бывшие» не уходят с этой улицы. Никто из твоих не появляется на балконе, да и я тоже не могу. В окне-то они меня не разглядят.

— А «бывшие» могут и в окне увидеть! Надо быть осторожнее. Да, дело дрянь.

— Они будто улицу патрулируют.

— Хм, патрулируют? — мягко усмехнулся Саша.

— Ну, а как ты предлагаешь это назвать?

— Не знаю. Вот и объяснение тому, что они где-то находятся постоянно.

— То есть?

— Ну «трупники» твои должны же где-то жить? Проводить свободное время и, наверное, спать?

— Свободное время? Никогда не задумывалась о таком, — призналась женщина.

В её голосе чувствовалась ударная доза скептицизма.

— Не могут же «бывшие» постоянно бродить из стороны в сторону? Это же всё истории из глупых фильмов! Любому существу нужно состояние покоя. Какой-то дом, может, даже общество. И то, что они пришли на этот шум вместе, группой... И обосновались здесь на какое-то время, подтверждает мои догадки.

Маша странно посмотрела на своего собеседника и вышла из комнаты, объявив, что приготовит что-нибудь перекусить.

— Ну а что я такого сказал? — обиженно прошептал Саша ей вслед.

***

Когда гость уснул, Маша тихонько вышла из квартиры. Аккуратно прикрыла дверь. Темно. Но женщина знала свой подъезд на ощупь. Наизусть.

С механическим безразличием хрустнул ключ в скважине замка. Заперто.

— Сашина кровь… пожалуй, что-то в ней есть, что может помочь, — продолжила она свои мысли шёпотом. — Не мог же он не заразиться? С такими ранами это просто невозможно! — Маша скривила лицо в неуверенности. — Да точно в крови его что-то должно быть. Не такое, как у всех! Жаль только, что кровь хорошая, а в голове его пусто. В крови густо, в голове пусто! Полезен только тем, что умеет водить… и кровью своей. Наверное. Но если сейчас мы никому не нужны, то с его кровью мы будем нужны всем! Это наш шанс.

Замолчала. Долго всматривалась вниз. Между лестничными пролётами. Там ещё темнее. Но подъездные окна всё же пропускали чуть-чуть света. Помогали с темнотой, но не с чернотой. Что-то темнее и гуще обычных теней начинало пробираться в этот дом. Что за мысли такие?

— Но куда? Как? Да и семью свою он не бросит. А вчетвером нам не выбраться. Ладно ещё была бы только его жена! Ребёнок — это слишком большая обуза сейчас! Если его взять, то что-нибудь обязательно пойдёт не так! И без детей, в этой жизни всегда и всё идёт не так, как задумываешь! А если мы хотим спастись, то у нас в команде и так слишком много тех, из-за кого план может превратиться в одну смертельную ошибку! И в ускоренном темпе! Прости Саша, но нам нужно думать о других детях сейчас.

Медленно. По одной ступеньке за раз. Она спустилась на четвертый этаж. Повернула ручку у дорогой на вид двери с глянцевым покрытием. Вошла в квартиру.

— Какая-нибудь машина да заведётся. Надо проверять по несколько штук в день. Один проверяет, другой наблюдает.

Светлые обои в коридорчике. Зал и кухня справа, но последняя чуть дальше. Слева напротив кухни другая комната. В дверь санузла между ними и упирался взгляд Маши.

— Как их забрать? Как со всем этим справиться? Как забрать этих лишних людей? Но зачем нам лишние люди? А если бы я сама оказалась лишней?

Она нахмурила брови. Закрыла за собой дверь и села на пол прямо в коридоре. Прижавшись к стене. Чуть в стороне, ближе к залу.

— Его надо вывезти отсюда...

На обоях виднелись засохшие брызги чего-то тёмного. Некоторые стены хранили на себе чёрные отпечатки человеческих рук.

Спирали

В темноте.

Как призрак.

В конце коридора.

Стоял ребёнок.

Закрыв дверь, Марина почувствовала — запас сил иссяк. Она больше не способна бороться за свою жизнь. И если «бывший» заберётся в квартиру, так и останется лежать. Всё.

Лежа-а-а-ать…

Женщина не находила сил даже плакать. Просто свернулась в клубочек на полу. Было темно, холодно и до противного сыро. Бессильно.

Чернота выползала из тёмных углов. Обволакивала. Чем-то теплым, похожим на горячую вату. Сначала кончики пальцев. Потом дальше и дальше.

Наступал покой. Мир.

Тёплая.

Искрящаяся.

Ватная.

Темнота.

Почти невесомость.

Марина слегка скривила губы. Представляла, что широко улыбается. Лежит на чёрной тёплой вате и просто улыбается. Как не делала давно.

Протянула руку. Обняла Мишу. Тёплого. Маленького. Родненького. Протянула другую и попыталась обнять Сашу. Но пальцы вляпались во что-то чёрное, густое и липкое.

Открыла глаза.

И поняла — её мужа больше нет.

Пальцы на руках и ногах стали колюче-тёплыми и одновременно чужими. Не слушались. Попыталась пошевелить ими, но так и не поняла, верны ли они ей.

— Ээээхххх, — с какой-то пьяной тревогой поднялась на одном локте. Повернула голову.

Мир как будто медленно-медленно кружился вокруг её оси.

Взгляд смог за что-то зацепиться.

Как нечто неестественно маленькое и хрупкое для этого мира.

У двери во вторую комнату.

В темноте.

Стоял Миша.

Слабый свет падал сзади, словно выталкивая его в мрачный коридор.

Маленькое чудо её жизни обволакивали тёмные тени. А в углах закручивалась в искрящиеся спирали отпрянувшая чернота.

— Миша. Малыш, — выдавила из себя мать, глядя на сына.

Кап.

Кап.

Тёплое на холодных губах. Липкое на пальцах правой руки.

Темно. Слишком мало света, чтобы рассмотреть.

Кап.

Кап.

— Сынок! — женщина перевернулась и оперлась на оба локтя.

Из носа закапало чаще. Кап-кап-кап.

Напрягла пресс и рывком подтянула ноги. Встала на колени.

Запрокинула голову, как смогла — пыталась остановить кровь.

Подождала несколько секунд.

Миша был виден на границе черноты.

Выпрямилась.

Мир стал дрожащим. И многомерным. Богатым чернотой, распадающейся на тени, полутени и иные цветовые образы. Взрывающейся искрящимися спиралями.

Почти не чувствуя пальцы, начала расстёгивать мокрую куртку.

Зжжууккх — затрещала молния. Одежда, насквозь пропитанная уличной грязью, словно вторая кожа, снималась с трудом.

Шшшшп — куртка упала на пол. Тяжёлая. Без неё легче. Лучше.

«Чем я выше, тем меньше черноты», — вдруг не поняла, а почувствовала Марина.

Надо встать.

Коридорчик узкий — вытянула руки в стороны. Упёрлась в стены. Рывком попробовала подняться. На середине движения чуть не

свалилась обратно. Замерла, удержалась. Вялый рывок. Стон. Смогла подняться на ноги.

Сделала шаг.

Искрящиеся спирали черноты вздрогнули по углам, скрутились туже и почти исчезли.

Лишаясь многомерности, мир становился беднее и проще. Углы теряли чёрную глубину. Невесомость уступала жестокой гравитации.

— Мишка, Мишустик!

Трясло, колотило, выбрасывало из собственного тела. Таков уж мир живых.

Марина продолжала снимать мокрую верхнюю одежду. И опираясь на стену, шаг за шагом приближалась к ребёнку.

Контроль тела — тлеющей болью, лёгкими спазмами и иглами нервов — возвращался.

— Миша! — мать аккуратно, с нежностью взяла ребёнка за плечи, будто боялась разбудить. Опустилась на колени, шумно ударив ими о пол. Скрипнули старые неровные половицы, окрашенные той самой краской, цвет которой знаком, наверное, каждому.

Сын не шевелился. Маленькие глазки смотрели куда-то сквозь неё. Личико казалось по-комичному… злым. Не по-настоящему, но злым.

Злым?

— Вернулась. Я вернулась, — произнесла слабым голосом, полным любви и отчаяния.

«Вот только есть ли для него место там, за дверью? — спросила она себя, взглянув на Мишу. — Ни для него, ни для меня нет. И точно не без Саши!»

— Мишка! Мой Мишенька!

В глубине детских остекленевших глаз, на самом дне, произошло какое-то движение. Маленькие глазки стали выглядеть просто уставшими. Что-то чужое пропало из них. Ребёнок заморгал. Удивлённо посмотрел на мать, спрашивая взглядом: ты уже вернулась?

Потом его вырвало.

Скрутило. Мальчик упал на четвереньки и начал отплёвываться какой-то желтоватой пеной.

— Ах, — жалобно выдохнул он сквозь слёзы.

«Желудочный сок? — запаниковала Марина. — Голодный? Отравился? Что за чертовщина!»

— Мальчик мой! Как ты себя чувствуешь? Что случилось? — мать старалась поддерживать сына, чтобы он не упал в собственную рвоту. — Ты что-то съел?

— Мне плохо.

Миша шумно выдохнул. Ещё несколько спазмов скрутили маленькое тело. Потом всё как будто закончилось.

Марину тоже затошнило, но она справилась с этим.

Сердце сжалось от жалости. Подтянула ребёнка к себе. Из последних сил подняла «на ручки». Мальчик прижался головой к маме.

— Ох.

Он плакал. Так, как плачут дети, когда уже нет сил плакать.

— Где болит? Скажи маме! Где тебе плохо, котёнок?

— Не знаю. — Миша совсем не понимал, что происходит. Не мог объяснить, где ему нехорошо. — Всё плохо.

Скрипнула дверь.

Нет, не скрипнула, а…

Звук как в фильмах про глубоководную бездну. Когда нечто со дна морского проникло на борт подводного корабля и давит на дверь. За которой от него спрятался экипаж. Вот и сейчас, что-то как будто нажимало на стальной лист двери. И тот, чуть-чуть прогибаясь, издавал звук — пумм.

Марина медленно повернулась в сторону шума и прошептала:

— А заперла ли я замок?

Начала пятиться. Три бесшумных шага назад. Почувствовала спиной дверной косяк. Немного влево. Вошла в дальнюю комнату, не отводя глаз от источника шума.

Осмотрелась. Нахмурила брови. Поняла: во время её приключений сынишка прятался под диваном.

Матерчатый хозяйский диван, тёмно-красного цвета. Пережил не одно поколение ещё советских квартиросъёмщиков. И совершенно закономерно, что дальняя от стены сторона его провисала. В разложенном виде она доставала почти до пола. Чтобы её выровнять, Саша когда-то подложил туда стопку книг посередине. И между

спинкой и полом появилась маленькая ниша, где как раз мог поместиться ребёнок. Миша часто туда залезал, когда они играли в прятки.

Теперь он укрылся под диваном уже не играя. А по-настоящему. Когда остался совсем один. Набросил сверху покрывало, чтобы свисало до пола, как занавеска, и спрятался за ней.

Мать замерла от увиденного. Представила, как сын лежал там совершенно один. Чувство вины начинало давить внутри. Сжала губы так, что, несмотря на всю свою бледность, они побелели. На глазах снова навернулись слезы жалости к Мише. Прижала к себе крепче.

Проморгалась. Времени на сопли не было.

Руки затряслись от напряжения. Всё-таки сын был уже слишком тяжелый. Видя, что он немного успокоился, Марина со вздохом облегчения поставила его на пол. И кивком указав, что делать, помогла забраться в укрытие. Прислонила палец к губам. Погладила по голове, поправляя волосы. Шепнула дребезжащим голосом:

— Полежи тут. Я сейчас, — а самой страшно даже поворачиваться в ту сторону.

Видимо, это прозвучало очень неубедительно и неуверенно, потому что сын сначала послушно кивнул, а потом попросил.

— Может, не уходи? — как будто жалел её, измученную, грязную, испуганную.

— Я только до двери. Выходить не буду. Хорошо?

— Мне плохо.

— Я знаю, мой маленький. Знаю, — с нежностью ответила Марина, — я сейчас. Подыши спокойно, как я учила. Считай вдох и выдох.

— Я не хочу. Я хочу с тобой. Сидеть с тобой.

Она покачала головой, улыбнулась и накрыла диван так, чтобы ребёнок оказался полностью завешен покрывалом.

— Считай про себя, Мишунь. Я тебя люблю и очень быстро вернусь. Ничего не бойся.

Посмотрела назад. Медленно вдохнула и выдохнула.

И опираясь на стену, вышла в коридор.

В темноту.

К двери.

Пумммммм!

Чибрики

Пумм.

Кто-то давит со стороны подъезда на обитую кожзамом металлическую перегородку на петлях. Китайская сталь постанывает. Иногда поскрипывает и коричневая обивка.

«Как будто кожа трётся о кожу?»

Перед Мариной несколько метров тёмного пространства с разрывом слабого света, слева чуть дальше середины коридора. Это поворот на кухню и во вторую комнату. Ближе к входной двери.

«Тот самый "бывший"? — со страхом шевельнулась мысль. — Болотного цвета. Вытянутый. С большущей головой. Новый. Ну а кто ещё там может быть?»

Казалось, день никогда не закончится. Если тебя не убьёт одна неведомая тварь, так найдётся другая. И пусть первая прикована к машине, так вторая придёт за тобой прямо в дом.

Только сейчас почувствовала, что тело дрожит, а сама, в уме, словно бы и не замёрзла. Понимание… нет, ощущение холода, но не сам холод, как будто включалось и выключалось, по чьей-то команде. Может быть, так мозг пытался хоть как-то помочь пережить безжалостные удары безумного дня? Ведь всё произошло чуть ли не за час.

Крик Саши.

Выход за дверь.

Два «первых» и неведомый «водитель».

Схватка в машине.

Бегство.

«Первый»-калека. Драка с ним.

Потом тот зелёный в подъезде.

И ещё Миша.

«Божечки, что же с Мишкой-то случилось?»

Подходить к входной двери не хотелось. И она незаметно для себя отвлекалась на посторонние мысли. Позволяла им захватывать свой разум. Что угодно, лишь бы забыть о страхе. Мечтала о том, чтобы это всё скорее закончилось. Хотела согреться, обнять ребёнка, поспать.

Успокоиться. Если вообще теперь хоть когда-нибудь сумеет успокоиться.

«Да, за эту половину дня произошло больше, чем за несколько последних месяцев взаперти».

Само собой, тело должно было как-то отреагировать, чтобы сохранить свою целостность. И наверное, из-за этого по коже временами проходили волны мягкого тепла. Возможно, так и отключался холод? Снова хотелось прилечь и заснуть. Набраться сил. Но Марина не поддавалась и двигалась дальше — шла сквозь тёплый ватный сон.

Чем ближе к двери, тем страшнее. Тем непослушнее становились ноги и медленнее движения.

Из тёмных углов иногда на миг снова показывались искрящиеся спирали. Словно пытались вернуться, но что-то не пускало. С каждым движением как будто вступаешь в пространство какого-то тёплого мрачного сна. Когда от холода перестаёшь чувствовать ноги и кажется, что они в тепле…

Марина и не заметила, как оказалась возле выхода из квартиры.

Пришла.

Мысли спутаны.

Тошнит.

Темно.

Глазка не видно. Хотя он маленькой точкой света должен был разрывать тьму.

Близко подходить к двери духу не хватает.

Медленно протянула руку. Провела ладонью по поверхности.

Пуммм — отпрянула от испуга! Сердце заколотилось.

«Оно сейчас… прямо там!» — в руки добавилась нервная дрожь, слабость — в колени. Женщина еле держалась на ногах.

Страшно.

Тяжело понимать, что их с нечеловеком разделяли лишь несколько миллиметров металла.

Вдох-выдох. Вдох…

Привела мысли в более стройный вид. Глаза привыкли к темноте и должны уже суметь различить дверной глазок.

«Но его не видно!»

Снова провела ладонью по дверной обивке.

Не спеша.

Едва касаясь.

Словно по чему-то горячему.

«Нашла!»

Сглотнула слюну, сжала челюсти и медленно, как будто с отвращением, приблизила лицо к двери.

Посмотрела.

Темно.

«Странно. Ведь прямо сюда должен бить свет из окна в подъезде. Всегда хорошо освещалось».

То есть, темно быть не должно.

«Сейчас утро. Ведь ещё утро же? Божечки, хоть бы "бывший" ушёл, нет уже сил никаких…»

Тогда почему темно?

Сотрясаясь от страха, прильнула к глазку снова. Всматривалась более пристально, стараясь различить хоть что-то в темноте.

Снова звук!

Такой бывает, когда летом встаёшь с кожаного кресла, и обивка немного прилипла к твоим ногам. Слшиип.

«Подожди-ка», — темнота изменялась, обретала глубину — похоже на киношное движение монстра в вечерних водах, когда едва различимый силуэт проплывает где-то на границе видимости. Темнота за секунду словно растворилась, и перед её взглядом возникла морда нового «бывшего». Страшное тёмно-зелёное пятно, обведённое слабым светом.

Его глаза внимательно скользили по поверхности двери, но… нет, они смотрели прямо в душу Марины.

— Аукх!

Тело на испуг отреагировало так, что её словно взрывом отшвырнуло назад. Отпрыгнув от двери, женщина врезалась спиной в стену. Наступила на какие-то пакеты и упала — мягко на них приземлившись. Сердце колотилось. Колючая боль прострелила грудную клетку — Марина даже схватилась за сердце. Но не сводила глаз с двери.

Во взгляде было что-то умоляющее. Кого? Что? Неизвестно. Но испуганная женщина продала бы душу, лишь бы проснуться от этого кошмарного сна.

Вот только никто не спал.

«Замок! А замок закрыт? Дура! Я же за этим сюда шла!»

Страшно вставать. Как же страшно вообще двигаться! Дышать, смотреть!

Тело — сплошная сведённая судорогой мышца!

«Божечки-божечки-боже!»

Со стоном, который не смогла сдержать, поднялась. Слёзы катились по щекам, руки неприлично плохо слушались. Попыталась нащупать ключ в замочной скважине.

«Пусто!»

Замерла. Нет, всё её тело сотрясала неконтролируемая дрожь. А разум, треснутой льдиной, висел в чёрной невесомости.

«Лучше не шевелиться, чтобы не привлечь внимание "бывшего" новым шумом».

Трясти начало ещё сильнее. Зубы стучали так, что размолотили бы горсть орехов. И самое страшное, что она совершенно не помнила, закрыла ли дверь после возвращения. А если замок не заперт, то тварь сможет забраться в квартиру.

Механизм дверной ручки скрипнул. Как будто кто-то со стороны подъезда взялся за неё и потянул на себя.

«Может померещилось? Темно…»

Затем, ручка немного провернулась вниз. Словно некто пытался понять, как работает эта система. И подёргивал её в разные стороны, не понимая, какой должен быть результат.

«Божечки! Да он же и так знает, что я здесь!» — схватилась со всех сил за ручку. Потянула металл вверх, чтобы не дать «бывшему» её повернуть и открыть дверь.

Очередная волна панической дрожи прокатилась по уставшему телу. Но что-то во всей этой ситуации стало казаться ей глупым и нелепым. Поддавшись неосознаваемому предчувствию, Марина одной рукой снова провела по двери. Нащупала пальцами язычок щеколды — совсем рядом с дверным косяком. А значит… Дверь заперта на щеколду!

«Вот же дура глупая! — начала ругать себя. — Я же сразу её так и закрыла! Не на ключ, а на щеколду! Божечки, что с моей головой? Я от ужаса чуть не умерла!»

Страх начал разжимать тиски боли на сердце. Облегчение. Стыд за свою глупость и дырявую память.

«Всего этого можно было и не переживать, помни я про эту щеколду!»

Снова медленно приблизила лицо к двери.

Посмотрела в глазок.

Никого. Пустой подъезд. Слабый свет из окон, заставленных книгами.

Холод накатил новой волной. Обняв себя за плечи, Марина подумала:

«Он, что, тоже пытался смотреть в глазок? Он понимает, как это работает?»

Неожиданный кашель и боль в горле направили мысли в другое русло:

«Нужно переодеться! Или я умру от простуды, которая мне обеспечена, если не сниму мокрую одежду. Божечки, какая же я всё-таки дура! Забыла про щеколду!»

Прошептала сыну:

— Мишунь, всё хорошо! Посиди пока, я сейчас.

Шатаясь, женщина направилась в сторону кухни, на ходу раздеваясь.

Опустив взгляд на перепачканные руки, немытое в тёмных разводах тело, чёрные пальцы ног, Марина вздохнула:

«Отвратительно, как же это отвратительно!»

Вошла в кухню. Осмотрелась. Потом, с таким выражением лица, как будто что-то вспомнила, достала из шкафчика коньяк. Взяла в руки первое попавшееся кухонное полотенце и щедро полила его тёмным напитком. Когда оно достаточно пропиталось, начала медленно протирать им своё тело. Движения постепенно ускорялись, и через минуту она уже начала чувствовать жжение и тепло от растирания.

Кожа очищалась и согревалась, а мыслям по крупицам возвращалась ясность.

Выдавила слабую улыбку, больше похожую на оскал паралитика — приятно видеть, как тело становится чистым. Приятно это чувствовать. И пусть вместо мочалки давно не стираное полотенце, а воду и мыло заменяет крепкий алкоголь. Главное, что они делали своё

дело — очищали и согревали. Долго оттирала кровь с лица. Потом намочив водой краешек другого полотенца, снова протёрла всё тело.

Чистая кожа выглядела настолько непривычно, что, разглядывая свои руки, Марина погрузилась в тёплые воспоминания. Картинки того, как жила их семья «до», стали хаотично появляться в памяти. Но внезапно она так сильно встряхнула головой, что, слегка потеряв равновесие, оперлась на столешницу. Это движение вернуло к реальной жизни.

Мужа больше нет.

С ребёнком творится что-то странное.

Вокруг полно людей, переставших быть людьми. И они научились входить в подъезды.

Стараясь не шуметь, прошла в дальнюю комнату.

Взяла со старой антресоли крем и густо намазала им тело. Тут и там на чистой коже виднелась красная сыпь.

«Ещё бы, столько не мыться!»

Марина выбрала бельё и одежду почище и быстро натянула всё на себя. Упаковавшись «как положено», она поняла, что тело совсем согрелось.

— Малыш, вылезай. Всё хорошо, — помогла сыну выбраться, ласково поцеловала в лоб. — Как ты? Сейчас водички принесу попить. Есть не хочешь?

— Только спать, — ребёнок выглядел уставшим.

— Болит что-нибудь сейчас?

— Нет. Очень спать хочу...

Напоила, уложила сонного сынишку на диван, легла рядом и накрыла обоих с головой покрывалом.

***

Марина стояла на кухне. Руки тряслись, в глазах двоилось, что-то внутри готово было взорваться…

«Не мог Саша там выжить. Только не в схватке с этой злой тварью крюкастой. Которая огромными кусками пожирала "бывших". Боже, какой же ужас! Что теперь делать?»

А слёз у неё уже, кажется, на сегодня не осталось?

Миша полулежал на диване в зале. Она дала ему ещё воды и вытерла лицо. Ребёнка уже не тошнило. Поговорила с ним…

оказалось, что сын ничего не ел в её отсутствие. А завтракали они вместе, одним и тем же. Портиться там было нечему.

«То есть отравиться не мог».

Просто постепенно ему вдруг стало «темно и плохо». А потом он ничего не помнит. Но было не холодно.

Хм. В матери что-то шевельнулось при этих его словах, но она не смогла разобрать, что именно. Поэтому просто решила, что малыш переволновался и поймал паническую атаку. Или что-то такое, что случается у детей.

«Божечки, что же мне делать? — всхлипнула и подавилась воздухом. — Но если Сашу убила эта тварь, то он хотя бы не станет "бывшим" и не нападёт на нас».

— Есть хочешь? — заглянула она в комнату к сыну.

Мальчик кивнул и продолжил играть в «чибриков» — пластмассовые фигурки каких-то мультяшных вояк. Муж тоннами заказывал их из Китая.

Вздохнув, открыла кухонный шкафчик и достала банку тушёнки.

Тумхк — пробила открывашкой маленькую дырку в жестяной банке.

«Если мы остались вдвоём, то теперь мне придётся выходить за едой. Слава богу, что я не потеряла этот топор! — чуть не плача, рассуждала женщина. — Но только, как это мне поможет в драке с "бывшими"? Сегодня повезло выбраться живой, не то, что Саше…»

Левой рукой держала банку, а правая активно работала открывашкой. Сын уселся за стол и уже держал любимую вилку — старую, ещё советскую, со светлой пластмассовой ручкой.

При ребёнке она старалась держаться, не плакать, не всхлипывать. Быть нормальной. Получалось ли? Конечно же, нет.

Сегодня Марина разрешила Мише есть только тушёнку. Не подъедать вместе с ней соления, чтобы сэкономить мясо, а кушать вволю. Но не больше одной банки. На двоих. Времена наступали тяжелые, и надо учиться экономить. Снова. И быть ещё экономнее. Марина даже усмехнулась над такой мыслью.

«Куда уже тяжелее, казалось бы? Но жизнь показывает, что есть куда».

К её удивлению, ребёнок ел всё, от чего раньше воротил нос. И солёные огурцы, и помидоры, и даже куски маринованного чеснока.

Лишь бы набить живот. Вот бы в мирное время такой аппетит и непритязательность в пище!

«Во всём надо искать положительную сторону?» — горько спросила сама у себя.

Марине в тушёнке попалась мягкая косточка, и она старательно разжевывала её. Миша сидел и с аппетитом уплетал еду, жадно запивая её водой.

«Было нас трое. Теперь стало двое. Еды нам хватит на какое-то время, пока здесь всё не утихнет. Но что дальше?»

Марина посмотрела в окно. На улице возле «того» дома бродили несколько «первых». Их чёрные раскачивающиеся фигуры вызывали у женщины отвращение и страх. Она видела тварей вблизи. Знала, как они смотрят на людей, как пахнут… Даже сумела, пусть и больше случайно, но всё же убить одного и покалечить второго.

«Хоть бы попались какие-то люди, которые помогли бы нам убраться из этого города. Ведь не вся же Россия такая? А мир?»

Потом женщина вспомнила про второго нового «бывшего» за сегодня. Того, что поджидал её в подъезде.

«Нам конец, если "бывшие" теперь понимают, что можно заходить в подъезд. Открывать двери. Если они научатся и двери открывать… — покачала головой. — Но двери-то мы запираем».

«Просто, как мне выйти в подъезд, если "новичок" всё время там? Да и там ли он? Саша же, кажется, как-то закрывал подъездную дверь? А я-то не закрыла».

Марина грустно посмотрела в пол.

Глаза снова наполнились слезами.

И тут Миша спросил:

— Мам, а где папа?

Фигуры тьмы

Холодно.

Абсолютно темно.

Но это не какая-то пустая темнота.

Когда. Просто. Темно.

По-другому. Здесь темнота становилась началом чего-то более плотного и материального.

Настоящего.

Осязаемого.

Ощущаемого.

Когда ты сидишь на полу в чужой квартире, вокруг не просто темно.

Не просто несветло. Речь идёт не о противоположности свету. На него всем наплевать.

Ха. Тьфу.

Нет. Ты — в кофейной гуще. По-материальному чёрной. А темнота — всего лишь кофе. То есть, что-то разбавленное водой.

Пригодное к употреблению. Для людей.

Мир кругом — чёрная материя, в которой мы лишь бестелесные тени недавно рухнувшей империи… И мы на дне. В самой гуще.

Хочется спать. Тело, возбуждённое мыслями, наэлектризовано бессонницей. Глаза не сомкнуть. Несмотря на желание сделать именно это.

Размышления.

Не добрые. Не приятные.

Необходимые.

Вынужденные.

Маша сидела спиной к стене в прихожей. Зал перед ней. Но чуть слева. Посмотрела в комнату. И увидела, нет, узнала краешек дивана.

Лунного света совсем чуть-чуть. Но ей хватило.

Она помнила, как тут всё.

Зачем сюда пришла?

Выговориться.

Выговорить те пачки слов, что завалили рабочую память. Упорядочить их в мысли-действия. Чтобы в хаосе отыскать свой путь. Свой путь с этого дня.

Маша разгружала себя, пока Саша спал там наверху. Продолжала монолог. И ещё не подозревала, к чему он её приведёт:

«Что самое важное сейчас?»

— Самое важное — попробовать доставить Сашину незаразную кровь...

«Куда?»

— Неизвестно! — взмахнула руками. — Ничего неизвестно! Но тут рядом есть воинская часть. Пара километров до неё, почти граница города.

Покачала головой.

Снова заглянула в комнату. Как будто проверяя там кого-то.

— Если бы солдатики остались живы — мы бы узнали.

«Стрельбы на моей памяти не случалось!»

— Значит, там тишина. Как и во всём городе. Но в части может остаться оружие! Транспорт. Связь. Вдвоём, со здоровым мужиком, вполне реально рискнуть.

Скорчила гримасу. Ни она, ни Саша понятия не имели, как пользоваться армейскими рациями. Да и здоровым мужиком называть его язык не поворачивался. Еле-еле душа в теле…

— Ладно, со звонилками попробуем разобраться потом. Если они найдутся, — прищурилась. — В воинской части может остаться что-то полезное. Много полезного. И еда. Тушёнка по ГОСТу.

Задумалась на мгновение.

— Дорога туда почти по прямой. По Николаева. А там одни дома. Девяти- и пятиэтажки.

«Там "трупников" будет тьма…»

Маша закатила глаза. Представила, как они станут пробираться по улице, плотно застроенной жилыми домами. Где на Тот момент, скорее всего, находилось очень много людей.

— На первых этажах в основном работали магазины, а всё остальное — квартиры. То есть, этот район должен кишеть «трупниками».

«Впрочем, как и здесь…»

Мысли так быстро складывались в слова…

— С другой стороны... — неуверенно остановилась.

«Точно! Можно же пойти по другой стороне!»

— По параллельной дороге слева. Не по Николаева, а по Тульскому, как его там… переулку что ли.

«Дворами».

— Тогда жилой район останется как бы справа, а не с двух сторон. Слева там какие-то склады, гаражи.

«Магазин белорусской мебели, кажется…»

— Возле парка ещё стоит пара домов частных.

«Местных богатеев».

— Прям возле леса. Может в них попробовать обосноваться потом, на время?

«Там, наверное, и печки есть?»

Женщина протянула руку влево и придвинула к себе подушку. Села на неё. Пол был холодным. Разум — нет. Настал черёд самых тяжелых мыслей.

— Если взять его семью, то в машине от них особо проблем не будет. Сиди себе и жди, когда тебя довезут…

С досадой:

— Да кого я обманываю! Чёрт!

«Ещё два слабака, которые ничего не умеют! Не смогут без проблем даже из дома выйти. Да, они в этом не виноваты, но "трупникам" наплевать!»

Провела рукой по лицу, снимая усталость. Но не сняла. Потёрла глаза. Мысли прыгали. Сосредоточиться не получалось. Это раздражало.

«Что важнее? Эти двое?»

— Или тот, кто не заражается от дряни, которая погубила весь наш город? Как минимум. Чёрт!

До этого момента ей становилось легче от своего монолога. Теперь же тяжесть мыслей обрушилась на уставшие плечи. Маша почувствовала, что сейчас заплачет.

— Я себя к такому не готовила. Я вообще не знаю, что делать. И надо ли вообще? Ничего не хочу... Нет сил.

«К такому никого не готовили!»

— И как поступить?

«Что важнее?»

— Что важнее не для меня?

«Хм».

— Не для него, а для всех остальных выживших? Важнее, наверное, оружие против «трупников»! То, что, возможно, даст пусть не нам уже, а остальным что-то вроде иммунитета.

«В Сашкиной крови что-то есть».

— Это что-то нужно доставить куда-то! Взамен нам помогут. Мне помогут.

«К военным».

При всей своей жёсткости она не готова была вот так просто бросить двух живых людей. Из-за сомнительной, призрачной цели. Умышленно бросить. Так-то помогать им Маша не собиралась.

— Но можно ли оставлять живых людей на смерть? Ведь мы даже не знаем, есть ли смысл рисковать? Но если так ничего и не делать, то заразу не победить!

«Пора уже брать ответственность на себя».

— Всю жизнь за нас всё решают! Когда отключить воду, когда поднять цены, когда подорожать доллару и опять поднять цены.

«Угу».

— И спасать нас никто не приедет.

«Всю жизнь ты живёшь, стараешься вести себя с людьми по-людски».

— А спасают в итоге только тех свиней, что живут за наш счёт и воруют наши налоги.

«И которые это всё и допустили!»

— Нет, не каждый получает то, что заслуживает, не каждый.

Капнули слёзы. Совсем немного. Едва. Скорее от какой-то мирской несправедливости. Отсутствия равновесия добра и зла. Но, возможно, равновесие между этими понятиями и не могло быть предусмотрено. Ведь их придумали люди.

Всё те же люди, что и не собирались им следовать.

«Нас никто не будет спасать!»

— Спасают тех, кто чего-то да стоит! Возможно, это мы должны всех спасать, потому что выжили?

«Потому что у Саши в крови что-то, что не берёт зараза».

— Возможно, это мы те самые спасатели, которых все ждут. Может, пора начать играть другую роль! Ох, ну и бред!

«Хм».

Придётся бросить его семью. Оставить настоящих живых людей умирать.

— Нужна машина, хорошая машина… Может, ему сказать? Рассказать всё вот так подробно? Объяснить всю логику? Доказать, что его кровь важнее даже собственного его ребёнка. Что иногда так действительно бывает!

«Да, жизнь отстой!»

— Приходится иногда бросать то, что любишь ты, ради того, чтобы кто-то другой смог жить и любить. И этот другой даже не скажет тебе спасибо!

«Про тебя никто не узнает!»

— Ты не станешь героем, ты разрушишь свою жизнь ради других, просто так! И всё это потому что именно ты, один только ты, можешь хоть как-то повлиять на тот ужас, который убивает всех остальных.

Маша стёрла слезинки. Размазала по грязному лицу. Спрятала руки подмышки, как бы обняв себя.

«Успокоилась?»

— Это, чёрт возьми, страшно и отвратительно! Может, и не должно быть никаких «остальных людей»! Может, все «остальные» должны быть ближе нам всем? Нас же специально столько лет разъединяли, разобщали.

«Разрушали скрепы нашего народа, чтобы даже собственный сосед казался нам чужаком!»

— И относился к нам, как к чужакам!

«Но на родной земле такого быть не должно!»

— Поэтому нам с Сашей и придётся пожертвовать теми, кого он любит. Ведь иначе мы не доедем! Господи, ну я и выдаю! Ха-ха!

Отрицательно покачала головой.

— Но он же их не бросит.

«Даже если будет уверен, что не прав!»

Приободрившись:

— А может, предложить оставить их на время, а потом вернуться? Но тут нельзя давать никаких гарантий. Если у него и правда такая кровь, то это самая ценная в мире кровь! Сейчас.

«Военные его не отпустят. Конечно, если мы их найдём».

— Ну вот его семья никак не вписывается в то, чтобы хоть как-то спастись.

«Я могу попробовать добежать и привести их сюда».

— Может быть, и получится. «Трупников» сейчас особо не видно. Но все мы понимаем, что они рядом.

«Они везде. Они стали этим городом. Это уже не человеческий город».

Взялась за голову.

— Тут дойти до соседнего дома проблема.

«Вот Саша чуть не погиб».

— А втроём, с ребёнком перебежать…

«Мне их жалко, но я не самоубийца. Ну нафиг. Я из-за них помирать не собираюсь».

— Из-за них — нет, из-за крови Саши — возможно. Серьёзно?

«Большая роль маленького человека».

Вздохнула.

— А вот жена и сын его из-за моих решений могут умереть.

«Да они и так уже без пяти минут покойники!»

— Но тогда и Сашка со мной не пойдёт.

«Ему не объяснить, что его кровь важнее. Нас всех».

— «Либо мы идём все вместе. Либо не идём вообще» — так он скажет. Но если взять к нам ещё двоих, то это точно верная смерть.

«Даже до воинской части не доберёмся».

— Чёрт! Мне что туда одной бежать? И почему мне вечно больше всех надо?

Где-то далеко раздался вой.

Маша, опершись рукой на пол, встала. Потянулась, разминая мышцы. Зевнула. Прошла в кухню, даже не заглянув в зал. Взяла со стола пластиковую бутылку.

Пшшсс — открыла.

Сделала глоток. Поморщилась от газов, «стрелявших» в горле. Ещё глоток. Ещё.

Сссс — холодная.

Поставила на стол. Закрутила крышку.

Посмотрела на…

Холодильник, который, словно чёрный шкаф, наполовину загораживал окно. Обрывал и без того жидкий поток частичек лунного света. Прямоугольная комната получалась разделённой. На абсолютно чёрную часть. И серую. Ту, куда чуть-чуть света всё-таки проливалось.

Справа от холодильника, у стены в углу, стоял стул. В такой темноте, что даже Маша не смогла бы различить сидящего на нём.

Или не сидящего. А всё это тени, их игра с твоим воображением.

Да и был ли там стул?

Просто. Тьма никогда не бывает плоской.

Никогда.

В ней всегда есть фигуры. Она состоит из них? Фигуры тьмы. Но ты не часто можешь разобрать знакомый тебе образ. Наверное, потому что тьма хранит в себе много неведомого? А возможно, она просто содержит в себе частичку неведомого тебя. И всё.

Маша, стоя на серой стороне кухни, всё же не убирала руку из тёмной половины — держала бутылку за горлышко. И чуть наклонив, перекатывала по столу.

Ктктктк-ктктктк — медленный, едва слышный звук.

Посмотрев на одну из фигур тьмы — что-то за холодильником, на том самом стуле, спросила:

— Вот почему? Почему я должна об этом думать? Почему я должна это решать? Я не хочу их бросать! Мне, конечно, на них наплевать по большому счёту, но убивать-то их я не хочу! А если мы их оставим, то конец им.

«Да и Саша на это не пойдёт, опять же».

Покачала головой. Словно отмахиваясь от каких-то мыслей или слов.

— Как мне его спасти, не убивая нас всех?

Никто не ответил ей. Тьма шевельнулась, и что-то многогранное, неровное стало округлым.

«Просто нужно решить, что сейчас важнее».

— Я хочу жить.

«Так».

— Это точно.

«Зачем мне всем этим заниматься?»

— Затем, чтобы выжить. В городе оставаться смысла нет. Нужно найти машину, собрать припасы и уезжать.

«Желательно не одной».

— Другой человек должен уметь водить.

«Чтобы мы сменялись и спали».

— Лучше всего найти военных. Города... места, где осталась цивилизация. Мне нужно туда, где будет защита.

«А это только у военных».

— Если я хочу жить дальше, не боясь этих тварей, то их надо убить.

«Или для начала получить иммунитет к их заразе».

— С этим, наверное, поможет кровь Саши, который не заразился. Значит, его надо доставить к военным.

«Значит, это самая важная сейчас цель!»

Вздохнула.

Поёжилась от холода. Темно.

Она привыкла к темноте. Словно что-то звериное начинало просыпаться в ней за эти месяцы. Зрение обострилось. Стала лучше видеть. Вообще лучше видеть. И днём, и ночью. Возможно, просто из-за того, что уже очень давно не пялилась в телефон. Или нет?

— Почему я должна это делать?

«Не почему».

— Если сказать ему о моих догадках, то он может и не поверить. Он всё равно во главу угла будет ставить свою семью, а не всех остальных.

«Личное, а не общественное».

— Он не сможет их бросить.

«А всем вместе выбраться намного сложнее».

— Женщина и ребёнок слишком не приспособлены. С ними мы точно не выберемся, слишком много сложностей.

«Вдвоём проще».

— Но если у нас будет какой-то, не знаю, броневик, то мы можем их туда загрузить и спасти. Значит, сначала нужно раздобыть технику, а потом забрать их. Если машину найти не получится, то…

Женщина не закончила. И так было ясно, что, если не обзавестись транспортом, смысла дёргаться нет.

— Значит, нам нужно добраться до воинской части. Чтобы туда попасть, нужно избавиться от тех, кто бродит возле дома.

«И от той твари в машине».

— Кстати, если у Саши незаразная кровь, то, может, и у его ребёнка тоже что-то такое?

«Чёрт, теперь точно придётся их брать».

Маша аж вспотела от возбуждения. От своего логичного вывода насчёт ребёнка.

— Они мой пропуск в будущее. Возможно, для всех нас, — сказала она словно с моральным облегчением.

«Тот случай, когда на душе стало легче и тяжелее одновременно».

— Да. Кажется, у меня начал складываться план действий.

«И никого не придётся бросать».

— Так как все оказались нужны друг другу.

Головоломочка разобралась

Бетонного цвета тучи растрескались под жаром тепла ближайшей к планете звезды. Развалились на здоровенные куски. А потом и вовсе медленно, словно сопротивляясь, растворились или расплавились, не проронив и капельки влаги.

Мрачный безлюдный город предстал перед светилом.

— «Трупники-то» солнышка не боятся.

Маша приоткрыла окна. Неожиданно тёплый ветерок уносил из квартиры запах сырости и пота.

— Сколько их там сейчас?

«Бывшие» бездумно водили мордами. Они то стояли, то бродили по дороге. Иногда исчезали из вида совсем, и казалось, что на улице никого нет.

— Пока три.

— Н-да, не выйти.

— Эх, а на солнышке сейчас, наверное, хорошо.

— Но хорошо тебе там будет недолго.

— С каждым днём их тут становится всё меньше. Интересно, это всегда те же самые или постоянно новые сюда приходят.

Никто не ответил. Но это был и не вопрос. Да и какая разница?

— Ну как ты сегодня?

— Вроде получше.

— Ну жить будешь, я думаю.

Саша чувствовал, что его погружение вниз закончилось, и он вот-вот начнёт всплывать из глубин забытья.

— Да. Мне кажется, ещё пару дней, и буду уже соображать нормально. Действительно, твоё пьяное лечение работает.

«А потом, возможно, появятся силы перебраться домой», — подумал, но вслух решил не говорить.

— Ну и хорошо. Повезло тебе, Сашка. Как на собаке всё заживает.

Мужчина наигранно улыбнулся. Хотя мнение другого человека придало ещё больше уверенности в выздоровлении. Его состояние было похоже на то, что, пожалуй, испытывал каждый. Когда с утра у тебя сильная температура, а под вечер она проходит. И ты чувствуешь

себя выздоровевшим. Появляются силы, начинаешь суетиться, что-то делать, строить планы. А через пару часов температура возвращается.

— Кстати, забыла тебе рассказать.

— Что? — постарался выдержать спокойную интонацию в голосе, но встревожился внутри.

— После того, как я тебя заштопала… — словно специально тянула Маша, засмотревшись куда-то в сторону.

Мужчина медленно направил взгляд туда же. Кажется, его спасительница смотрела в проём между стеной и шкафом. Хм, обычно мебель приставляют вплотную к стене, а здесь почему-то шкаф был отставлен в сторону. Примерно на полметра. И в этой нише. На полу. Лежала подушка.

«Что за чёрт? И почему я раньше этого не замечал?»

— Ну?! — не удержался Саша.

Ему почему-то казалось, что она расскажет нечто важное, и это поможет исчезнуть странному дурному предчувствию.

Маша же как будто забылась. И продолжала отрешённо на что-то смотреть.

— Я думаю, что на то место припёрлось несколько «бывших», — как ни в чём не бывало начала рассказчица.

— На какое ТО?

— Ну где ты чуть к боженьке не отправился.

— Да? — удивился он.

— Ага. Прямо к твоему личному «водителю», — Маша улыбнулась. — Наверное, по твоей классификации, — сделала пальцами кавычки в воздухе, — это были «первые». Дряхлые такие, почти голые. И чёрные все от грязи. Ну насколько смогла рассмотреть, хотя я спустилась на пару этажей ниже. И вроде бы видела всё очень неплохо.

— Ну, если руки не удлинены…

— Да обычные они были, обычные, — отмахнулась женщина. — Я так поняла, на них эта штука тоже напала и разорвала, представляешь!

— Да ладно!

Маша чиркнула пальцем, показав знак «зуб даю». Потом посмотрела на грязные руки и скорчила гримасу: не стоит такие совать в рот. Быстро глянула в угол за шкаф.

Саша повторил её движение глазами. Но ничего нового для себя не открыл.

— Я всегда думал, что «бывшие» не жрут своих. Ну, как люди не трогают людей, — попытался отвлечь себя разговором.

— Это люди-то людей не жрут? Да наша история — это одни войны, убийства и предательства.

— Нет, ну у нас всё как-то не так, — попытался возразить, но чувствовал, что сам случайно завёл себя в западню.

— Абсолютно так же всё. Сильные бьют слабых, хитрые обманывают лопухов, а умные и подлые крошат их всех вместе взятых.

Саша не нашёл, что на это можно ответить. Желания спорить не было. Помолчали. Маша, пережевав свои мысли, решила продолжить прерванный рассказ.

— Я только полтора «бывших» застать успела, на самом деле. Думаю, «водитель»… ну типа, разрубил одного. И сожрал по кускам.

Мужчина удивлённо поднял брови. Рассказчица сделала рубящий жест руками. А потом странно улыбнулась. Но не Саше. А подушке в углу. За шкафом.

— Что же это вообще за тварь-то такая? — с трудом сохраняя спокойствие, пытался переварить новости. Внутри всё сжалось.

— Это уже больше к тебе вопрос. Ты же у нас теоретик по «бывшим» человечкам, — попробовала пошутить Маша.

Теоретик только хмыкнул в ответ и закрыл глаза.

«Почему у неё сегодня такое хорошее настроение? Перестала быть мрачной и нервной. Как будто что-то случилось. Может, солнце так влияет?»

— Ты ещё не знаешь, что со вторым было!

— И что же? — не «включая свет», спросил он.

— Они его утащили.

— Кто? — удивлённо уставился на Машу.

— Другие «трупники».

— «Бывшие» утащили «бывшего»? Ты это хочешь сказать? И зачем?

— А, ну так он ранен был, я совсем забыла про это. Голова дырявая. Не выспалась! Его та тварь из машины разрубила от плеча и почти до живота. Сделала ему раздвоение личности, — хихикнула. — Ну, так я смогла разглядеть. Может, он просто ранен был как-то… Не

суть, но «водитель» знатно его покромсал. И меня это очень даже устраивает.

— Странно, — лишь проронил он. По телу пробежали мурашки — «почему она не выспалась?»

А потом Саша вспомнил:

— Чёрт! Ведь что-то подобное я уже видел! Тогда один «бывший» обнюхивал другого, а потом взял его и куда-то унёс. Да, вот как-то так всё и было.

Маша от удивления открыла рот:

— Такого ты мне не рассказывал.

Пожал плечами, мол: всего не расскажешь.

— И знаешь, не то чтобы я не придал этому значения тогда. Просто не знал, что и думать. Тот забрал того. Эти утащили этого. Но в моём случае «первый» вроде был… здоров. А после твоих слов, получается — это система какая-то.

«Эх, Сашка-Сашка, что ж в твоей голове-то?»

— Хм, — скривив лицо, женщина сделала вид, что пора переходить к обсуждению другого вопроса. — И почему они его там же не сожрали?

Саша посмотрел на неё. Картинка в его глазах начала раздваиваться, но несколько раз моргнув, он вернул всё на свои места. Стараясь не потерять концентрации, немного удивлённо спросил:

— Ты считаешь, они забрали «первого», чтобы просто съесть?

— Зачем же ещё!

— Не знаю. Тогда можно было его и на месте съесть. Не отходя от кассы, так сказать.

— Там их этот урод мог достать! — возбуждённо начала спорить Маша. — Наверное, побоялись, что он их тоже порвёт.

— Это, конечно, да, — задумался он, — но если бы всё и правда было так просто, как ты считаешь… Тогда эти тупые твари начали бы жрать «первого» прямо там, — мужчина немного робко посмотрел в глаза собеседнице, будто ожидая возражений. — На них бы напал этот, как ты его называешь, урод из машины. И тогда они всей стаей в ответ кинулись бы на это существо. Причём, ты же сказала, что на шум сюда пришли разные «бывшие»? Даже «гончие» соизволили?

Женщина, на секунду задумавшись, кивнула и, словно с её разрешения, Саша продолжал:

— Так вот, эти разные «бывшие», даю тебе сто процентов, убили бы тварь из машины за несколько минут. Если только у неё не повылезало бы ещё таких лап, которыми она орудует.

Помолчал и серьёзно посмотрел на Машу:

— Но раз этого не произошло. И они, как ты говоришь, унесли своего. Значит, «бывшие» — существа более сложно организованные, чем нам кажется.

— Почему? — глупо спросила женщина.

— Потому, — немного раздражённо, из-за алкоголя в крови, сказал Саша. — Потому что они, видимо, поняли, что эта тварь им не по зубам! И просто забрали своего, чтобы сожрать в сторонке. Или унесли его лечить или что-то такое делать.

— Нда. Надо бы тебе лекарства перестать давать. А то тебя, похоже, понесло. «Бывшие» уволокли «бывшего», чтобы лечить! Фигня какая-то!

— Может быть, меня и штормит, — согласился он, продолжая раздражаться. — Но я пытаюсь найти нормальные объяснения этой ерундистике. Почему «бывшие» ведут себя именно так, как они это делают? Какие законы ими движут?

— Законы? Ты думаешь, что это и правда может быть так? — с лёгкой, но презрительной насмешкой спросила Маша.

— Да, — процедил сквозь зубы мужчина.

— Как бы не показались тебе настоящие ответы на эти вопросы ещё страшнее, чем ты там себе выдумываешь, — загадочно прошипела она и подошла к окну. Выглянула наружу.

Улица. «Бывшие» вдалеке. Солнце. Тепло.

Время гулять, а не выживать.

— Из твоей версии выходит, что «бывшие» могут испытывать страх.

Маша повернулась и с непониманием посмотрела на собеседника. Чувствовалось, что она раздражена. Эти же эмоции начинали закипать и в её госте.

— Да, — Саша повысил голос, а непривыкшая к такому Маша, даже стала как будто внимательнее его слушать. — Ты говоришь, что неживые ушли, потому что их могла сожрать эта штука из машины?

— Ну да, — ответила она не очень уверенно и добавила: — Ну я так думаю.

— Тогда получается, они соображают что ли? Боятся? Понимают, что такое угроза?

— Да это же «трупники»! Как они могут соображать?

«Да, Санёк точно сбрендил».

— Почему тогда ушли? И унесли с собой «бывшего»? Будь они так тупы, как мы думали, то сожрали бы его на месте. Но неживые повели себя иначе!

Маша промолчала. Не сводила глаз с одной точки. Не нужно объяснять, куда она смотрела.

Саша присмотрелся к подушке на полу. И заметил вмятину в центре. Точнее заметил её он сразу, но не придал значения тому, что увидел. Такая вмятина, будто кто-то долго там сидел.

«Но кто? И когда? Что тут вообще происходит?! Ч-чёрт!», — только и успевал спрашивать сам у себя мужчина, параллельно с рассуждениями о сообразительности «бывших».

— До тебя что, и правда, не доходит? — Саша почти кричал от страха и раздражения на какую-то Машину непробиваемость. — Забыла, блин, она мне сказать! Да это может самое важное, что ты кому-либо должна была сказать! Ещё бы через неделю вспомнила!

— Думаешь, такое возможно? — сквозь зубы процедила она, окинув собеседника леденящим взглядом, враз сбивающим любую спесь.

Подействовало. Саша виновато потупился, начал бормотать уже шёпотом:

— А какое, блин, возможно? Ты же это видела! Не я! Мне с твоих слов думать приходится!

— Ты хочешь сказать, что «трупники» могут думать? — строго спросила Маша. — Соображают они?

Мужчина заметил, что она взялась за рукоятку ножа, висевшего на поясе. Возможно, просто автоматическое движение, а может быть, женщину охватила тихая ярость от тона собеседника. И Саша понял: лучше вести себя тише.

— Не хочу я этого говорить... Но зачем им было уносить его? Вот для чего? Почему?

— Сожрать!

— Почему не сожрать на месте?

— Там эта тварь опасная!

— Ну вот, — сказал он тоном родителя, который объясняет ребёнку совершенно очевидную вещь.

— Что ну вот?

— Ну как ты не поймёшь? Они не тупые!

Маша открыла было рот, но тут до неё наконец-то дошло. Головоломочка собралась.

— Вот же чёрт! Они не тупые?

— Ну слава небесам!

— Мы точно сдохнем.

— Что?

— Если они соображают. Нам конец.

— Над этим ещё надо подумать, конечно, — устало сказал Саша. — Как голова нормально заработает. А то сейчас я прямо на пределе всего.

«А почему тогда "трупники" напали на ту тварь, если они понимают?»

— Да! — воскликнула Маша.

— Что? — испугался мужчина.

— Что-что, слушать надо!

Волна дрожи прокатилась по Сашиному телу.

— Объясни-ка мне, почему тогда они напали на «водителя»? Те двое? Одного он сожрал, а второго унесли. Если ты говоришь, что они соображают! То почему те двое напали? Они же должны были понимать.

Теперь уже Саша задумчиво смотрел на подушку за шкафом. Головоломочка разобралась.

— Действительно, — прошептал мужчина. — Я не знаю. И правда, тогда всё как-то сложно получается. Как-то нелогично.

«Совсем поехал наш Шурик».

— И почему они друг на друга тогда не нападают. Ну ходячие «бывшие»? То есть на штуку в машине одни напали. И получили. Другие не напали и утащили своих.

«Что-то у меня голова кругом».

— Да, как-то странно и запутано выходит, — расстроенно согласился Саша. Только что у него имелась стройная теория о

поведении «бывших», а теперь она, мягко говоря, выглядела неполноценной или однобокой.

— С другой стороны, может они действительно, как люди? Могут и на своих, и на чужих нападать?

— Да? Но ради чего?

— Может, ради еды?

***

— Я вот что ещё хотела сказать… Сказать. Предложить. Не знаю.

— Господи, что ещё? Ты видела, как они разговаривают? У них есть письменность? — дал волю своему чувству юмора Саша.

Маша зло сверкнула глазами, и мужчина притих. Поправила нож на поясе:

— Надо выбираться, Шурик-дурик. Предлагаю объединиться… Хотя мы и так уже с вами, можно сказать…

У Саши кольнуло сердце: «Ну вот опять она со своим "мы". Да что за черт?»

«Чего это он так поморщился?» — заметила она.

— Я тут думала… Рядом же воинская часть есть. Может, нам туда рвануть? Там оружие должно быть. Наверное, и еда. Люди, мало ли, тоже есть.

— Ничего себе. А далеко это? Что-то такое смутно припоминаю.

— Да тут на Краснинском, — показала рукой в сторону.

— На Краснинском, на Краснинском… — пробормотал, вспоминая. — А, понял. Проезжал, да, как-то мимо неё. Слева от дороги? Там забор из плит такой, да? — Маша кивнула. — А как мы туда доберёмся?

— Да на тачке.

— Хм, — даже удивился такому простому решению. — Но найти машину не так-то просто.

— Ай, машину-то мы найдём, — успокаивающе махнула рукой. — У нас их тут во дворе полно. Туда если вглубь и чуть вправо пойти, их много стоит. Причём, там детский садик был, куда иногда на очень приличных тачках приезжали. Ещё бы, считай центр города, — заговорщицки подмигнула.

— Да, но аккумуляторы, наверное, все сели. Столько времени стоять. Не заведётся же ничего, наверное?

— Многие. Большинство даже сели. Но не все. Нормальный, хорошо заряженный аккум и дольше простоит.

— Серьёзно? — спросил Саша вслух, а про себя подумал: «Да откуда ж ты это знаешь?»

— Сто процентов. Надо просто тачку нормальную взять.

— Какую?

— Не знаю. Дорогую. Тебе какие больше нравятся?

Маша снова выглянула в окно.

Никого.

— Ну так что? Мы в месте?

— Да, ответил Саша. — Мы с вами.

Маша загадочно улыбнулась и посмотрела на подушку.

Безлюдье, солнце и лайки

Солнце делало свою работу.

Хлюпающая грязь запеклась в сырную корку на асфальтовом пироге. Из тёмно-серого цвет мира сменился на светло-серый. Неживые на пару дней словно забыли про это место.

Такой шанс упускать не стоило.

И Маша вышла на улицу.

Армейский бушлат сверху, чуть нараспашку. Перетянут ремнём, на котором висит нож. Лёгкая чёрная шапка на голове. В руках самодельное копьё из металлического карниза. Наконечник — пара ножей. Один вставлен внутрь железной трубки и держится очень прочно. Второй примотан скотчем сбоку. И ничего страшного, если он останется в гнилой плоти, куда его воткнут. Ноги защищены накладками из толстых журналов. На руках строительные перчатки.

«Нужно найти тачку».

Хромоногий приглядывает за ней сверху. И что-нибудь прокряхтит, если увидит «трупников».

«Дома холоднее чем на улице».

— Да, блин, здесь вообще хорошо.

Безлюдье и тепло придали поверхности земли новые хрустяще-шелестящие свойства. А всё из-за того, что эта часть города сохранила много деревьев. Поэтому даже кусочка асфальта не осталось открытым из-за мелких веток, листьев и прочего мусора. Подгнив от дождливой осени, сейчас они запеклись в единый, шумящий под ногами ковёр.

«Как будто по чипсам ходишь».

— Да уж. Меня, наверное, далеко слышно.

Солнце делало свою работу.

Ветер делал свою работу.

И Маша тоже делала.

Она хрустящим мелким шагом кралась от своего крайнего подъезда к тому, что был посередине. Двигалась почти прижимаясь к пыльно-красной кирпичной стене дома. А перед ней, словно преграда для чужих глаз, из длинных прямоугольных клумб торчал шиповник. Опавшая листва, мусор и паутина сделали кусты практически

непроницаемыми для взгляда стороннего наблюдателя. Клумбы, огороженные вкопанными покрышками, тянулись от первого подъезда ко второму, а потом и к третьему. Маша могла видеть всё, сама оставаясь незамеченной.

«Мерзкий "трупник" в машине не шумит».

— Интересно, почему?

«Не слышит!»

— Да слышит.

«Слышит?»

— Ага. Тварина всё слышит. Чует.

«Но?»

— Наверное, не хочет спугнуть, — задумчиво подняла бровь.

«Или спит».

— Или так.

«А если кто-то спит, то можно…»

— … подкрасться к нему, полить бензином…

«… и поджечь!»

— К чёртовой матери!

Маша дошла до середины дома.

Солнечно.

Тишина.

Тёплый ветерок несёт мирные запахи. Хочется загород. Вина. И смотреть на воду. Или на огонь.

— Что за фигня? — про свои мысли.

Встряхнула головой.

«Концентрируемся на цели».

Она стояла спиной к подъездной двери. Прямо перед ней асфальтовый разрыв между кустами — проход вперёд. Прохрустела несколько робких шагов. Повернулась, посмотрела наверх.

Саша подал условный знак зелёным полотенцем — всё чисто.

«Можно идти дальше».

Вышла на дорожку перед домом. По ширине — здесь не разъехались бы и две машины. Впереди начиналась та самая стихийная парковка, где Саша познакомился с «водителем». Кусок голой, разрытой колёсами земли, что большую часть года представлял собой просто лужу грязи. С буграми, ямами и непроходимыми

колдобинами. Но не сейчас, когда работало солнце. Да так, как давно не работало. И теперь там тоже всё хрустело.

Не подавая признаков жизни. «Крюкастый» сидел в одной из машин слева. Ближе к подъезду, из которого вышла Маша. Но она уже у противоположной стороны, почти у правого края парковки. Слишком далеко, тут до неё не добраться.

Если смотреть прямо, взгляд упирается в кирпичную двухэтажку. От скопища машин ветхое зданьице отделяла точно такая же полоса диких роз. За этим рыжим домом виднелся ржавый, ещё советский, заборчик детского сада.

И повсюду стояли брошенные машины. К ним Маше нужно было идти практически по прямой.

Она посмотрела направо. Там начиналась облагороженная брусчаткой территория «Скалы». Торгового центра с ярко красным фасадом. Светло-серая дверь служебного входа выглядела закрытой. Рядом, на уже пошедшем волнами покрытии, валялось несколько деревянных поддонов.

«Можно сжечь».

— Да, деревяшки стопим, картох наварим!

«Главное дотащить».

Раньше в ТЦ работал продуктовый, но потом открылся магазин косметики. Особого смысла лезть туда не было. Но вот в соседней пятиэтажке, которая стояла чуть дальше детского сада, весь первый этаж занимал небольшой супермаркет.

— Его можно будет проверить когда-нибудь потом.

Маша собиралась пройти между парковкой и «Скалой» к двухэтажке красного кирпича. Потом за неё, к детскому саду. Именно там было брошено много иномарок. Впрочем, несколько автомобилей стояли и на её пути.

«Их тоже нужно проверить».

— А ещё за ними можно прятаться.

Снова посмотрела наверх, на Сашу. Взмах зелёным полотенцем.

«Ну…»

— Была не была!

Быстро оглянулась и, неожиданно для самой себя, сорвалась на бег. Точнее на что-то среднее между бегом и прыжками, ведь ближайшая машина стояла всего метрах в пяти. Буквально через

секунду она уже пыталась заглянуть в салон старенькой иномарки через грязные окна. Универсал. Колёса спущены. Вся покрыта пылью и листьями.

— Неинтересно, — сердце колотилось от принесённого кровью адреналина. Всё тело разогналось до предела, но расстояние оказалось слишком коротким, чтобы дать волю захлестнувшей её силе.

Ну и ещё на улице было страшно.

«А вдруг что полезное внутри?»

— Ладно.

Дёрнула за ручку правой задней двери. Закрыто. Проверила переднюю. Тоже самое. Больше машину трогать не стоило. Будь аккумулятор хоть чуть-чуть жив, может сработать сигнализация. Если она, конечно, есть в этой развалюхе.

— Наверное, стояла на парковке ещё до «всего этого».

«Поэтому и закрыта».

— Да, надо, видимо, выбирать машины, которые выглядят как брошенные.

«Но как это понять?»

— Ну как брошенные!

«Да они все как брошенные».

— Потому что так и есть. В этом городе всё брошенное!

По прямой до красной двухэтажки стояло ещё два авто.

«Хорошо бы их тоже проверить».

Посмотрела на Сашу.

Зелёный.

Побежала.

Хру-хру-хру-хру-мх.

Присела за машиной. Огляделась.

Три-четыре прыжка, а сердце колотилось, как будто взбежала на пятый этаж с двумя сумками.

— Что тут у нас?

«Москвич». Немного въехал в деревце. Лобовое разбито. Сложено как книжечка на правую сторону.

— Как будто кто-то выбрался изнутри, не понял, как открыть двери.

«Ну или забрался внутрь».

На удивление, двери были приоткрыты.

Посмотрела на Сашу. Он щурился на солнце и, кажется, пожал плечами: хочешь смотри, хочешь не смотри.

«Нельзя оставлять эту развалюху…»

— … в которой может что-то быть…

Перехватив поудобнее копьё, Маша резко выпрыгнула вперёд и ткнула сталью того, кто мог выскочить через дыру в лобовом.

Лезвия ножей смотрели в пустоту.

Подошла ближе. Заглянула внутрь.

От страха и напряжения вся взмокла. А ещё это солнце!

В салоне сплошная грязь. Листья, мусор, пыль. Водительское кресло и приборная панель, насколько удавалось разглядеть, словно забрызганы каким-то мхом. Зелёная подложка, ворсинки разной длины, у некоторых на концах коричневые капли-бусины.

«Этот чертов мох…»

— Да, в отличие от всего остального не засыпан грязью.

«Выглядит, как только что политый водой газон».

— Даже пыли на нём нет. Как такое возможно?

«Не нравится это мне».

— Надо валить от этой тачки.

Маша сделала несколько шагов назад и посмотрела на Сашу.

Зелёное полотенце.

Он махнул головой, спрашивая: что там?

Женщина поднесла ко рту два растопыренных пальца и сделала вид, что её тошнит: там какая-то мерзкая хрень внутри.

Саша закивал.

Язык жестов…

«Идём к третьей машине».

«Нива», заехала в кусты и разбила правую сторону о двухэтажку. Потрёпанный фасад садика уже виднелся за зданием.

Двери приоткрыты.

Маша, занеся своё оружие над головой, дёрнула за ручку. И увидев что-то на сидении, со всей силы ударила копьём.

— Сумка, блин.

Повернулась. Показала Саше знак «лайк» — всё в порядке.

Наблюдатель закивал и «лайкнул» в ответ.

Заглянула в салон.

Пыль и какой-то, кажется, строительный хлам. Молотки, пилы, валики, плёнка. Открыла багажник. Там тоже был взрыв из строительного инструмента: бутыльки, дрели, мешки, тряпки.

Огляделась. Саша смотрел куда-то влево.

Приставила копьё к кузову и начала копаться в поисках чего-то полезного. Отбросив в сторону кучу кисточек и валиков, достала бутылку с надписью «Растворитель».

Оскалилась в противной улыбке. Поставила находку на землю.

Вытащила из хлама пару грязных молотков. Кивнула и засунула их за ремень.

— Пригодятся.

Совсем уже на дне нашла небольшую канистру, даже какую-то детскую, буквально на несколько литров. Встряхнула. Что-то булькнуло внутри. Подняла.

«Тяжёленькая».

Открыла.

Бензин.

«Солярка пахнет по-другому».

Маша улыбнулась шире. Подняла находку в руку и повернулась, чтобы показать её Саше.

Тот во всю размахивал красным полотенцем.

Центральное телевидение

Пот. Злость. И бензин.

Маша оскалилась. Бутылку с растворителем в карман. Канистру в другую руку. Подхватила копьё. Сорвалась на бег. Наискосок через парковку.

— Эх, «Нивка», что ещё может хранить твой багажник!

Красное полотенце — это сигнал. Кровь должна наполниться адреналином. Мышцы — получить приток энергии. Тело — бежать, сражаться. Или умереть.

Машу накрывал гнев из-за быстрого завершения вылазки. Уже давно, с первым хрустом из-под ботинок, в кровь поступал высокооктановый ускоритель. Сейчас сердце выдавало что-то вроде: пожалуй, на сегодня всё, или я отключаюсь от сети.

Несколько секунд бега, и она стоит на границе парковки, недалеко от своего подъезда. В канистре булькает. В висках пульсирует. Нервишки.

Подняла голову вверх. Саша смотрел влево. Нарисовал в воздухе круг — опасность далеко. Прошептала себе под нос:

— Поэтому он и не кричал мне. Риска пока не было, ждал, когда я обернусь. Все правильно. Без лишнего шума.

Вздохнула с облегчением. Стало не так страшно. На всякий случай оглянулась на «водителя».

— Всё норма…

Хры-хры-хры-хры — подскочила от звука чьих-то хрустящих шагов. Едва слышно. Но слышно.

Где? Кто?

— Откуда звук?

Посмотрела вверх.

Саша вопросительно махнул головой: что случилось?

«Он что, глухой? Саня, блин!»

Несколько раз дотронулась пальцем до уха, это значило: я что-то услышала, какой-то шум, опасность.

Мужчина на секунду задумался, развел руками и принялся водить головой из стороны в сторону в поисках недосягаемых звуков.

Снова. Хры-хры-хры-хры.

— Да что за паучара, блин?

Хрустело со стороны подъезда. Её подъезда!

Она метрах в пяти от него: придомовая дорожка после парковки, проход между клумбами и вот металлическая дверь в пятиэтажку. Но никого нет.

— Ёкарный…

Бу-у-уль — бросила канистру на землю. Взяла копьё обеими руками и выставила перед собой. Можно не бояться за спину и не оглядываться постоянно, Саша предупредит.

Справа и слева от входа — кусты шиповника. И «производитель шума» где-то там. Слева.

«Какой смысл ждать?»

— Пошла вперёд! — прошипела сама себе приказ.

Кусты слегка просвечивали зловещее тёмное пятно, чуть за углом дома.

«Скорее всего там».

— Да, видимо, сидит там, поэтому Санёк его и не засёк. Но почему?

«Может, караулит?»

— А «трупники» уже научились подкарауливать?

Шла по прямой к подъездной двери. Когда дойдёт, в нескольких метрах справа и должен оказаться этот некто или нечто. Ноги на хрустящую корку земли ставила медленно. Надеялась, что так будет тише.

Посмотрела вверх. Саша развёл руками, а потом покачал ладонью: вроде кто-то есть, точно сказать не могу.

— Час от часу не легч…

Хры-хры-хры-хры.

Маша остолбенела. Из-за шиповника выскочил «бывший».

Покалеченный «первый».

Правой руки нет. Он допрыгал до двери на трёх своих лапах. Когда-то потеряв ступню одной из ног, теперь тыкал в землю голой костью. Из черепушки сочилась чернота.

— Калич, — прошептала с отвращением.

Без единого живого места. Весь чернющий от грязи, гниения или других проявлений заразы. В лохмотьях пиджака, вросших в кожу.

Хоть и прошла всего какая-то секунда, но «бывший» не нападал. Стоял на трёх точках, перераспределяя равновесие с одной на другую, словно качался на ветру. И водил мордой в направлении женщины. Может, плохо видел? Или сказывались повреждения черепушки.

Страх лёгкой дрожью начал бегать по телу, иногда явно потряхивая руки и ноги. Маша стояла на полпути ко входу. Теперь тварь преградила ей дорогу.

Она забыла про всё. Про Сашу. Про других «бывших», которых заметили где-то далеко. Забыла даже про пистолет. Лишь повторяла про себя, чтобы не струсить:

«Я тебя заколю, запорю, выпотрошу! Я тебя не боюсь! Покрошу. Покромсаю!»

Женщина понеслась на «бывшего» с сиплым шипением от начавших сбоить из-за страха лёгких. Тот, опираясь на три конечности, как дикий зверь, а не послечеловек, едва начал подниматься в её сторону.

«Интересно, он удивился?»

Бешеные глазищи таращились на Машу.

Ударила копьём, целясь в голову неживого. Тот сноровисто дёрнулся, и оружие соскочило вниз. Разорвало тонкие губы, и одно из лезвий с хлюпаньем и хрустом проткнуло ямочку в основании шеи над грудью. Второе чуть выше и сбоку вошло в шею. «Трупник», можно сказать, сам помог себя заколоть.

— Вот идиот! Тупой! — с дрожащим презрением в голосе прошипела Маша.

Тварь захрипела. Забулькала.

— Хэп, бууэээххххэпп… Буэээ, кхр-рр…

«Первый» немного обмяк. Кажется, даже на груди у него блеснул какой-то значок с флажком. Нет, какой-то зверь, а в зубах его флаг. Или показалось?

— Неожиданно! — выплюнула из себя со злой радостью женщина.

Нечеловек начал слегка оседать и как будто положил морду на металлическую трубку копья. Выглядело так, словно он пытался передохнуть.

Сдался.

Хотел спокойно умереть. Уйти с миром. Уже навсегда.

Из огрызка носа пошли чёрные пузыри.

— Ххээаааа.

Дёрнулся.

Поднял глаза на Машу.

А может, просто в её сторону. Она не увидела в растрескавшихся кружках ничего. Ни ненависти. Ни злобы. Ни страха смерти. Просто глаза, которые существо использовало для того, чтобы смотреть.

Только лишь инструмент.

«Бывший», наверное, даже не понимал, что его убивают. Просто чувствовал, что теперь у него с телом что-то не так. А может, он и вовсе иначе это чувствовал. Или даже не чувствовал совсем. Просто одна часть тела отнималась, а «первый» этого даже не замечал. Не мог на это реагировать, потому что не нашлось в нём чего-то центрального.

Центральное телевидение навязывает нам мнение государства. Как правило, нечто центральное всегда что-то навязывает. В этом же организме, который должен был уже испустить дух, как будто ничего такого не наблюдалось. Нечему было что-либо навязывать.

«Зачем же он, чёрт побери, вылез тогда?»

Несмотря на воткнутые в тело ножи, «трупник» и не думал умирать.

От напряжения Маша почувствовала, что её лицо стало каменным. Несколько мышц на шее свело судорогой, и они болели, отнимая внимание.

Всё-таки это страшно.

Притихший калека вдруг изогнулся и ударил Машу по руке.

Ошиблась. Расслабилась. Держалась за копьё слишком близко к мертвочеловеку.

— Ах ты ж… — одёрнула руку и перехватила оружие.

«Бывший» попал ей прямо по пальцам и, кажется, их отбил.

Градом катился пот. Лёгкий ветерок щекотал лицо. Сейчас кто-то должен умереть. И судя по всему, не она.

Маша взяла копьё поудобнее, надавила и сделала шаг вперёд. Взрывая запёкшуюся корку растений и мусора и обнажая асфальт, тварь упираясь отодвигалась назад. К стене.

Э!

«Трупник» оказался довольно лёгким. Сильным. Но совсем нетяжелым.

Даже сомнительно живой, он старался добраться до человечинки, чтобы пожрать её. Всё бил и бил по металлической трубке копья, надеясь достать до своего противника. А может, и не надеясь.

Маша пыталась думать быстро.

«Достать пистолет? Прострелить башку? Жалко патронов. Он же почти всё».

Спина «бывшего» мягко упёрлась в стену дома. Женщина сталью прижимала машущую конечностями тварь к красному кирпичу.

Человек бы уже истёк кровью и прилёг на землю с лёгким хрустом засохшей листвы. И прощай, мир, спасибо за короткую жизнь!

Но «первый» ничем не истекал. Капельки, тонкие нити черноты как трещинки распускались по его телу. Но это было вовсе не то, что стало бы с Машей. Окажись она по другую сторону копья.

Калека не умирал.

Он жаждал человеческой помощи.

Посмотрела наверх.

Саши нет.

«Надо что-то с каличем решать. Замочить как-то уже».

— Ладно. Пуля, так пуля.

Упёрла копьё себе в правую подмышку, крепко перехватила и отпустила левой рукой. Не отводила её далеко. Проверяла, удержит ли. Получалось.

Вялая тварь, казалось, даже не следила за её действиями. И не особенно брыкалась. Не останавливалась, но и силы у неё, судя по всему, утекали. Две стальных полоски в теле — неплохой тормоз!

— В следующий раз три ножа примотаю.

«А если лезвия намазать снотворным? Будет эффект?»

— Хм. Сейчас покажу, от чего будет эффект.

Маша потянулась в карман за пистолетом. Случайно задела что-то металлическое на поясе.

Молоток. Один из двух.

— Я про них забыла! — прошептала слегка удивлённо.

«Корректируем план».

Схватившись за головку молотка, ловко его вытащила, подбросила и перехватила за деревянную ручку.

— Какой стороной бить? Зауженной или широкой?

«Можно попробовать и той, и другой. Никто на тебя жалобу не подаст».

Занесла своё оружие над головой. Сделала полшага вперёд. Резко выгнувшись, ударила «трупника» по голове.

Всё — за секунду.

Звук: как будто врезали по покрышке, внутри которой лежал арбуз. Неживая башка дёрнулась. Маша отступила и снова перехватила обеими руками копьё. «Бывший» медленно приподнял голову, глядя куда-то в сторону. И кажется, издал звук:

— Ооооооо.

— Поплохело тебе, тварина? Ушлёпок шлёпнутый! — на самом деле её живот закрутило: неподготовленному человеку не так-то просто стучать по чужой кукухе. Пусть даже это враг. И не очень-то живой.

Чувства — чувствами… Маша, не теряя времени, снова сделала выпад вперёд и треснула «трупника» молотком ещё раз. Будь там гвоздь, он вошёл бы по самую шляпку. Правда, теперь тварь резко дёрнула калеченой ногой и ударила женщину острой костью в левое колено. Сбоку, с внутренней стороны.

— Уф, — очень больно.

От неожиданности Маша выронила молоток. И освободившейся рукой покрепче перехватила копьё, которое удерживало «трупника» на расстоянии.

Глаза заслезились. Подступила лёгкая тошнота.

«Бывший» больше не поднимал головы. Но не умер совсем. Тело вяло вздрагивало. Бессвязно взмахивало и двигало конечностями. Словно больше у него не было врага. Веки, точнее их остатки, медленно опускались и поднимались. Глаза смотрели в никуда.

Сейчас это тело жило раздельно со своими членами. А было ли оно единым?

Образы, чувства и запахи смешались. Маша не могла справиться с растерянностью после удара «трупника». Эта неожиданная боль

вывела её из равновесия. Только когда тебе причиняют физический урон, начинаешь вспоминать, что ты тоже, в общем-то, материя. Плоть и кровь. Да ещё немного еле уловимых электрических разрядов. И как просто разрушить твою целостность — убить. Понимаешь, вспоминаешь, напоминаешь себе, почему просидел столько месяцев взаперти. Потому что здесь быстрая смерть — реальна. Близка. Она может дотронуться до тебя или едва-едва прикоснуться. Как сейчас.

Всё твоё выживание — набор, комбинация, мешанина случайностей, что поставили твои ноги на эту геоточку. И тебя. Живым. Пока ещё тёпленьким. И возможно, больше они не будут складываться так, чтобы твоя кровь оставалась горячей. Сами по себе все случайности как бы нейтральны, они не придерживаются чьей-то стороны. Это мы навязываем им полярности: хорошие или плохие. Но на нашу беду — они просто случайные. Всё в мире имеет оценку. И ничего в мире не имеет оценки.

Нет никакой цели. Нет никакого пути. Просто есть случайно живые и случайно мёртвые.

То есть, мы ведь тоже случайности.

И так было всегда, ещё до Всего Этого.

Одни имели счастливое детство, а другие за своё расплачивались всю жизнь… Случайно. Никто не виноват, но всегда кто-то платит.

Не всегда есть деньги, но всегда есть счета. Случайно ли это? Да.

И та боль в колене, что занимала всё внимание Маши — это её гнутый медяк за жизнь, за невнимательность и очередную случайность. А возможно, и не только. Тем не менее, у неё пока получалось разменивать медяки выгоднее, чем у многих других.

Чуть опустив свой край копья, Маша как бы насадила на него калеку и начала отступать, чтобы отволочь подальше от подъезда. На стене остался чёрный отпечаток от тела.

Теперь «бывший» казался тяжелее.

Идти — больновато. В этом мире, если тварь била, то делала это со всей своей неживой силы. Как будто в последний раз. Люди так не умеют. Или умеют только худшие из нас, те, кто уже теряет человеческий облик. К чему большинство ходящих по земле сейчас и пришло…

В общем, колено болело. Кажется, Маша даже прихрамывала. Но нужно было оттащить «трупника» от дома. И убираться с улицы.

Едва выйдя из-за кустов, женщина уловила боковым зрением движение. Слева. Быстро увеличивающееся пятно. Опасность! Так близко!

Кажется, сверху кричал Саша.

Всё произошло внезапно. В один момент. Действия, события, живые и неживые свалились в одну кучу причинно-следственных связей.

И кто-то нажал кнопку «Перемешать».

Минут десять назад Маша только вышла из подъезда, а теперь на её копьё наколот «трупник», и какая-то тварь стремительно приближается сбоку. Как к такому подготовиться?

Маша не успевала бросить почти мёртвую тушу и убежать.

Не хватало времени отпустить рукоятку, достать пистолет и прицелиться.

Да она даже не успевала посмотреть, кто на неё несётся. Просто пятно слева занимало всё больше и больше пространства. За доли секунд. К тому моменту, когда пятно должно было заслонить собой всё, Маша смогла только развернуться лицом к опасности и немного выставить вперёд «бывшего» на копье. Как щит. Тело двигалось абсолютно автоматически — и возможно, именно это сохранило ей жизнь в первые секунды драки. Если бы женщина запаниковала и просто замерла — всё бы так и закончилось.

Медяки рассыпались бы впустую.

Неживой прыгнул прямо на поднятое копьё с калекой и с размаха ударил Машу по голове. Испугаться она не успела. Получив сильное и неожиданное «приветствие» почти в висок, женщина без промедления отправилась в мир «бессознательного».

— Ах… — и словно мешок, на спину упала в кусты почти по пояс.

Продырявленный послечеловек свалился на Машу от толчка нападавшего.

Получалось, что кусты закрывали её по бокам, а туша почти мёртвого придавила сверху. Очень удачная комбинация, защищавшая от ударов почти живого. Со стороны же нападавшего комбинация вышла, наоборот, так себе. Тот колотил, рвал и кусал своего собрата. В

стороны летели ошмётки гнилой плоти. Но человечины вкусить так и не удавалось.

Маша не шевелилась. Глаза закрыты. Лицо поранено шипами. Шапка куда-то улетела. Волосы запутались в мелких веточках.

Царапины начинали кровоточить.

Вряд ли новенький «первый» понимал, что происходит. Мог ли он сообразить, что тело подобного себе стоит отбросить в сторону и заняться тёпленьким человеком?

Как вообще работала его голова?

Тут «бывший» каким-то образом добрался до ноги женщины, которая оказалась не прикрыта тушей побитого молотком «трупника». Тварь вцепилась в живое зубами и начала рвать.

Но жевала явно без удовольствия — ведь её пасть наполнилась только рваными бумажными листами. Машины ноги защищали толстые журналы, перетянутые скотчем.

В дырке, которую выгрыз «бывший», приклеенная к ноге болталась страничка с изображением женщины в очках и фразой крупным шрифтом: «Это норма!».

Пожевав глянцевую бумагу, неживой начал медленно отплёвываться.

Только он прицелился к тому месту ноги, которое было бы лучше укусить, как услышал сверху:

— Э!!!

«Первый» поднял голову на звук.

История в трёх банках

Саша не знал Галину Алексеевну. И её дочь Сонечку, студентку иняза. Даже не задумывался, почему их нет дома.

На самом деле пенсионерка каждое лето проводила в деревне. Уезжала в середине весны, как только потеплеет, и жила на природе до холодов.

Это время проходило, в основном, в заботах об огороде. Это была жизнь. Настоящая. Такую чувствуешь на ощупь. И долго потом вычищаешь из-под ногтей.

А ещё (и это действительно важно) пенсионерка с маниакальной преданностью превращала собранные овощи в соленья. Правда, сама их практически не ела. Кажется, ей нравилось именно «закрывать банки» и считать, что так окружает родных заботой. Она готова была делать закрутки вопреки всему: здоровью, здравому смыслу, реальной потребности…

Иначе урожай пропадёт. А такого советский человек допустить не мог.

Но мы отвлеклись.

Неизвестно, что произошло с Галиной Алексеевной. Наверное, она не успела вернуться из деревни, когда случилось то, что случилось. Скорее всего, выжила. Её дочка тоже, возможно, осталась цела, потому что часто приезжала: привозила продукты и лекарства.

И журнал про огород.

Но это территория догадок. Та деревня — глухая, даже без магазина. Так что еда у них всё равно должна была закончиться… Да и родственники из столицы часто наведывались. А любая зараза, и это в деревне каждому ясно, тянется из Москвы.

Главное, что в квартире Галины Алексеевны вся кухня и даже часть узенькой прихожей остались заставлены банками с соленьями. Один из родственников всё лето подвозил их из деревни.

Стоит повторить ещё раз. Никто не знает, что произошло с Галиной Алексеевной, её дочкой Сонечкой и даже с родственником, перевозившим соленья. Но точно и доподлинно известно, что стало с тремя банками из этой квартиры.

История первой банки

Если бы вы спросили у Саши, что он делает — мужчина даже не понял бы, в чём вопрос. Потому что сам двигался по какой-то бессознательной схеме. Функционировал просто как биологическая машина для выполнения механических действий. Возможно, сам мозг взял управление над бренным тельцем, всё ещё иногда тешащим себя наличием собственного «Я». Вот оно-то, наверное, как раз и подтормаживало всё, что могло подтормаживать. Машиной быть проще.

Саша ворвался в «овощехранилище тёти Гали» на третьем этаже. Так Маша называла квартиру, заставленную закрутками, компотами, вареньем и ещё черт знает чем, хорошенько замаринованным.

Стараясь уберечь швы на ногах, он переносил часть веса на самодельные костыли из дешёвеньких лёгких карнизов. Отломал под рост, обмотал верхнюю часть полотенцем, чтобы подмышкам было мягко. Мог ходить и без них, но когда нет врачей, страшно не хочется болеть.

Кровь двигалась по венам нервными толчками. От страха в глазах пульсировали чёрные круги. Сейчас должно было произойти что-то очень нехорошее. Надвигающееся будущее отнимало у рук и ног привычку слушаться. Все движения чувствовались какими-то разобщёнными. Сквозь дрожь, замороженность и придавленность.

Полы кухни скрывались под десятками банок. В большом шкафчике сразу слева от входа и на столе тоже пылились разнокалиберные, пузатые стеклянные сосуды. Кое-где тускло блестели боковины кастрюль. По стенам висели разделочные доски, черпаки, кухонные полотенчики и прихватки.

Спотыкаясь, прошёл на кухню. Одна небольшая банка стояла на углу серого от пыли столика. Как бы говоря: бери меня.

Первая — прицельная. Объёмом один литр. Наполнена красно-зелёной овощной кашей. Другого определения содержимому придумать не удалось.

Саша схватил её, потом ещё одну, но уже трёхлитровую, и поскакал как смог на балкон. Вышел. Нагнулся. Поставил на пол. Резко выпрямился. Часто заморгал, прогоняя темноту из глаз. Отодвинул с хрустом старенькую пластиковую створку.

Маша оттаскивала от дома «бывшего» на копье, а справа на неё несся «первый».

— Ты что не видишь?! Уходи! — прокричал ей каким-то не своим голосом и развернулся, чтобы взять банку. Но поскользнулся на коврике и рухнул в проходе: ноги на балконе, туловище в квартире. Больно ударился тазом о пластиковый дверной порожек. Прохрипел:

— Уууууxx…

Перед носом — пыльная ножка старенького дивана. За ним в углу скопище маленьких и больших пустых банок, укутанных паутиной. А чуть дальше, как свадебный генерал среди бедной родни, одна полная.

Компот.

Красная смородина.

Протянул руку. Схватил за крышку. Притянул к себе, сбивая остальную стеклянную мелочь. Опираясь на банку, встал.

— Фух…

Опять потемнело в глазах и даже качнуло в сторону.

Раз, два, три…

Костыли разлетелись и только мешались. Саша быстро привык к боли в ногах. А возможно, мозг просто снизил её мощность. На время. Когда есть более важные дела. Например, выживание.

Снова выглянул с балкона — «бывший» бил кого-то, лежащего на земле. Или в кустах. Чертовски непонятно, кто где. Видимо, все свалились в одну кучу. Тогда, не придумав ничего лучше, крикнул:

— Э!!!

Саша не знал, чего ожидать от немёртвого. Услышит ли он вообще? Но внезапно «первый» послушно поднял голову на звук.

«Возможно, в тебе ещё осталась от нас часть бессознательного поведения».

К тому моменту, когда «бывший» успел сфокусировать зрение, Саши на балконе уже не было.

«Первая пошла!»

Точнее мужчина нагнулся за вторым снарядом.

Литровая банка пронеслась мимо башки иначеживого и упала чуть сзади.

Саша бросал её, чтобы понять, как их кидать вообще. Конечно, он надеялся, что и первая вдарит «трупнику» по мозгам. Но разбившись

сзади, она заставила «бывшего» только подпрыгнуть и обернуться. Он начал грести кашу руками, кусать, топтать.

Напал на овощи. Совсем обезумел. Этот «первый» явно не понимал, что произошло. И тогда до его не до конца мёртвых ушей донеслось:

— Э!

Теперь он просто встал и замер. Прислушиваясь?

История второй банки

Лёгкий тёплый ветерок. Машины вздрогнувшие кровавые веки. Едва качающиеся ветви деревьев. Капельки черноты из пробитой черепушки калеки. Солнце, запретившее дождю быть.

Подрагивающие конечности живых и неживых.

Вторая банка объёмом три литра — в ней огромные, словно прямиком из палеозойской эры, огурцы. Такие сгодятся только для салата. И то, если резать их очень мелко. Закусывать ими горькую не слишком-то вкусно — мягкие везде, даже корочка не хрустит. А если ещё и тёплые, то вообще... Но здесь всегда важно другое — кто закусывает. Некоторым всё равно, чем и что. (Ну это так, к слову.)

От удара банкой голову «бывшего» прижало к левому плечу. Ноги разъехались в разные стороны, и он грохнулся на свой зад. Спина не очень естественно согнулась вбок. Сделав сидя что-то вроде продольного шпагата, неживой дёрнул ногами, нырнул вперёд и уткнулся мордой в землю.

Человек бы, скорее всего, не встал уже никогда. Но «первый» после того, как испытал всю грозную силу гравитации, даже не прекращал шевелиться.

Куда-то в сторону полетел тот самый обрывок журнала. Ветерок же.

История третьей банки

Пальцы сжимались и разжимались. Ноги начинали принимать более естественное положение. Сейчас они были раскинуты в стороны, как у какой-нибудь балерины на разминке. Глаза приоткрыты, губы пузырят рассол и овощную кашу.

Будь проклята живучесть этих «бывших»!

Позвонки, кости, да и просто мышцы от такого удара неминуемо ломались, дробились, смещались и рвались. Но не у полноценного

«первого». Он, видимо, использовал возможности человеческого организма на всю катушку. И особенно неубиваемость. Словно консервная открывашка, сделанная на советском заводе: неказистая, но прослужит дольше, чем просуществует страна-производитель. Почти вечная.

— У-у-у, — простонала Маша и чуть-чуть пошевелилась, а потом вздрогнула от громкого звука. Брызги розовой жидкости попали на расцарапанное лицо.

Лоб, щёки и нос женщины выглядели так же, как и красное овощное месиво вокруг. Десятки царапин кровоточили. Шипы и лёгкие занозы повсюду. Даже в раковину правого уха воткнулась тоненькая веточка. На кровь стали налипать листья, мусор и пыль.

Капли, упавшие на лицо, включили боль. Разумеется, она крутила свой тариф и до этого, но влага почему-то разбудила те участки мозга, что отвечали за приём сигнала. Всё лицо — огромный расчёсанный и разодранный в кровь комариный укус — примерно это Маша успела почувствовать и:

— У-у-у, — повторив свой стон, снова отключилась.

Около одной десятой минуты назад Саша «угостил» «первого» компотом, чтобы тот больше соответствовал своему статусу неживого. Банка угодила точно в затылок. Вмяла лицо в прикрытый уже сырой мусорной подстилкой асфальт, раздробила черепную кость, сломала челюсть, ввернула внутрь зубы.

Сняла голову с позвоночника, оставив держаться только за счет мяса.

Разъединила головной и спинной мозг.

— Это конец.

Нет. Не для «первого». Саша про те увеличивающиеся фигурки справа. Со стороны Нормандии-Неман.

Это был конец. Для Маши.

А кругом поблёскивали розовые осколки стекла и теряли влагу много-много полупрозрачных ягод смородины.

Песнь сока

Дико. Мощно. Экстрачеловечно!

Пахло соком!

Он нёсся по хрустящей земле мимо подвижных когда-то бугров.

Оранжевая дыра сверху заставляла веки сжиматься.

Длинная прямь, заваленная по сторонам каменными полыми глыбами. Высокие, со множеством нор. У него тоже такая.

Своя нора.

Он бежал на голос еды. Она пела! Уже давно не слышал таких звуков. Раньше — множество. Недолго. А потом всё реже и реже.

Так пела еда!

И пахла!

Он несся мимо стеклянно-железных бугров по хрустящей земле на запах и песнь еды.

Сзади и где-то сбоку, слышал и чуял другой шум и запах. Это не еда. Это мчались поедатели еды.

На самом деле, всё было ещё проще. В его черепушке не звучал мысленный монолог. Всё происходило примерно как в голове у кошки. А лучше, рыси — дикой кошки. Инстинкты, рефлексы, одурманивание запахом дичи… Никаких слов, никаких мыслей, только образы. Только желания.

Бысщь!

Он задел тяжелое и разбрызгал по дороге что-то бесцветное и острое. Но это не еда. Значит, это не важно.

Но это было…

Что было?

Есть еда…

Есть еду.

Бежать. Нестись. Мчаться!

Есть еду — это так смешно. Так тепло. Так приятно и сытно. В еде есть чувства. Чувство еды. Сок еды.

Да, эта еда с соком. Он та-а-ак пахнет!

Сок делает смешно. Бодро. И весело. После сока тебе весело.

Он живой.

Сок…

Кто-то задел его плечом и пробежал вперёд.

Большой. Страшный. Не еда. Поедатель. Даже не так: поедатель поедателей еды.

Он главнее.

Он быстрее.

Он съест весь сок. Отберёт.

Нет. Нет. Нет. Мне сок! Мне сок! Мне!

Ускорился. Что-то внутри захрустело и захлюпало.

Но поедатель поедателей стал удаляться медленнее.

Если ему опять не достанется сока, он станет выть, пока будет темно. Пока через дырку сверху не прольётся свет. Всю темноту будет выть в норе и просить сока.

Ещё ускорился. Зарычал.

***

Последняя банка приземлилась вообще чётко. Почти оторвала «первому» башку.

Саша почувствовал внутри что-то вроде торжества… воду, вытекающую через дуршлаг. Победа была. Но та ли это победа?

— Машу сто процентов искусали, — прошептал автоматический голос. Вроде бы его, а вроде бы и нет. — Значит, выходить за ней не нужно.

Но дрожащие ноги сами понесли вон с балкона. Уже дальше, на выходе из комнаты в прихожую, схватился за дверной косяк, пытаясь остановить своё тело. Оно словно слушалось кого-то другого.

Но высовываться на улицу и правда не стоило.

Опасно?

Бессмысленно?

«Я видел, как он её колотил и кусал. В этих кустах. Не было у неё шансов остаться целой!»

Через секунду:

«Но как кусают именно Машу, я не видел! Да и она была в защите! "Броня", конечно, ещё та… Хотя, может, не прокусил? Чёрт! Почему не бросила этого проклятого чуть живого и не побежала в подъезд?!»

Саша понял — ему настолько страшно, что он не сможет выйти. Просто не заставит себя открыть дверь. И сделать шаг в тот мир, где

совсем недавно его чуть не убили. Где не было ничего кроме смерти.

«И почему Маша не встала? Может, она уже мёртвая там валяется? Или заразилась и убежала? Нет, ноги вроде её торчат, но там непонятно всё».

Но вдруг он заметил, что уже стоит перед дверью из подъезда.

«Или необязательно кусать, а можно просто поцарапать?»

Пока Саша думал, тело спустилось на первый этаж. А может, это мозг разрешил ему «подумать», чтобы отвлечься, пока ноги будут топать? Или у него провалы в памяти?

«Чёрт! Боже! Нет!»

Мочевой пузырь начал жечь так, что пришлось сдвинуть бёдра, чтобы не…

Руки тряслись. Тело чесалось. Мысли превратились в одно слово: нетнетнетнетнет. Да, даже без мысленных пробелов.

«Но она же за мной вышла. Смогла же! Да что со мной не так?»

Глядя на дверь в сумраке, мужчина готов был завизжать и едва сдерживал слёзы от страха. Такого от себя не ожидал даже он сам. Но справиться с этим пока не мог.

Впереди: хлам, которым Маша заваливала проход. Подъездные двери с домофоном не запираются изнутри. Поэтому она строила баррикаду. Сейчас двери, тумбочки, коробки были приставлены к стенам.

Саша мог протиснуться. И он даже пошёл вперёд. Но страх начал сводить тело такими конвульсиями, что пройти сквозь преграду не получалось. В итоге он неуверенно на что-то наступил, ноги разъехались, схватился за то, что стало падать вместе с ним, и грохнулся в темноте.

Какое-то барахло посыпалось сверху.

Он не потерял сознание. Только самообладание. Пришёл в себя в тот момент, когда понял, что так и не смог сдержать мочевой пузырь.

Чувствуя отвращение к своей трусости, с визгом попытался подняться. Но его придавило какими-то деревянными ящиками, в ногу что-то кололо. И эта мерзкая сырость в штанах.

«Фу ты чёрт, да что я совсем за слабак такой!» — взревел и, не обращая внимания на боль, раскидал хлам, заваливший его.

Поднялся.

Тошнило.

В висках стучало.

Кажется, текли слёзы.

Толкнул дверь.

Свет вылился на глаза словно кипяток. Зарычав, Саша, будто древний вампир перед самосожжением, сделал шаг в солнечный мир.

Поворот головы вправо. Никого. Влево. Тоже.

Пока.

Стараясь, чтобы слезливая ярость совсем не покинула тело, засеменил неуверенной походкой к кустам, где лежала Маша.

Буквально-то пара шагов.

Внезапно остановился.

Во влажных глазах всё вокруг выглядело каким-то неполным. Неполноценным?

Практически идеальная тишина. Мир из окна и с земли — совсем разный. Тут же сверху, словно из воображаемого водопада воображения, на двумерную картинку загрузились мелкие детали, подробности и мелочи. Мир обрёл реальность. Всё, что казалось плоским сверху, здесь стало более чем трёхмерным.

Реальным своей убийственной безразличностью.

Никто здесь не мог за него вступиться. Пожалеть. Подсказать. Поддержать.

Этому миру было наплевать на то, что уже произошло или произойдёт сейчас. Впрочем, как и всегда.

Но не всё равно было его семье. Родным его судьба не безразлична.

«Может, убежать? Успею же? Что тут бежать-то?»

Покачал головой.

«Идиот. Даже ножичка с собой не взял! Какой я тупой!»

Обернулся к подъезду, подумал: может, вернуться за оружием.

«Идиот, нет времени».

Снова засеменил к Маше.

***

У голода нет никаких сомнений.

Ни крик, ни боль, ни поедатели не могут помешать утолять голод.

Особенно, когда можно есть сок.

Он почувствовал новый запах!

Запах еды, но чуть-чуть другой.

Да! Да! Да!

Теперь даже если он не догонит поедателя поедателей, ему всё равно достанется сок.

Он разразился радостным воем!

Поедатель, что бежал впереди, подхватил и тоже завыл!

***

— Уууууух, блин, — вой, разорвавший тишину, заставил Сашу семенить быстрее.

«Раньше ж выли только по ночам? Интересно, почему? Нет, интереснее, почему они сейчас завыли. Где-то уже рядом!»

Подошёл к кустам. Выглянул из-за них, не выходя на придомовую дорожку.

«Надо понять, что с ней, а потом рвануть домой. Может быть…»

Всё вокруг — грязное мокрое овощное пятно с красноватыми островками смородины. Его работа. Его победа.

Маша по пояс залетела в густой шиповник. Грубо говоря, лежала наполовину в кустах.

— О нет, нет, нет, — зашептал Саша, когда увидел её неподвижной.

Надежда на спасение таяла. Женщина не шевелилась. Никаких признаков жизни.

Можно ли всё это считать признаком нежизни?

«Надо хотя бы её вытащить… Хотя бы попробовать».

Саша вышел на дорожку. Отошёл в сторону. Обходя место драки, не наступая в овощную мокроту, чтобы лучше рассмотреть, кто где.

Всё лицо Маши в крови и грязи. Неподвижна.

Блумб! — его нога ударилась о канистру.

«Бенз!» — Саша медленно наклонился и взял за металлическую ручку.

Вернул неуверенный взгляд на женщину.

«Жива она вообще или нет, твою мать?!»

Саша стоял оторопев. Трясся так, что в канистре булькал бензин.

«Может, уже покусана, и не стоит к ней подходить? Сожрёт ещё?» — но всё же сделал робкий шаг вперёд. Потом ещё один.

Услышав шум, повернул голову влево. Два «бывших» мчались прямо на него.

Сорвался с места и пулей залетел в подъезд!

Нежизненный опыт

Юрик работал на овощебазе грузчиком. Был выше среднего, крепче среднего и выпивать любил больше. Среднего. Всей своей природой превосходил усреднённого обывателя.

Сейчас он нёсся на Сашу, потому что человеком уже не был. За ним ковылял ещё один «бывший», отчего-то начавший жалобно подвывать, когда Юрик его обгонял.

***

Саша вбежал в баррикаду в подъезде как в море, расступившееся перед Моисеем. За что-то зацепился. Упал на бетонный пол. Отбил рёбра. Через несколько секунд ползком с хрипящим дыханием выбрался к ступеням. Встал и побежал наверх. Боли не чувствовал.

Внизу кто-то ударил по тяжелой металлической двери. Саша ошалело оглянулся на звук, влетел в квартиру тёти Гали и закрылся. Побежал на балкон.

Булькнула канистра. Мужчина тупо уставился на свою немного оцарапанную руку, сжимавшую её. Совсем забыл про бензин для ненайденной машины.

«Как же я с ней полз?»

Поставил на пол.

Осторожно выглянул на улицу.

«Второй» и «первый» били и тыкали пальцами в подъездную дверь.

Два неживых существа пытались войти в дом.

Один был выше Саши как минимум на голову. Крупный мёртвый тип. Всё его почерневшее тело выделялось неестественной вытянутостью. По крайней мере, с высоты третьего этажа его руки, пальцы, да и ноги казались чуть более длинными, чем задумывала матушка-природа.

«Наверное, он уже переходит в "третьего" раз такой удлиняющийся?»

А «первый» выглядел в общем-то как обычный «первый». Хотя, может, и нет. «Почти третий» был грязный, чёрный, в обрывках

одежды до локтей и колен. У другого же штаны и рубашка с длинными рукавами остались в лучшем состоянии.

«"Первый" оказался более… аккуратным? Что за чепуха?»

Хорошо, что не запирающаяся на замок дверь в подъезд их остановила. Саша сначала, к собственному удивлению, даже хотел посмеяться над мёртвыми дураками. Но причины для юмора быстро исчезли.

«Первый» ковырял дверь пальцами сбоку. С той стороны, где её можно поддеть и открыть. Взяться за ручку они не сообразили, но… тот, что был поменьше всё-таки сумел просунуть пальцы в щель и подцепить.

— Какого чёрта? — удивился Саша, и одна морда медленно поднялась в его сторону.

С ужасом понял, что произнёс свои мысли вслух.

«Первый» как будто действовал интуитивно, а не осмысленно. Знал, что с этим листом металла что-то можно сделать. Но как именно — не понимал или не помнил. Чему удивляться? Даже кошки учатся открывать лёгкие межкомнатные двери, толкнув их лапами. Особенно, если видят, как другая кошка это делает. Тогда они обучаются ещё быстрее. А тут «бывший», у которого для этого есть всё — руки, время и, видимо, какие-то остатки мозгов.

Саша очнулся от оцепенения и побежал на кухню. Схватил две литровые банки, что оказались ближе всего. Вернулся на балкон.

«Второй» уже начинал карабкаться вверх по оконным решёткам.

Первая банка пошла!

«Странная парочка. "Второй" не умеет открывать двери, но понимает, как лазать по решёткам. И "первый", который знает, что дверь можно открыть. Почему не наоборот? Я думал, что "вторые" не только сильнее, но и умнее».

Банка ударилась о стену как раз над Юриком. Комок серо-зелёной овощной каши упал прямо на морду. Фыркнул. Начал трясти головой, чтобы очистить глаза. Тёрся мордой о стену, осколки резали щёки.

Но рук не отпускал. Возвращаться вниз не собирался. Замедлился, но не отказался от вкусной цели.

«Почему они не начали жрать Машу? Не заметили пока? Запах овощей сбивает с толку? Или не могут удерживать в голове две цели одновременно?»

Второй банкой Саша запустил в «первого». Тот уже просунул за дверь ладонь, но не догадывался потянуть на себя. Мужчина не стал смотреть, куда попадёт снарядом, а побежал за новыми в кухню.

Словно попав на аттракцион невиданной меткости, банка ударила точно по левой руке «первого». Разбилась, забрызгала всё малиновым вареньем, будто тёмной густой кровью. Кисть руки «бывшего» неестественно изогнулась и болталась на неразорванном мясе. Пальцы не шевелились. Неживой, взвизгнув, отступил. И посмотрел наверх.

Он увидел «второго», который лез на второй этаж. Яростно заорал и прыгнул на него, неожиданно легко сорвав с решётки. Удачно подмяв противника под себя, «первый» начал колотить по нему руками. И его нисколько не заботило, что одна из них должна быть переломана.

***

Когда Юрик упал, на него накинулся поедатель.

Он начал на него нападать. Он бил его. Он откусил ему нос.

Расцарапал глаз.

Когда что-то отвалилось от лица, перестало его слепить — Юрик понял.

Понял, что они соперничают.

Соперничают за сок. Тот сок, за которым лез Юрик, захотел съесть мелкий поедатель.

Пока «второй» соображал, «первый» отхватил у него ещё и ухо. Пережёвывание хрящей отвлекло нападавшего на пару секунд, и удары стали реже.

***

Поставив две трехлитровых банки на пол, Саша выглянул с балкона. Лицо исказила гримаса удивления: «первый» колотил «второго».

«Что тут произошло?»

Это противоречило всему, что он надумал, нанаблюдал и напредполагал об этих существах. Потому что «первый» — самый слабый из «бывших» и не должен нападать на «второго». Хотя бы из-за того, что сам слабее.

«Но кто сказал, что не должен? И почему прям обязательно слабее? Может быть, здесь нет всё-таки каких-то жёстких законов одинаковости и однообразия? То есть, да, "бывшие" делятся на виды, как-то антиэволюционируют, становясь ещё большей мертвячиной. Но

ведут себя так же, как и люди, в том смысле, что каждый по-своему? Этот мир бывших людей такой же нестатичный, как и человеческий? Когда пять человек идут в один и тот же магазин за одним и тем же товаром, но обладают свободой выбора — выйдут из магазина они с разными покупками. Кто-то купит только то, зачем шёл. Другой вообще забудет про это и возьмёт кучу ненужных ему мелочей, а остальные тоже прикупят чего-то сверх того, за чем собирались. Может быть, так и здесь? Мир и поведение "бывших" нестатичны? Видимо, сценариев много. Каждый может, но необязательно будет на один и тот же раздражитель реагировать по-своему. Да, они чувствуют силу сильного, право сильного на добычу. Но могут с этим не соглашаться? У них есть опыт? Нежизненный опыт?»

«Второй» принял соперничество «первого». Резко изогнулся, упершись головой в землю и практически встав на мостик, притянул за грудки врага и впился ему в шею зубами.

«Значит, котелки варят? Какие-то куски нейронных связочек-то остались? Твою ж мать…»

Саша почему-то посмотрел в угол балкона. Среди беспорядка его взгляд зацепился за бутылку шампанского, заткнутую пробкой.

Шорты. Гольфы. Берцы

Вынул пробку. На пол прокисшую жижу полусладкого, но уже не игристого. Кислый запах.

«Так, канистра».

Подтащил. Двумя пальцами на крышку — давим-давим. Цок-скрип. Открыто.

Боль под ногтями.

Запах бензина.

Большая алюминиевая кастрюля. На её заплесневелое дно — бутылку. Приставляем канистру к горлышку. Медленно. Очень медленно. Поднимаем одну сторону, чтобы начало переливаться топливо.

«Тяжелая».

Руки устают. Булькает. Тоненькая струйка вырывается из широкой горловины. Немного попадет на пол. Потом на дно кастрюли. Только после этого в бутылку.

Льём. Льём.

«Хватит».

Тряпки из тумбочки с хламом.

«Так… сначала соберём одним краешком то, что пролилось на пол. Потом оботрём саму бутылку. Так, хорошенько. Ещё раз всё вытрем».

Вскочил. Бегом на кухню.

«Спички? Где здесь спички?!»

На столах — нет. В шкафчиках — нет.

На полу?

Маленькая коробочка зажата между плитой и кухонным гарнитуром. Наклонился. Просунул руку.

«Так-так» — кончиками пальцев.

Дотянулся, вытащил. Коробок в паутине, каплях жира, во всём, что скапливается в потайных уголках кухни.

Встряхнул. Что-то болтается внутри. Назад на балкон.

Выглянуть в окно.

«Что там с Машей?»

***

Словно смотришь на мир, сидя в барабане стиральной машинки.

Маша разлепила глаза. Помутнение сквозь боль и беспамятство.

Через сколько-то ударов сердца она вытащилась из кустов. Села? Поднялась? Вытащилась?

Больно всему лицу и где-то слева.

Мимо прошли родители. Под ручку. Одетые по-летнему. Улыбались.

Виталик бегал с мячом по парковке, чуть дальше. Шорты. Гольфы. Берцы за 3899 по скидке. Не холодновато ли?

Он тоже ей улыбался.

И Маша улыбнулась. Им всем.

Потом из размытого ничего вдруг вылетела чёрная фигура.

***

Саша увидел, что к Маше подобрался ещё один «первый». На этот раз с другой стороны дома. Неживой начал вытаскивать из кустов тела. «Бывшего-калеку» отбросил в сторону и стал тянуть за ногу Машу. Потом укусил её, но кажется, бумажная броня спасла. По крайней мере так казалось с третьего этажа. Разъярённый «первый» встряхнул жертву, и та каким-то образом села.

И словно очнулась! Только… смотрела в противоположную от нападавшего сторону. Как будто его здесь и не было.

— Маша! — слабо крикнул Саша и проследил за её взглядом. — Чёрт-чёрт!

Эту вечеринку решил порадовать своим визитом очередной «первый». Как стало понятно из траектории его бега, выразить своё почтение он сперва собирался единственной в компании женщине.

Чиркнул спичкой. Поджёг тряпку в бутылке. В страхе, что та взорвётся у него в руках, сразу же бросил в «бывшего», мчавшегося в сторону Маши.

Огненная смесь, заточённая в не самом хрупком стекле, по счастливому стечению физических и математических законов угодила «первому» в плечо. Но видимо, этот неживой ходячий скелет оказался всё же слишком мягким, и бутылка не разбилась о его кости. Тварь подскочила на месте!

«От испуга?»

«Бывший» закрутил головой, пытаясь вычислить опасность. Увидев предмет, ударивший его, набросился. Стал бить бутылку кулаками, пытался укусить. Через секунду Саша услышал:

Пуфф — и «первого» охватило пламенем.

До Маши волна огня не докатилась. Но кажется, горящие капли разлетелись далеко по сторонам.

Жидкий огонь коснулся и всё ещё дерущихся «первого» и «второго», которые несколько минут назад пытались открыть дверь в подъезд.

Неживой «огнеборец» встал и медленно пошёл вперёд. Иногда начинал резко крутить головой, взмахивать руками, будто пытаясь отбиться от мошкары. Пройдя мимо Маши, он посмотрел на «первого», терзавшего её, и дал ему огненную оплеуху. А может, просто хотел на что-то опереться? Тот вскочил и, подпрыгнув, с размаха ударил горящего так, что он упал на колени. Но «бывший-факел» смог встать и двинулся дальше. «Первый» сопровождал его поворотом головы, на которой полыхала огненная корона. «Горячий» не финский парень вышел на дорогу, что, поворачивая с Кирова, вела мимо дома внутрь дворов. И там уже свалился. Окончательно. Следы пламени стали медленно расползаться в стороны по сухой мусорной корке, закрывшей землю.

Саша снова побежал на кухню. Теперь уже в поисках новых бутылок. Там ничего не оказалось. Вернулся в зал, из которого выходил на балкон. В «стенке» за стеклянной дверцей стоял графин в форме крепости или башни.

«Сойдёт».

Графин в кастрюлю. Прислонил канистру. Наклонил. Буль-ль-ль... Подождал. Взял остатки тряпки. Протёр графин. Засунул тряпку. Вытер графин об куртку ещё раз. Поджёг. Бросил слева от Маши.

Попал на асфальт, чуть прикрытый засохшим мусором.

Пууффф — слева и справа вокруг подъезда полыхало. Стена огня! Теперь другие «бывшие» не смогут так просто подойти к ним. Оставалось разобраться с «первым», что пытался сожрать Машу. Сейчас тот как будто про неё забыл, наблюдая за поджаривающимися останками «огнеборца», который его ударил.

***

Родители отошли к Виталику и стояли рядом обнявшись. Мальчик выделывался. Крутил любимые финты с мячом и бросал гордые взгляды на бабушку с дедушкой.

Маша посмотрела налево. Какой-то мерзкий человек, похожий на местного муниципального депутата, рвал её куртку. Нет, мелковат. Наверное, сын того депутата, а не он сам.

«Гадёныш».

Маше он не понравился. И с этим нужно было что-то делать. Она засунула руку в карман. Вытащила пистолет. Щёлкнула предохранителем. Направила дуло в голову трясущейся твари.

Тыщщ — больше похожий на хлопок петарды.

Раскидав остатки своих мозгов, «бывший» завалился в полыхавший за ним огонь. Маша оглядела себя и заметила, как маленькие капельки пламени разрастаются на её грязной мокрой одежде. Если бы не впитавшийся после бомбардировки солениями рассол, бушлат бы уже давно вспыхнул. Тем более при такой погоде.

***

Саша услышал какой-то хлопок. Он собирался выходить за Машей и истерично рылся в вещах в поисках хоть чего-то, напоминающего оружие. Но пока время уходило впустую.

Видимо, это была комната тёти Галиной дочки. На компьютерном столе мелькнула какая-то ручка, заваленная бумагами и книгами. Ручка как у пистолета.

Удивлённо подняв бровь, небрежно откинул всё лишнее — перед ним оказался мини-арбалет. Да, именно он! Пыль, дохлые комары, отсыревшие слипшиеся листы и арбалет. Прицел отломан и заменён какой-то кривой проволочинкой. Тетива в паре мест начала распускаться.

Мужчина оторопел. Оглянулся. На книжной полке лежала пластиковая упаковка, а в ней три коротких стрелы. Сначала показалось, что это маркеры, но нет — стрелы, с металлическими наконечниками.

— Что за бред? — спросил он, совершенно случайно нажав кнопку предохранителя и натягивая тетиву специальным рычажком. Так-то сразу и не догадаешься, как его… зарядить.

Получилось. Вставил стрелу. Остальные в карман. Выходя, схватил на кухне небольшой нож и деревянную табуретку.

Вооружившись настолько нелепым образом, Саша побежал вниз.

***

Огонь медленно пожирал сухую корку из листьев и мусора на асфальте. Расползался в стороны.

Родители помахали Маше рукой. Она им улыбнулась. Маму и папу, и даже Виталика не смущало, что её лицо в крови. Женщина была больше похожа на того, чью голову только что избавила от излишнего напряжения, чем на человека.

Родители махнули ей рукой, приглашая к себе. Виталик оставил игру с мячом. Посмотрел с ожиданием. Маша несколько раз кивнула и поднялась на ноги. Сделала шаг к огненной стене и приставила пистолет к виску.

Слёзы из глаз размывали кровь на лице, оставляя бороздки чуть посветлее.

Скрипнула подъездная дверь.

Мир затянуло дымом.

Оружие

Ещё полчаса назад корка из травы, листьев и мусора хрустела под ногами. Теперь — она пылала. Огненное пятно разрасталось в стороны от внутреннего дворика красной пятиэтажки, огибая мокрый островок возле первого подъезда.

Пожар выглядел серьёзнее, чем просто подожжённая трава весной. Всё-таки была осень. А мусорный слой оказался толще и горючее, чем можно было предположить.

Скрипнула дверь. Стукнула, приставленная к ней табуретка.

— Ты что?! — заорал Саша, увидев приставленный к виску пистолет.

Избитая женщина пошатываясь стояла почти в центре грязно-мокрого пятна. Под ногами огурцы, смородина. Вокруг стена огня. Запах дыма, рассола и горящей плоти «бывших».

Рука с пистолетом дёрнулась и чуть-чуть опустилась. Пытавшаяся застрелиться — медленно обернулась. Лицо — кровавая клякса, не выражало ничего. Да и как прочитать эмоции, если они все замазаны красным гримом? Хотя всё понятно и так.

Саша открыл было рот…

Маша вздрогнула. Слева, в огне, раздалось несколько хлопков, похожих на лопанье воздушного шарика. Огонь добрался до одной из брошенных машин, и первыми испустили дух её шины. После протяжного свиста и маленького взрыва она превратилась в факел. Из того, что удалось разглядеть: легковушка не взлетела на воздух, как показывают в кино. Просто здорово качнулась, словно стараясь подпрыгнуть. Вылетели стёкла, сорвало капот, и её целиком охватило пламя. Жидкий огонь, теперь уже и из бензобака, стал растекаться дальше.

Едкий дым от горящей резины медленно расстилался по округе, плохо поднимаясь в небо. Слабый ветерок со стороны Нормандии-Неман всё-таки чуть-чуть помогал, снося чёрную дымную вату в сторону от места схватки.

Словно очнувшись, Маша испуганными глазами посмотрела на Сашу. Он, оставаясь в дверях, замахал ей руками.

— Сюда! Иди ко мне! — кричал, хотя они стояли не больше чем в десяти шагах.

Женщина, едва держась на ногах, озиралась по сторонам. Будто не понимала, что происходит вокруг. Да и кто бы понимал, очнись он после нокаута в огне, грязи и дыме?

— Ну какого ты там стоишь?! Давай, заходи! — взмолился Саша, уже собираясь выбежать навстречу.

С хрустом. Словно робот-убийца из фильмов про Терминатора. Справа из-за кустов появилась горящая фигура «второго». Того самого, что пытался залезть на балкон, а потом бился со сбрендившим «первым». У него пылала спина, руки и часть головы. В остальном «бывший» оставался негорючим.

Саша что-то заорал Маше и начал поднимать арбалет. Ни один диктофон не смог бы захватить разборчиво его слова в тот момент.

Тварь напряглась и как будто немного присела.

Удар сердца.

Маша перевела испуганные глаза с неживого на Сашу. Словно спрашивала: это ещё что такое?

«Второй» прыгнул, оставив на земле рытвины оттолкнувшимися лапами.

Второй удар сердца.

Саша всё ещё поднимал руку для выстрела, но прицеливаться было уже не в кого.

«Бывший» летел на свою жертву. Кусочки пламени будто отрывались на скорости от его тела и оставляли горящий след в воздухе. Комета смерти.

Маша начала направлять пистолет в сторону клыкастой опасности.

Ещё удар сердца.

Неживой прыгнул на женщину, повалив её на спину.

Хлопок выстрела.

Звук падения тел.

Саша наконец-то поймал в прицел «второго» и выпустил стрелу из арбалета ему в спину.

Чёрные, похожие на осколки камней, зубы впились в Машино лицо.

Она закричала.

«Бывший» едва дёрнулся, когда что-то вонзилось ему в область левой почки.

Крича, содрогаясь от страха и злости, Саша рванул спасать Машу.

Он всё понимал.

Абсолютно.

Тварь выше его на голову. В руках кухонный нож для картошечки. Наверное, его сейчас начнут покрывать гематомами. Или переломами. Маше каюк. И его каюк наступит совсем не намного позже Машиного.

А буквально полчаса назад всё ещё было прекрасно. По сравнению с этим моментом. «Бывшие» где-то прятались, солнце светило, Маша могла вот-вот найти машину…

Саша нелепо бежал с поднятыми руками. Наверное, подсознательно стараясь выглядеть больше, крупнее. В левой держал ножичек. Уже почти настигнув неживого, мужчина с силой замахнулся. «Второй» резко обернулся и отмахнулся от него лапой.

Как от мошки.

Целился в голову. И попал. Но Саша смог прикрыться и смягчить удар. Не зря же он руки поднимал. Но несмотря на неловкую попытку поставить блок, звёздочки в глазах намекали на столкновение с чем-то, похожим на небольшой поезд.

Саша повалился в огонь. Упал на что-то мягкое, как будто даже брыкнувшееся, и отлетел в сторону, за границу пламени.

Горячо!

Куртка вспыхнула в нескольких местах. Начал кататься по земле, чтобы потушить.

Вскочил на ноги.

Расстегнулся.

Оглянулся.

Сзади бежали ещё несколько «бывших».

— Да сколько же вас!

Кинул себе под ноги, в огонь, куртку, превратившуюся в тряпьё.

— Уффф… — и закрыв лицо, прыгнул в пламя, чтобы вернуться назад к подъезду.

Перелетев через горящую землю, Саша свалился на «второго». Тот грыз Маше руки, пытаясь добраться до более вкусных частей. Женщина злобно орала, брыкалась, но не могла освободиться.

Ударом столкнувшись с неживым, удалось немного спихнуть его с Маши. Взревев, Саша обхватил тварь руками и попытался повалить эту вонючую тушу на бок.

«Бывший» бы, наверное, рассмеялся, если бы умел, от таких неуклюжих попыток его задержать.

— Держи эту су… — прохрипела Маша, извиваясь под «вторым» в попытках выбраться.

Саша не верил в свою победу. Да и просто в возможность долго удерживать этого ненормального противника. Он искал глазами хоть что-то, чем можно было бы треснуть неживого по голове или…

И тут Саша понял.

Правил в этой игре не существует.

Их вообще нигде не существует, когда ты хочешь победить. Законы, правила, очереди — для нерешительных и дураков.

Если у тебя нет оружия. Стань оружием сам.

Сам…

Твой ум. Тело. Руки. Всё это — твоё самое надёжное оружие.

Или. Только это и есть твоё настоящее оружие. Единственное оружие — это ты.

Я — оружие.

Мужчина обхватил голову «бывшего» левой рукой, а правой со всей силы засадил ему в глаз указательным пальцем. От «мягкого отвращения» его даже немного вырвало на противника.

Саша закашлялся сплёвывая. Тварь взревела и ударила его локтем в грудь.

— Эээээкххх, — захрипел и повалился назад как подстреленный зверь. Согнув палец, помещённый в чужой череп, потянул неживого за собой. «Второй» перевернулся, резко дёрнул башкой, освободился и начал колотить Сашу руками.

Но уже как-то вяло, часто замирая на пару секунд. И промахиваясь.

Маша, избавленная от веса неживой туши, кое-как, пошатываясь встала позади бывшего человека. Трясущимися руками достала из-за пояса второй молоток. Со всей силы ударила по затылку.

Хрусь. Хрусь. Хрусь.

Пара неразборчивых матных слов.

Тварь повалилась на бок. Маша схватила Сашу за руку и поволокла в сторону подъезда.

Из огня начали выскакивать фигуры «бывших».

Что-то противно-злое

Саша подскочил. И поплёлся за Машей, иногда падая на четвереньки, а то и вовсе тыкаясь лицом в рассольную грязь. Женщина и сама еле держалась на ногах, но старалась тащить за собой товарища.

Где-то рядом громкий хлопок-взрыв вспугнул «бывших», что выбежали из пламени. Неживые дёрнулись в сторону, отвлеклись и позволили «сочной» добыче ускользнуть.

Маша подтолкнула Сашу в подъезд, тот так и упал сразу у входа. Пнула ногой табурет, придерживавший дверь, и сама без сил повалилась назад.

Металлическая пластина на доводчике медленно встала на место и погрузила подъезд в темноту.

Закрыто. Не приходите завтра.

У Саши звенело в голове из-за нескольких пропущенных от «второго». Тошнило. Тряслись колени и локти. Нет, как будто из коленей и локтей дальше по всему телу расходилась дрожь. Странно-неприятные ощущения.

Обидно. Страшно. И жалко.

Себя жалко.

Маша перевалилась на спину со стоном. Её голос оторвал мужчину от созерцания собственной ничтожности. Он понял, что свернулся калачиком возле двери и дрожит.

Темно.

Но видно.

Холодно. Мокро. Потно. И вонюче. Вонь от себя.

Без куртки на бетонном полу, и правда, не жарко.

Кто-то заскрёбся в дверь.

Не сговариваясь. Спасшиеся вмиг повернули головы. Стали подниматься, копошиться. Начали строить баррикаду.

Дверь не запиралась изнутри. Проход хорошо бы завалить.

Машу вырвало.

— Ты иди, — прохрипел Саша, — когда пришлось открыть рот, оказалось, что горло пересохло. — Я прикрою тут всё.

— Аха, — сплюнув, ответила женщина и начала пробираться сквозь завал к ступеням.

Саша проводил её ошалелым раздваивающимся взглядом. Медленно развернулся к двери.

А та снова сказала ему:

Цок…

Трясущимися руками, слегка пискнув или пискляво хрипнув от накатывающей истерики, придвинул к двери тумбочку на колёсиках. Оглянулся, скривил лицо. Отодвинул её назад. Приставил хлипкую деревянную дверку. Подпёр тумбочкой. Покивал сам себе.

Затем загородил проход неровным рядком из узких полосок МДФ, возможно, боковин шкафа. Потом его пальцы сжимали и разжимали ещё какие-то предметы...

Очнулся, когда сзади не осталось ничего. Вся хаотичная масса была упорядочена перед ним в баррикаду. Обессилено выдохнув, он хотел снова свернуться калачиком и продолжить жалеть себя. И уже начал опускаться на пол прямо тут, но опять услышал:

Цок…

И, едва присев, подскочил. Как пьяного, его повело в сторону. Выпрямил руку. Опёрся на стену.

Двинулся к ступеням, не спуская глаз с баррикады. Спиной вперёд.

Ненадёжно. Не на совесть. Не на века.

Но сил на это больше нет.

Снаружи снова послышались хлопки. Оттуда вообще нарастало какое-то странное гудение.

Взявшись за перила, начал медленно подниматься. Пахло дымом. Потом. И рассолом.

И, кажется, жареным мясом.

Голова едва соображала.

Мозг неустанно предлагал картинки недавнего избиения: когда «бывший» несколько секунд нещадно его колотил. Память сама себе на уме…

«Хотя так ли нещадно?» — Саша посмотрел на указательный палец. Бурый, даже почти чёрный от засохшей крови. Или что там у них вместо крови.

Продолжил подниматься.

Очнулся на третьем этаже. Две двери открыты: одна в квартиру тёти Гали, другая в соседнюю.

***

Юрик с проломленной башкой дрыгался в луже из рассола. Рядом шипел огонь. Зрачок единственного глаза бесконтрольно сужался и расширялся.

Со всех сторон что-то хлопало, ухало и стреляло.

«Второй» помирал.

Примерно так же, наверное, он себя чувствовал, когда из-за пьянки не выходил на смену на овощебазе. Примечательный момент: за день платили девятьсот рублей, а за прогул штрафовали на тысячу двести. Плюс, когда не появляешься не работе, то не можешь воровать и есть фрукты. Так что потери испытываешь значительные.

Нервная система и мозг больше не могли договориться, как им действовать слаженно. Самые важные органы не только поражены неизвестной заразой. Но и повреждены известным предметом.

Молотком.

А ещё и дополнительный урон от Сашиного указательного пальца.

Юрик что-то похрипывал, когда из огня, чёрный как головешка, выполз «первый». Тот, что мечтал отведать сока. Тот, что вцепился в него в самом начале. И всё испортил.

Назовём его «Тот»?

Почему он не умер? Кто его знает. Как не сгорел совсем? Новая загадка века. Может быть, просто оказался тем, кто не собирался перед лицом (или огнём) трудностей отворачиваться от мечты? От сока. И возможно, будучи в прошлой жизни мотивационным коучем или каким-нибудь антикризисным менеджером, он не разрешал себе вот так просто сгореть и не выполнить план? Не в мою смену, как говорили такие ребята… Да нет, пожалуй, это всё ерунда, и ему просто повезло. Обстоятельства сложились больше в сторону его нежизни, чем совсем-совсем смерти. Да и не так уж это и важно.

Когда копчёный «первый» дополз до Юрика, вцепился остатками зубов в его шею. С усилием вырвал небольшой кусок из места, где располагался кадык. Начал медленно жевать.

Юрик зашипел, засвистел. Даже попытался схватить противника плохо работающими руками. «Тот» мягко отстранял или придавливал

его лапищи, как кот, ловивший хозяйскую ладонь, мешающую ему спать.

Совсем скоро Юрика не стало. «Первый», желая вкусить сочной еды, пополз в сторону подъезда. Оказавшись возле двери, он прислонился плечом к стене — попросту завалившись на бок, и начал ковырять кривыми пальцами дверную щель. «Бывший» помнил — что-то с этим можно сделать.

Цок…

***

— Их тут полно, — Маша «по стеночке» вышла из квартиры. Ладонь аккуратно прижата к лицу, словно при зубной боли. Направилась к тёте Гале. — Толпы. Вокруг дома. Почему всё горит?

Саша тупо уставился в пол, придумывая ответ. Когда поднял глаза, собеседница уже ушла. Он поплёлся вслед за ней в «овощехранилище».

—Так давай их сожжем.

— Что? Чем?

— Я твою канистру принёс.

— Как? — после долгой паузы удивилась женщина, совершенно забывшая о том, что было до нападения.

— Ну так, не знаю, — смутился Саша.

Надеялся, что не прозвучит вопрос, почему он не затащил в убежище её.

Спасшиеся люди и сами выглядели как «бывшие». Грязные. Лица в крови. Одеты как оборванцы. Глаза пустые. И запах…

— И где он?

— Кто? — испуганно спросил.

— Бензин, кто!

— Вон, — Саша махнул рукой в сторону балкона.

Тяжело вздохнула. Подвигала челюстью в стороны. Скривила лицо. Замерла. Не стесняясь сплюнула прямо на пол.

— Иди в соседнюю хату. Ищи там бутылки, — потрогала свой висок и поморщилась от боли. — И такая там детская гитарка электронная валялась, — зловеще хохотнула и охнула от боли. — Её тоже тащи. И скотч, если увидишь.

— Зачем?

— Тащи бегом!

Тяжело вздохнув, Маша с решительным видом направилась в сторону балкона. Что-то противно-злое было в её глазах.

Люди с серьёзными глупыми лицами

Тело — боль. Лицо — ссадина. Будущее — покинуло чат.

Маша достала из закутка в кухне несколько пятилитровых бутылок из-под воды. Пустых.

Захотела сесть на стул, но поняла, что тогда уже не сможет встать.

Прошедшие полчаса и помнила, и нет. Память, словно «плохой» интернет, подгружала информацию скачками.

После того, как она почти расправилась с калекой-трупником, и слева возник тот «бывший», из головы пропал здоровенный кусок цветных картинок. Когда очнулась, вокруг вовсю полыхало. Хотя теперь на это всё было уже наплевать.

Потому что. Лицо. Не ссадина.

Лицо — рана.

Лицо — следы зубов «второго».

Укушена.

Заражена.

Убита.

— Чёртовы грёбаные американосы… — прохлюпала губами Маша. — Фуууххх.

До неё дошло.

Жизнь — крест. Будущее — гроб.

Хотя нет.

Гроб — это для людей.

Женщина попробовала прислушаться к себе. К тем самым, всегда непонятным внутренним ощущениям. Меняется ли что-то?

— В жизни всё бардак, — грустно произнесла. — Значит, пока без изменений.

Пока — человек.

***

Саша зашёл в квартиру. Мебель — МДФ под орех, линолеум под ламинат, лампочка всё ещё без люстры. Вмятые уголки дешёвых межкомнатных дверей с ламинацией под тот же орех.

Пахнет дымом с улицы.

Прямо и направо. Детская комната. Почти всю занимает большой диван. Наверное, белорусская мебель, тут рядом есть магазин. Был… Везде, где не диван — игрушки.

Постоял. Покачал головой.

Перешёл в другую комнату. Зал с ещё большим диваном. Шкаф во всю стену.

Открыл.

Одежда на вешалках.

Скинул свои штаны, надел какие-то узкие джинсы, а наверх синтетические спортивки с подкладкой в сетку. Молнии на карманах сломаны. Свитер и футболку заменил на футболку и два свитера. Шарф и смешной пуховик до колен цвета хаки. Несмотря на жару на улице, внутри зданий было прохладно, а по ночам холодно.

На кухню.

Холодильник. С отклеивающейся резинкой между дверью и корпусом. Внутри маленький шкалик с уксусом. Полупустая бутылка водки.

Достал. Пробку на стол. Дунул в маленькую розовую кружечку. Пыль.

Кап-кап-кап «беленькой».

Выпил.

Налил.

Выпил.

Налил ещё.

Подумал.

Выпил.

Скривил лицо. Медленно выдохнул. Проморгал в глазах слёзы.

Остатки в другую, большую кружку.

«Пустая бутылка номер раз!»

Уксус — в раковину.

«Пустая бутылка номер два».

Лёгкость в голове.

***

Цок…

Дверь слегка скрипнула, когда «Тот», будто случайно, сумел её приоткрыть и просунуть пальцы в щель.

Неживой замер. Обгоревшая ладонь наполовину исчезла за металлом.

Он задрожал. Зафыркал. Начал дёргаться.

Рука выскочила из щели.

Дверь закрылась.

«Первый» посмотрел на свои пальцы. Пустой, почти бездумный взгляд скользил по обгоревшей коже.

Сжал. Разжал. Сжал. Разжал.

Посмотрел на дверь.

Снова сжал и разжал.

Потянулся к двери. Сжал и разжал пальцы. Они царапнули по металлу.

Снова.

Снова.

И снова.

Если бы «Тот» догадался перевернуть руку. И царапать от стены к двери. А не наоборот. Справился бы быстрее.

Шхкряб…

***

Достала из ящика стола открывашку. Ткнула в крышку ближайшего трехлитрового компота. Налила в кружку. Жадно выпила.

Открыла стенной шкафчик. Внутри — десятки банок. Подумала. Вытащила самые маленькие, с закручивающимися крышками. Отнесла на балкон. Поставила в таз. Начала разливать бензин.

Итого: 6 банок.

— Ты где? — голос из коридора.

— На балконе!

С шуршанием нового пуховика в комнату зашёл Саша. В руках две бутылки.

Лицо Маши перекосила гримаса боли. Тяжело улыбаться разбитой физиономией. Саша был похож на школьника-переростка. Не хватало только подвернуть штаны и взять колонку в руки. Его измождённое лицо было точь-в-точь как у моделей в журналах. Маша никогда не могла понять, что за эмоции на их лицах. Они казались ей глупыми. Люди с серьёзными глупыми лицами. Таким сейчас выглядел и её напарник по выживанию.

— Нда.

— Чего?

— Хорошо, что все уже умерли, и тебя никто не увидит.

— Да чего? — удивился мужчина.

— Где гитарка? — спросила Маша и поёжилась как будто от холода.

Саша вопросительно прищурился. Потом его глаза расширились. Поставил бутылки на пол и зашуршал назад.

— Да… Господь, жги. Этот мир было уже не спасти, — снова попыталась улыбнуться.

По телу прошла волна дрожи.

«Что-то я замерзаю».

***

Дымом пахло сильнее. Мозг старался сохранить своего носителя в более или менее адекватном состоянии. Поэтому оставлял его разум пустым и не допускал появления сложных мыслей.

Саша зашёл на кухню и налил себе ещё в розовую кружечку.

«Зачем переливал из большой кружки в маленькую, если и так можно было отпить?»

Низачем. Привычка.

«Не умею оставлять».

Прошёл в детскую комнатку.

— Гитарка, блин, — презрительно фыркнул.

Пока стоял, понял, что покачивается и смотрит в одну точку. Думает об игрушке. Но не ищет её. Провёл ладонью по лицу, чтобы размять:

— Сссс, — шикнул сам себе на боль от прикосновений. — Меня ж по морде били…

Гитаркой оказалась фиолетовая пластмассовая скрипка, с десятком кнопок и струнами-клавишами.

«Как ребёнок мог понять, что здесь нажимать? Интересно, Мишка быстро бы разобрался?»

Взял в руки. Перевернул. Передвинул сзади рычажок в положение «Вкл». Игрушка сразу же запищала, замигала убийственными цветами. Рычажок на «Выкл».

Виууу — заглохла скрипка.

— Так, а ещё ж… — задумчиво вышел из комнаты.

Вошёл в соседнюю. Начал рыться в шкафу-стенке. Постельное. Одежда. Удлинитель. Непрозрачный скотч.

— Ага, — побежал к Маше.

***

Начинало знобить, как при простуде. Страшно хотелось пить. Маша опустошила уже три кружки компота, когда, словно спустившись с хип-хоп сцены, шурша пуховиком, появился Саша.

— Когда новый клип?

Ничего не ответив, мужчина поднял руки со скрипкой и скотчем. И люто посмотрел на Машу.

Кивнула:

— Молодца. Теперь будем гасить этих тварей.

— Как?

— Тащи бутылки из-под воды. Есть идейка. Для братской могилки, — грустно посмотрела на Сашу.

Звуки пустоты

Маша чихнула и оросила всё вокруг чем-то чёрно-кровавым.

— Ух, — в носу и горле жгло.

«Может, от дыма, которым пахнет всё сильнее?»

Медленно подняла лицо. Различила расплывчатую фигуру. Проморгала слёзы.

Страх.

Её руки дрожали. Но страх захлестнул другого человека...

Саша, не спуская глаз с женщины, сделал шаг назад.

Потом ещё один.

И ещё.

Оказался у выхода из комнаты на кухню. Посмотрел в дверной проём.

Вернул взгляд к Маше. Нахмурился, как будто успокаивал что-то внутри себя. Протянул руку в другую комнату.

Взял что-то.

И бросил Маше.

Полотенце.

Тоненькое кухонное полотенце.

Вафельное.

— Такое ощущение, что я простудилась, — сказала, чувствуя огромное облегчение. На секунду показалось, что осталась брошенной, ненужной. Одной.

Саша покивал, не отрывая от неё взгляда. Потом, поняв, что Маша всё ещё смотрит, добавил, словно оправдываясь:

— Ты валялась там на земле. В этих кустах. Конечно, могла простудиться... Плюс иммунитет...

Грустно вздохнула.

По щекам скатились слезинки.

Сашино избитое лицо открывало новую глубину бледности. Синяки и ссадины становились всё заметнее.

— Я столько всего не успела, — Маша окинула взглядом комнату. — Слишком много откладывала. Саму себя откладывала. На потом. Я человек, отложенный на потом.

Покачала головой.

Её лицо несколько раз пыталось искривиться гримасой рыдания, но боль от ран и побоев помешала. Поэтому Маша всхлипывала, хотя внешне оставалась почти бесстрастной. Онемевшей.

Странное зрелище. Наверное, так пускают слёзы актёры в безымянных мелодрамах на госканалах. Как-то неестественно. Капли из глаз есть, а эмоций нет. Но Саша понимал, что женщина перед ним плачет настолько по-настоящему, как не смог бы никто другой.

И он знал, почему она плачет.

И молчал. Никакие слова тут не будут к месту.

Всхлипнув. Или даже взрыднув, прошипела:

— Грёбаные американосы.

У Саши тоже защипали глаза. Засвербило горло. Шмыгнул носом и отвернулся.

Сколько он здесь? Несколько дней? А как будто — огромный кусок жизни, который теперь заканчивается. Прямо сейчас.

Повернулся. Увидел жалкую, уставшую, с трясущимися от тихих рыданий руками Машу. Она стояла на коленях возле тазика и банок с бензином. И смотрела в своё прошлое.

Будущего нет.

Будущее всегда, почти всегда — лишь гипотеза. Но сейчас они оба понимали, какое оно у Маши.

Только не знали, сколько до его наступления осталось шестидесятисекундных отрезков.

— Ладно, — шмыгнула носом и вытерла лицо рукавом. — Надо быть мужиком. Большую часть этой жизни всем нам надо быть мужиком. Эх...

Саша разрывался внутри.

Так хотелось что-то сказать. Как-то поддержать, чтобы она понимала — ему не всё равно. Но слова находились всё какие-то дурацкие.

Да ладно, что уж, тупые были в голове слова. Плоские фразочки, вставленные в память из попсовых фильмов. Хлорированные. Бесцветные. Какие-то не наши.

Ничего не значащие словосочетания.

Звуки пустоты.

«Господи, даже в собственной голове ничего своего нет. Мы все внутри собраны из этих тупых фильмов. И каждый оставляет в нас что-то тупое. А сколько мы смотрим их за всю жизнь? Кто тупее — тот, кто снимает тупой фильм, или тот, кто его смотрит? Курица, цыпленок или яйцо? Может, сковородка?»

Саша тряхнул головой, чтобы избавиться от противных мыслей и пошатнулся. Маша удивлённо посмотрела:

— Ты чего?

Натянуто улыбнувшись, покачал головой: всё в порядке.

Ну не знал Саша, что делать! К такому людей готовят годами. А он всё своё лучшее время ходил на тупую работу, смотрел тупые фильмы, мемы и... всё. И Маша, видимо, тоже. Они оба — люди, отложенные на потом. Только его, вроде как, вся эта зараза не берёт. Да и не покусали в этот раз. А ей — не повезло.

«Но что делать теперь? Может, надо её убить? Ведь тропинка к превращению в «первого», судя по всему, уже протоптана. Пока не поздно...»

Саша снова тряхнул головой и вывалился из транса.

— О чём ты там таком думаешь? — с лёгкой тревогой спросила она, взглянув в ошалевшие глаза.

— Ни о чём, — ответил испуганно, а сам подумал:

«Я уже один? Сам за себя? Или мы ещё вместе? Или уже враги? Надо убираться отсюда как-то что ли...»

— Надеюсь, ты там не прикидываешь, как меня завалить? — недобро улыбнувшись спросила Маша. Её тело передёрнула короткая, но сильная судорога, выдавившая из лёгких тихий хрип. Женщина тревожно, как будто прося помощи, посмотрела на Сашу.

Он промолчал. Словно не услышал. Потом, когда отвечать было уже слегка поздно, выдавил:

— Нет, конечно.

Маша опустила глаза.

— Ладно. Надо попробовать провернуть мою маленькую затею. Башка трещит, не могу…

— Поискать таблеток? Может, от простуды что-то?

— Да, было бы… неплохо.

***

Саша вышел в другую комнату.

Отпустило.

Не заметил, как все его мышцы словно одеревенели от напряжения.

«Ещё можно ей доверять? Или она уже думает, как меня сожрать? Но если она думает, то значит всё ещё существует, как человек?»

***

Когда Саша ушёл, слёзы из её глаз потекли сильнее.

«Чёртов трус. Начал прикидывать, как ему меня завалить. Но я уже убита! Зачем меня убивать?»

«Что я могу сделать такого? Загрызть его? Но пока… вроде пока не хочу. Полежать бы, поспать. Температура у меня что ли? Господи, ну зачем, зачем я туда пошла...»

***

Спасаясь от вселенной кипящего пламени, «Тот» всё царапал и скрёб дверь. Удачная комбинация из движения пальцев, применённой силы и точки её приложения помогла оттолкнуть вертикальный металл от стены дома. И появилась щель.

«Первый» на удивление ловко вставил в проём пальцы. Снова затрясся будто от возбуждения. Просунул руку глубже. Ещё глубже. Сделал движение локтём и раскрыл дверь шире. Схватившись за стену внутри подъезда, «Тот» попытался втянуть себя внутрь. Но упёрся плечами в дверной косяк и саму дверь. Голова внутри, туловище снаружи.

Тянул-тянул, а втянуть себя не смог. Истерично зарычав, «бывший» начал яростно мотать головой в стороны. И ударив черепушкой со всей силы о металл двери, распахнул её почти наполовину.

Его несгнившие мышцы будто этого и ждали. За какие-то секунды втянули тело наполовину внутрь.

Но дальше проход был закрыт.

Завален.

«Тот», у которого целой осталась только одна лапища, начал ей скрести по устроенной Сашей баррикаде.

Он не знал, не понимал, не помнил, а чуял, что нужно туда. И что туда можно попасть.

Сок манил его. Заставлял отравленные заразой члены совершать согласованные действия, бессознательно закреплённые когда-то давно. Не понимая. Открывать двери. Ломать тонюсенькие стенки тумбочек. Выбивать головой из них выдвигающиеся ящики. Протискиваться внутрь. Ползти дальше. Скручиваться, бешено извиваться, чтобы сбросить с себя завал. Рвать зубами то, что ими не рвётся.

И оказаться внутри. Увидеть тёмные, холодные бетонные ступени.

Ведущие в страну сока.

***

Сзади за дверью осталось ещё трое «бывших». Затасканная одежда прикрывала лишь некоторые части тел. Чёрные от грязи. Худые. И израненные. Но из старых ран не сочилась кровь.

Они не входили внутрь. А лишь смотрели на дверь. Огонь стал подбираться всё ближе.

Странные законы огня

Вышел из комнаты.

Тело — костяной студень, меняющий состояние от одеревенения до желеобразной массы.

Хочется завалиться. Развалиться. Забыться.

Вошёл в дальнюю комнату квартиры-овощехранилища. Таблеток здесь не видно.

«Так-так-так. Маша — заражена. Умрёт или станет "первой"? Как? Как мне её… от неё избавиться?»

«Может, попробовать свалить сейчас? Убежать? Но как?»

Вышел в другую квартиру.

***

«Сашка-Сашка, похоронил меня уже!»

Маша чувствовала, что вся пылает. Температура? Нет, зараза. Клеточка за клеточкой зараза отбирала это тело у той, что с рождения считала его своим.

«Чёртовы американосы».

«Или немцы».

«Ну, а может, и китайцы».

«И англичане ещё сто процентов здесь замешаны».

«А французы?»

«Наверное, нет. Хотя им тоже есть за что мстить!»

— А почему я, собственно, сижу? Всё же готово, — прошептала и развела руками.

Собрала банки в тазик. Одну обвязала тонкой тряпкой так, чтобы получился длинный хвост.

Сунула подмышку гитарку-негитарку.

Встала.

Реальность чуть-чуть пошатнулась. Расплылась. Мигнула красками. И такой примерно и осталась. То есть, чуть-чуть не той, какой должна быть.

Ещё одна судорога прощупала тело.

Вздохнула и поняла, что процесс пошёл...

«Как же хочется пить! Так сильно хочется, что я даже забываю об этом!»

Вернулся Саша.

Посмотрел на заражённую как на незнакомку. Как, когда устраиваешься на новую работу, и тебя просят зайти в такой-то кабинет, что-то узнать у того-то, кто сидит там-то. А ты пока идёшь, забываешь — и где он сидит, и его фамилию, и что нужно спросить. Заходишь в кабинет. Смотришь на людей. Они — на тебя. Ты раскрываешь рот. Начинаешь нести какую-то белиберду, пытаясь вспомнить, для чего ты здесь. Так тебя и запоминают, как идиота. Или как весельчака. Зависит от того, куда попадёшь.

Так посмотрел на неё Саша.

Протянул на ладони несколько таблеток и пакетик с жаропонижающим. Что за таблетки, непонятно.

Маша нахмурилась:

— Сссс, — и из-за боли тут же расслабила мышцы лица.

— Давай заварю тебе эту штуку?

Недоверчиво посмотрела на пакетик. С виду — невскрытый.

Саша встряхнул его, и послышался шелест порошка по фольгированным стенкам водонепроницаемого прямоугольника.

— Точно легче станет. Давай в компоте прямо?

Она всё ещё ничего не отвечала и смотрела на пакетик. Мужчина скептически нахмурил брови, бросил таблетки на диван и вышел в кухню.

Маша за ним.

Взял кружку.

Налил компота.

Женщина вновь почувствовала, как сильно хочет пить. Даже губы пересохли, покрылись тонкой белой коркой сухой кожи.

Вскрыл пакетик. Высыпал белый порошок в розовый компот. Бросил в кружку ложку. Начал размешивать.

— Холодный. Поэтому, наверное, растворится хуже.

Маше было уже всё равно, так ей хотелось утолить жажду.

Взяла кружку. Выбросила ложку. Выпила всё до последней капли.

— Налей ещё!

— Пакетик был один…

— Да я пить хочу просто.

— Ааа.

Налил. Подал. Выпила. Швырнула кружку на стол.

Взяла тазик с банками. Пошатываясь:

— Пошли, хип-хопер.

«Что ж за лекарства ты мне нафиг принёс, Санчес-панчес? Впрочем, уже...»

***

Вошли в соседнюю квартиру. Ту, что выходила окнами на Кирова. К дому Саши.

Переглянулись, когда почувствовали неладное.

Слишком много дыма.

— Твою мать! — мужчина рванул к балкону.

Маша хотела крикнуть, чтобы не высовывался, ведь «трупники» заметят. Но потом поняла, что ей уже всё равно. Да и сил не было. Хотелось только отомстить. Ради этого и тащила банки с бензином.

***

Когда она вышла на балкон, увидела, что горит Сашин дом.

Закашлялась.

Много дыма.

Гудение огня.

Треск. Щелчки. Хлопки.

Глухие взрывы.

Пылала вся правая сторона улицы вверх по Кирова. Слева, на перекрёстке «Оптики», огонь почему-то немного приостановился. В низине. Возможно, потому что с Нормандии-Неман дул пусть и слабый, но всё же ветерок и гнал пламя в другую сторону. Может, мусор и листва на перекрёстке не просохли и плохо схватывались огнем.

Неизвестно.

— Как же всё загорелось?

Видимо, огонь пошёл от дома Маши. По сухой траве добирался до машин. Сначала загоралась резина и пластмасса. Начинало вытекать горючее. Взрывались бензобаки. Топливо растекалось и помогало огню распространяться во все стороны, особенно вверх по улице. Хотя должно было быть наоборот. Гравитация.

— Почему всё пошло гореть вверх? Лучше просохло сверху?

Дорога, заставленная брошенными машинами, полыхала. Те вспыхивали одна за другой.

Лужи горящего бензина. Огонь разбрызгивался от лёгких взрывов баков и покрышек ещё не вспыхнувших автомобилей. Так загорелась другая сторона улицы.

И Сашин дом.

Под его окнами и с дальней стороны здания стояли пять или шесть машин. Они горели. Пламя перебросилось на первый этаж. Раньше там было ЖЭУ. Деревянные окна, где-то заколоченные фанерой или чем-то похожим.

Горел уже весь первый этаж, часть второго, и занималась квартира посередине дома на третьем.

Сашина квартира. Или соседей.

Из-за дыма разобрать не получалось.

Соседние здания тоже уже горели.

Маша посмотрела вниз.

Первый этаж её собственного дома схватывался…

***

У него всегда было такое чувство, что расставание с семьёй не навсегда. Точно знал, что ещё увидит своих.

Что всё будет «так же».

Просто железобетонная уверенность. Как, наверное, у лихачей, за две секунды до смерти считавших, что проскочат на легковушке между фурами на слякотной дороге. Просто был уверен, что с ним такое не может произойти. Ну это же он, а не кто-то другой.

А теперь тот самый «кто-то другой» — это он.

***

Саша выскочил с балкона, едва не сбив Машу с ног. Рванул в подъезд, намереваясь бежать к своим.

Вся улица полыхала. Пожар распространялся по каким-то странным законам огня.

Дыма становилось всё больше.

Маша поставила тазик на пол балкона. Её затея провалилась.

Саша что-то крикнул сзади, но она не обратила внимания.

Всё и так было ясно.

Его семья уже погибла. Если они не сгорели, то задохнулись от дыма. Бежать туда бесполезно. Да и как? Но для Маши и всё остальное уже было бесполезно.

— С другой стороны, почему нет?

Зачем ей все эти банки? Она собиралась оклеить гитарку-скрипку пятилитровыми бутылками из-под воды. Включить музыку. Сбросить вниз. Бутылки смягчили бы падение игрушки.

«Трупники» прибежали бы на звук. Она закидала бы их банками с бензином. И сожгла бы к чёртовой матери столько неживых, сколько бы смогла.

Но теперь скидывать гитарку некуда. Бензиновые банки бросать тоже. Внизу и так всё горит. Поэтому Маша просто нажала кнопку «Вкл». И к гулу пожара добавился мерзковатый визг синтетических звуков.

— Может, с крыши будет лучше слышно? И кто-то из этих всё-таки сюда прибежит?

***

Выбежав в подъезд, Саша увидел на лестнице «бывшего». Тварь поднималась на площадку между вторым и третьим.

— Маша! — крикнул назад в квартиру. — Здесь твои.

«Тот» наконец-то добрался до сока.

Сокопускание

Он полз не по своей норе.

Запах сока кричал. Визжал. Выл в голове нотами будущих ощущений.

Нетерпение начало иссякать из-за чувства неотвратимости наслаждения.

Сегодня он отведает сока. Этого не изменить.

Еда снова пела ему.

А он стал петь ей. В ответ.

Особое наслаждение — петь еде, которая уже твоя.

Это делало её запах гуще.

Жирнее.

Он толстым слоем размазывался по норе. И всасывался неживыми ноздрями.

Только желания. Только образы. И везде сок.

Ползти. Карабкаться. Лезть.

Еда наполнит его тишиной.

И сама упокоится.

Подняв голову, «Тот» увидел шуршащий сосуд сока.

Очень свежая.

Сочная.

Еда. Ждала. Его.

«Тот» не выдержал и взвыл, разбрызгав перед собой слюну.

***

Покалеченный «первый» выполз на площадку между этажами.

«Как ты оказался здесь, чёртов полутруп?»

Обгорелый. Грязный. Выглядел не таким уж и опасным. Скорее, отвратительным.

То, что ползает, вряд ли накинется на тебя так же мощно, как то, что ходит и бегает. Но сейчас исключения из правил работают чаще, чем они сами.

Внутри у Саши всё полыхало, гудело, стучало. Но не из-за страха перед настойчиво ползущим к нему «бывшим» человеком.

Мужчина не знал, как будет добираться до своего дома. Но точно знал, что как-то будет. И сейчас скорость была прямо пропорциональна смыслу этого движения. А на лестнице ещё одно препятствие.

И когда неживой завыл... Нет, как будто даже радостно заскулил, вывалив изо рта на пол мерзкую жижу. Саша сразу вышел из ступора.

Да, страх никуда не исчез. Он пропитывал всё тело. Но теперь это работало как-то по-другому.

Не мешало.

Забежал в овощехранилище. Осмотрелся.

«И почему я не живу на военном складе с оружием?»

Схватил деревянную табуретку. Выскочил в подъезд.

«Первый» не терял времени. Полз по ступеням наверх.

Саша присмотрелся к нему. Прислушался к себе.

Не услышал ничего кроме бушующей тревоги. Вспомнил, у него совсем нет времени.

— Фуууух.

Занёс над головой табуретку. Начал медленно двигаться навстречу неживому.

«Какие-то неприятные у него глазища. Противные даже по меркам этих отвратительных существ. Нездоровые».

Спустился на пару ступенек. Старался держаться на безопасном расстоянии от твари. Но достаточно близко для нападения. Перехватил поудобнее занесённое над головой орудие:

— Ну прощай...

Он словно выполнил приседание с вытянутыми руками перед собой, пытаясь опустить тёмную от времени сидушку прямо на морду «бывшего». «Тот» резво прикрылся покалеченной лапищей. Видимо, её не жалко. И отвёл удар. Деревяшка стукнулась о металл перил.

Извернувшись, неживой схватился здоровой рукой за ножку табурета. И, дёрнувшись всем телом, попытался вырвать его из рук человека.

Саша от испуга едва не отпустил своё орудие. Всё так же согнутый пополам, завис в непонятной позе на самой грани равновесия. Напрягая все мышцы, старался вырвать из лапы «бывшего» табуретку. Неживой делал то же самое. Ещё и жадно хлюпал челюстями, глядя прямо в глаза жертве.

Мужчина, собравшись с силами, дёрнул на себя и попытался выпрямиться. Но мёртвая хватка «первого» оказалась действительно мёртвой. И Саша не удержался. Из-за неудачного рывка пятки соскочили со стёртых граней ступеней. И он упал на свой зад. Боль от удара на секунду вызвала у него помутнение. Тело как будто онемело и размякло. Нужно несколько секунд, чтобы собраться.

Саша съехал немного вниз, а «бывший» подтянулся вверх. Табуретка между ними. И пока мужчина был в замешательстве, неживой взмахнул покалеченной рукой и ударил его в зубы.

Губы в кровь. В челюсти что-то хрустнуло.

— Ууух, — простонал он, схватившись за больное место рукой, и этим случайно немного прикрыл лицо от второго удара.

Звёздочки. Глаза. Слёзы. Кровь.

А «Тот» и не собирался останавливаться: уничтожал остатки своей руки о лицо Саши.

***

Веселясь звуками. Мял. Свою. Еду.

И забрызгивал невкусным соком изо рта. Зачем? Низачем. Но теперь все поедатели смогут знать, что эта еда:

НЕ. ДЛЯ. ДРУГИХ. ПОЕДАТЕЛЕЙ.

Он мял её в мягкое хрустящее место. Снова и снова быстро давил. Со всей силы. Так он пускал из еды сок. Выжимал.

Его рука уже вся была в этом соке. В следах еды.

А еда удобно распрямилась, зачем-то закрывая мягкое цветное сокопускание.

От этого пускать сок было ещё веселее.

...В один момент что-то изменилось. Такое случалось и раньше. Но «Тот» про это всегда забывал. Вспоминал только тогда, когда видел это снова.

Вокруг стало чуть-чуть темнее. Мимо пролетели странные звуки:

«Не балуйся с едой! Ешь!»

Что-то было в звуках тёплое…

Но затем всё стало чуть-чуть светлее и «Тот» увидел, что цветные следы сока были уже повсюду.

Он остановился. Поднял плохую руку к самому носу. Несколько глубоких вдохов.

Сок. Аромат. Мощь. Экстра.

...«Небеса!» — вылетел нежный растянутый звук из внутренней темноты…

«Тот» тут же забыл про звуковидение. Припал разбитыми потрескавшимися губами к своей руке. Собирая капельки сока.

Он едва сдерживался, чтобы не искусать себя. Но нет, всё же иногда несильно покусывал. И рычал-повизгивал от удовольствия.

Столкнул вниз мешавшее твёрдое, что лежало перед едой. Схватил здоровой рукой вяло шевелящуюся сокоёмкость. С визгливым рыком дёрнул её на себя. Активно двигая плохо работающими ногами, начал медленно заползать на еду. Сантиметр за сантиметром он забирался наверх.

Приятные неровности. Твёрдости. Шелестение.

Оказавшись сверху. Чувствуя её тепло. Дрожь. Снова несколько раз глубоко вдохнул, двигая носом в нескольких сантиметрах от сочной мягкости. Начал собирать губами сок.

Торопиться не нужно. Теперь только наслаждаться аппетитной едой. А потом впасть в тишину.

Дурная больнота

«Тот» испачкал всю свою нечеловеческую морду в крови. Он не спеша слизывал сок с тихой теперь еды. Тёплой. Полной сока. И чего-то ещё. И всё это приятно будет пробовать. Кусать. Рвать. Есть. Поедать!

«Тот» всё не мог решиться.

Укусить. Еду. В первый раз.

Что-то внутри пыталось сообщить, что после начала наступит конец. И тёплой, сочной еды не останется.

Нетерпение копилось. Полнилось. Напрягало внутри. Он уже не сводил глаз с места, на которое нацелился.

Смотрел. Смотрел. Смотрел.

А потом вонзил зубы. Не глубоко. Не со всей силы. Только чтобы почувствовать сок.

Надкусил.

***

Сначала ты смят. Растоптан. И выключен.

Потом.

Чужие зубы. Твои скулы. Чик.

Ты как бы включился.

Саша сквозь боль почувствовал боль.

Или даже через дурную больноту. Боли — две. Одна — будто шлепок, размазавший неприятное по голове и телу. Другая — пронзила скулу справа и втиснула плохое в лицо.

Зубы «бывшего» вернули его к боли, а она уже ко всем остальным чувствам.

Тяжелое давит сверху.

Острое в лице.

Мерзкое расплывчатое перед глазами.

Рот наполнен кровью.

Весь мир наполнен кровью!

В голове есть штука, которая обычно объясняет происходящее. Сейчас она что-то бубнит в уголке осознанной темноты, словно пьяная. Поэтому непонятно, как относиться к тому, что есть.

На всякий случай. Лучше, пожалуй, этого бояться. И попытаться убраться подальше.

***

Еда захрипела. Взбрыкнула. Начала вертеться.

Сок забурлил!

Это только добавляло интереса к поеданию. «Тот», сжав пальцы здоровой руки в кулак, несколько раз треснул сокохранилище по голове.

Не помогло. Еда только сильнее крутилась. Тогда неживой, не снимая зубов с лица жертвы, схватил её за волосы и приподнял. Потом с силой потянул вниз, стараясь приложить головой о ступени. Но что-то смягчило удар, хотя еда на какие-то пару секунд и успокоилась.

А затем:

— Ты тут откуда, тварина, взялась?

Вынув зубы из еды, «Тот» как будто с недовольством поднял голову на звук.

Маша опустила на неё желтый металлический тазик.

Бум.

Бывший врезался мордой в Сашу.

Женщина начала заносить таз над собой, чтобы добавить неживому. Но тот изловчился и прыгнул вверх. Толкнул Машу лбом в колено и схватил за ногу. Та едва не упала и отпустила тазик, чтобы схватиться за поручень. Первый раскрыл пасть, чтобы укусить, но таз упал перед самой его мордой. «Тот» злобно ткнулся в металл. Попытался его цапнуть, но только цокнул зубами.

— Саша! — крикнула женщина.

Она увидела. Почти чистое. Вылизанное лицо. Из посиневшего носа текла струйка крови.

Тварь взрыкнула. Маша, крепче схватившись за перила, со всей силы пнула «трупника» через тазик в лицо. Он отклонился назад, и женщина:

— На! — ударила его ступнёй в лоб настолько удачно, что тот опрокинулся на спину.

Снова бросила взгляд на Сашу. Губы страшно разбиты. Шея, одежда, ступени под ним в крови. Глаза приоткрыты и двигаются. Обрадовалась:

— Живой?! — наклонилась, чтобы взять тазик и снова огреть им врага. Но «бывший» будто ждал этого. И ударил её своей нерабочей рукой по голове.

Тазик улетел куда-то вниз. Рассыпая по реальности цветные звёздочки, Маша плюхнулась на зад. Падая, взмахнула рукой и случайно спасла лицо от второго удара «трупника». А потом и от третьего, четвертого, пятого… Полулежала настолько неудобно, что подняться, не подставив нос под кулак, не получалось. А «первый» не останавливался и колотил. Иногда рука неживого соскакивала и ощутимо проходилась по рёбрам слева.

От ударов почти «под дых» не хватало воздуха. Рука, блокирующая удары, начала неметь. Маша запаниковала, что сейчас та просто откажет, и «трупник» доберётся до головы.

Но потом раздался какой-то шум, и «бывший» перестал попадать. Удары становились всё слабее и опустились ниже к бёдрам. Кажется, лицу ничего не угрожало.

Послышалась возня внизу. Маша осторожно выглянула из-за руки.

«Трупник» сполз на пару ступеней, упав на спину. Саша обхватил его за ноги и пытался оттащить брыкающуюся тварь от женщины.

Маша вскочила и накинулась на противника. Удар за ударом втаптывала его голову в ступени. Тот взмахивал руками, пытаясь отбиться, но был наполовину обездвижен.

Саша со стоном перевернулся, тем самым повернув «бывшего» мордой вниз. Так ему стало сложнее защищаться. Но неживой и не собирался сдаваться или умирать. После нескольких Машиных ударов ногой, мужчина прохрипел:

— Прыгай! На голову ему.

Женщина не задумываясь выполнила приказ. Что было мочи подпрыгнув, опустила свой вес на голову твари.

Хрустнуло. Связь конечностей «первого» распалась. Он безвольно затих. Голова неестественно вывернута набок. Глаза медленно двигаются. Руки и ноги даже не дрожат.

— Господи... — пробормотала Маша.

— Сдох?

— Вроде.

— Сними. Помоги. Его…

Женщина развернулась. Саша лежал под «трупником». И видимо, совсем не имел сил, чтобы скинуть с себя его тушу.

С трудом подсунула руки под мерзкую тварь. Напряглась. Перевернула на бок. Саша свободен.

— Ну что ты там?

Мужчина ничего не ответил. Медленно подтянул руки к лицу и стал его ощупывать.

— Ну и морда у тебя, Санёк. Твою ж мать. Как он тут оказался? Почему не позвал?

Откуда-то снизу раздался шум. Загремело. Попадало. Кто-то робко подвыл.

— Что ещё за фигня?! — женщина постаралась просунуть голову сквозь перила, чтобы посмотреть.

Саша вздохнув сказал:

— Если один прорвался, то сейчас и другие попрут.

Лёгкость смирения

Когда «Тот» ещё только пытался пробраться в подъезд, а лица некоторых людей были более невредимы, трое «первых» стали наблюдать.

Прибежали на шум. Как и многие другие, что оказались поблизости. А может, и не только на шум. Но и на запах пролитого сока…

Стояли. Смотрели на своего. Программа «бей или жри» пока не запускалась. Отсутствовал объект-раздражитель.

Когда «Тот» нырнул в баррикаду и оказался в подъезде, часть завала высыпалась наружу и не дала двери закрыться. Неживая троица медленно приблизилась ко входу. Огонь, уже облизывающий им пятки, пополз следом.

Мир вокруг изменялся. Он горел. Выглядел иначе даже для «бывших». По-другому пах. Непонятно чем кусал за ноги. Стирал всё привычное в чёрную сажу.

Перезагружался?

***

Мутное в голове.

Минуту назад Саша, погружённый «бывшим» в полумёртвый сон, вспомнил про свою семью.

И очнулся.

Наверное, именно это спасло его и Машу. Но надолго ли? И как можно вот так очнуться, когда тебя вырубили? Что первее: пробуждение или воспоминание? Ответ кажется очевидным в мире неочевидного.

Видимо, они подошли к рубежу. Избитые. Без сил. Потерявшие многое, пусть и не имевшие почти ничего.

За один жестокий час.

Там на улице — это уже история не про людей. Человечков размазывают за несколько минут. И даже быстрее. Но некоторым везёт. Одни проживут чуть дольше. А другие пополнят ряды Нового Царства.

Лицо — хлам. Тело — боль. Сил — ноль.

Прохрипел:

— Я что-то больше так не могу.

Вместо ответа какое-то кряхтение над головой.

Маша, выдохнув после короткой судороги:

— Я тоже теперь жалею, что полезла на улицу. Но, — неожиданно издала свистящий хрип, лёгкие почему-то сбоили, — когда-то это должно было произойти.

Саша повернулся всем корпусом. Не слишком уж хотелось тревожить разбитое лицо напряжением мышц. Взволнованно посмотрел на зачем-то улыбнувшуюся женщину. Её потряхивало. Но она всё ещё была человеком. А он сам, кем стал после всех этих мыслей на её счёт? Да какая разница теперь.

— Час назад всё было в порядке, — вяло пробормотал, испытывая лёгкое инстинктивное недоверие к той, что была перед глазами. Отвернулся. И сам не понял, обвинял ли он кого-то этой фразой или просто так сказал то, что сказал.

— Да.

— Даже не знаю, что делать. Закрыться в квартире?

— И сгореть?

— Ну может и... Какая теперь разница? Для тебя? Для меня?

— Большая. Пока жив, нужно ковыряться, — с авторитетным видом того, кто не пройдёт и сотни метров, буркнула Маша.

— Ковыряться?

— Да, блин. В этой жизни. Пока можешь здесь ковыряться — надо. А тут всё эти долбаные американосы испоганили. Сначала ипотеки. Потом эти черти! Как хочется пожить!

— А почему ты их всё время...

Снизу. Как будто что-то развалилось. Например, баррикада. По лестнице потянулась лёгкая дымка. Почти незаметная, но потеря видимости — теперь дело нескольких минут.

— Поползли, — глубоко вздохнула и попыталась объяснить дрожь. — Температурит…

— Куда поползли? Ковыряться?

— Ну наверх.

— Наверх? — удивлённо.

И тут Машу осенило:

— Точно, Шурик-дурик. Наверх. А ты соображаешь!

Женщина с трудом встала. И махнула головой, чтобы напарник следовал за ней.

— Ничего не понял, — тем не менее начал подниматься.

— Полезем на самый верх, — ткнула пальцем. — А там и в другой подъезд, может, переберёмся.

— На крышу? Но лестница же снаружи дома.

— На чердак. Дырка в него на пятом.

— Аааaа, — протянул Саша.

— Давай-давай, скорее.

Два ещё живых человека, правда, больше похожих на тех, от кого они спасались, заторопились наверх. «Тот» медленно проводил их одним глазом, а может быть, это была какая-то судорога. Зыркало так и осталось смотреть в ту сторону, куда скрылась его недоеденная добыча. С другой стороны, он всё же смог отведать сока. И спокойно уснуть в не своей норе.

— Там на чердаке… — Маша боролась с одышкой, — какие-то трубы. Отопления или чего-то такого. Дом старый…

— Ага, — согласился Саша только ради того, чтобы женщина не торопилась с продолжением, а могла спокойно вздохнуть. Кажется, говорить на ходу ей было непросто.

— И трубы постоянно прорывало. Или что-то протекало. Случалось, что затапливало всех аж до первого этажа.

— Ну и... — «зачем ты мне это рассказываешь», хотел спросить Саша, но визг снизу его снова перебил.

Встревоженно переглянулись. Но не так, как это сделали бы пару часов назад. Наверное, во многом им стало почти безразлично, что произойдёт дальше. Но всё равно не хотелось умирать вот так. От зубов и ударов нелюдей. Да и от людей тоже. Просто чувствовалась какая-то обречённость. Лёгкость смирения. Куда ни пойди, везде вылезает «бывший» и пытается выбить из тебя последний дух. И кажется, ничего не изменится. План спасения виделся им совсем иначе. Ещё утром они верили, что раздобудут машину. Заберут Сашину семью. Уедут из центра. Пусть всё и не за один день. Маша ещё считала, что его жена и сын будут обузой и затруднят их бегство. Но оказалось всё ещё жестче. Да, жизнь либо скучная, либо слишком интересная. И сейчас их планы накрылись костяным тазом «бывших».

Маша заразилась и избита.

Саша не заразился и избит.

За этот короткий отрезок жизни им набили лица дважды.

Город горит. Марина с Мишей, скорее всего, уже упокоились. Какие тут могут быть планы на спасение? Скучная, холодная и боязливая жизнь превратилась в нескончаемый экшн. И главный герой здесь, кажется, не ты, а кто-то другой. Потому что тебя вот-вот пустят на фарш. В этой истории ты тот, кто погибает одним из первых. И не запомнится зрителям. Разве что только, если потом ты вылезешь в обличье «бывшего» и сожрёшь главного героя. А его-то, видимо, здесь и нет. Вообще. Но что за экшн без героя? Не главного действующего персонажа, а именно героя?

— Это я к тому, — ускорилась Маша, — что чердак должен быть открыт. Потому что они там, можно сказать, ночевали.

— Ремонтники? — спросил и обеспокоенно посмотрел вниз. Там уже как будто мелькали какие-то тени. Видно плохо. Дым заползал всё выше.

— Думаю, правильнее их назвать бухарики. Потому что, сколько они там ни ремонтировали, результат один — вылезают с чердака поддатые, а через пару недель там снова течёт.

Саша шумно ухмыльнулся. И наказал себя за это болью в лице.

— Ага, — Маша выглянула вниз за перила. Но там уже было слишком дымно. — Даже в администрацию на них жаловались.

— И что?

— Ну через полгода узнали, что им пофиг.

— Совсем бояться народа перестали.

— Они и не начинали. Прекрати.

Двое остановились на площадке пятого этажа. В потолке действительно имелся люк.

— Замок, правда, висит... — Саша подпрыгнул и толкнул его рукой. Тот легко свернулся на бок — открыто.

— Я ж говорила, Санчес.

— Ты чего такая бодрая? — спросил, корчась от боли после прыжка.

— Помираю, — с ухмылкой ответила женщина.

«Подозрительно ли её поведение? Не знаю. Здесь теперь всё подозрительно».

— Я-то, наверное, уже всё, Сашка. А вот если ты хочешь прожить подольше, то лучше бы тебе заправить свои батоны энергетиком, чтобы они шевелились пошустрее!

***

«Первые» бросались на баррикаду. Прыгали. Били. Кусали. Постепенно деревяшки и спрессованные в мебель опилки переставали быть чем-то похожим на укрепление. Баррикада разваливалась.

Эта троица выглядела так, будто за последние недели они не бывали под крышей. Грязные. С прилипшей или даже сросшейся с почерневшим телом одеждой. Точнее её обрывками.

Уличные? Уличные «бывшие»? Дворняги Нового Царства?

Вот наконец-то они вошли в подъезд.

Ничтошум

Они шли по тёмной пещере вверх.

Никогда раньше эти «бывшие» не забирались в пещеры. И до момента обнаружения себя втроём в подъезде — не понимали, что они — это Они. Или что Они — это не они.

Не были Они. И вдруг стали.

Для каждого из «первых» вокруг появились не только стены, но и Такие же. Те, кто стали Они. Прекратили быть фоном вокруг, когда есть только ты и что-то сзади, слева, справа... Теперь каждый из этих «бывших» различал какую-то одинаковость в других. Как будто вокруг двигались кривые зеркала.

На границах памяти брезжили непонятные картинки. Сны. Там всё показывалось другим, там были пещеры. По ним ходила еда. И не пыталась убежать.

Наверное, каждый из них видел что-то подобное в своей голове. Поэтому Они и шли дальше.

***

Двигаться больно. Не двигаться смертельно.

Саша залез на перила, опираясь на стену и на плечо Маши. Одну ногу переставил на ручку ближайшей к перилам двери квартиры. Распределил равновесие. Медленно выпрямился. Ухватился руками за края люка. Понял, что не должен свалиться, и взялся за замок.

Шик-шрык — пошатываясь начал выуживать его из узкой петли.

Дымно. Глаза ещё не щиплет, но каждый вдох напоминает о пожаре.

Возня на первых этажах.

«Бывшие» идут.

***

О, еда.

Все Они почуяли — еда может быть и в этой пещере.

Тёплая.

Пахнущая.

Шумная.

Шуметь могло или ничто. Или еда.

Ничто — это когда прибегаешь на шум. А там ничего и не шумит. Или что-то шумит само по себе. Хлопает, катится или шуршит от того, что в то же время холодит щеку… Ничтошум.

Он всегда заканчивается не едой.

А шумящая еда — это еда. Пахнущий шум. Погоня. Карабканье. Выковыривание. Вытаскивание. Крик, скуление, дурной запах. Шум еды всегда заканчивается одним и тем же. Дёргающаяся еда, писк и звуки вроде «господи, господи… я же вам ничего не...».

Шум сегодня — это и шум еды, и ничтошум.

Одновременно.

Слишком много нового для этого дня. Так решил бы, если бы умел делать выводы, сметливый «первый», шедший по пещере вторым.

***

Саше почему-то снова захотелось жить. Зачем и как — не важно. Просто. Наверное, обычная генетика. Эволюционная закладка для размножения вида. Расхотелось умирать, а ради чего жить — непонятно. Может быть, мы никогда и не живем ради чего-то? Даже если вдруг так считаем. Всегда просто живём.

Маша пока ещё держалась. Безымянная гадость неотвратимо прогрызала её ДНК. Спасения не было. Но она не сдавалась.

Сейчас — придерживала Сашу за ноги, чтобы он не рухнул назад.

Вытащил замок. Повертел в руке, не понимая, что с ним делать. Засунул в карман, чтобы не греметь выбрасывая.

Иногда потряхивало. Движения напоминали о побоях. Лицо, кажется, начинало опухать. Или уже, наоборот, заканчивало. Шумело в голове.

«Так вот почему у всяких бойцов без правил и боксёров такие бешеные гонорары. Тут как и в алкоголизме — здоровье нужно».

Тяжелый люк открылся с третьего толчка.

— Фу, блин, — пыль и мелкий сор полетели в лицо. — И как мы туда полезем?

— Ты прыгай. Хватайся. Я ноги твои подтолкнуть попробую. А потом ты мне руку протянешь.

— Прыгать-то мне зачем? Я ж тут навернусь.

— Ну да, ну да, — задумалась. — Тогда хоть как-то вытянись там, ухватись за край.

— Да, ещё вот сюда, наверное, ногой можно упереться, — про едва выпирающий косяк двери в квартиру.

— Ладно. Только не рухни.

Тяжело вздохнул, собираясь с силами.

— А как ты на перила влезешь потом?

— Ну как-нибудь уж заберусь.

— Об дверь тоже пробуй тогда. Этими… ногами.

— Да-да, — ответила как-то растерянно.

***

Сметливый был «первым», который шёл вторым. Самый быстрый из их троицы не уверенно продвигался вперёд. Туповато тыкался в стены, двери, крутился на месте. Иногда что-то бил. А бывало, и просто трясся на месте.

Их подгнившие черепушки с трудом вырабатывали пещерный алгоритм. Теснота. Незнакомое чувство. Они привыкли к свободному пространству. Как когда-то человек, сменивший прерии на земляные жилища ради скота и съедобной травы.

Так и Они неосознанно собирались менять свои привычки. Ради еды. Загнанные в пещеру огнём. И голодом. Воздействие среды.

Последний «бывший» полз по пещере на четвереньках.

Каждый вел себя по-своему.

Странно.

***

Когда ты основательно отпинан, то первое время особо не чувствуешь боли из-за того, что её блокирует адреналин. И прочая синтезированная телом химия. Это помогает выживать. Отбежать от хищника и приложить подорожник к ране. Но если убегать приходится дольше, и прибывают всё новые хищники — алгоритмы глючат. Где-то выделяется что-то лишнее, а то, что нужно, не выделяется. Или как-то так. И ты становишься больным заторможенным человеком.

Таким сейчас казался себе Саша.

— Да прыгай ты уже!

— Да как я прыгну? Перила эти трясутся же.

— Саня, у тебя рожа уже как у пчеловода. Ты скоро разглядеть не сможешь куда прыгать-то.

— Ты своё-то лицо видела? Тебе пораньше меня прилетело! И некуда тут прыгать.

— А что делать?

— Залезать надо.

— Блин, так лезь же. За-ла-зий!

— Надо приноровиться. Если завалюсь сейчас, то уже всё.

— Если ты не полезешь сам, то я тебя сама завалю нафиг!

Обидчиво покосился на Машу.

— Ну! Тормоз!

— А...

Саша выпрямился. Дотронулся пальцами до потолка, превращающегося в квадрат пустоты. Повилял задом словно дряхлая кошка. Легонько, опять же с кошачьей грацией, подпрыгнул, чтобы влететь внутрь чердака. Противно скрипнули советские перила. В прыжке вытянул руку и схватился за внутренний край люка. Повис. Упёрся локтем другой руки, чтобы перестать раскачиваться. Немного подтянулся.

Наступил ногой на уголок двери. Другой на что-то случайно подвернувшееся в воздухе — голову Маши.

— Ну ёлки, блин!

— Ага, — злорадно прохрипел в ответ.

Ещё подтянулся. Покряхтел. Несколькими рывками затащил своё тело на чердак.

Запах горелого здесь сопровождал аромат голубиного помёта и затхлости. Было очень тепло.

***

Сметливому хотелось есть.

Иначе. Не так как раньше. В нём уже давно начало бурлить что-то неизвестное. Горячее. Сообщавшее, что он не такой как вчера. Хотелось много еды. И если обычно мечталось о пахнущей, тёплой и шумной. То сейчас могла сгодиться любая.

«Первый», шедший вторым, остановился и присел, чтобы заглянуть в дергающийся глаз «Того», который лежал на ступеньках.

***

Обернулся. Темно. Чердак как чердак. Какие-то трубы. Косая крыша. Несколько окон. Пыль. Грязь. Дальний конец помещения с трудом различим.

— Ну теперь ты, давай, — прошептал Маше, скривившись от боли побитого тела.

— Да, — вздохнула.

Растерянно поглядела вниз на лестницу. Там уже виднелись вполне понятные тени. Шорканье. Возня. Хрип.

Они шли.

Подбирались.

Но почему-то медленно. Как будто тоже опасались чего-то. Или не понимали, как подниматься по лестницам?

Женщина попробовала забраться на перила как Саша. Но не получалось. Тогда она на них села. Взялась за дверную ручку. Покрутилась на месте, пытаясь безопасно закинуть ногу под себя и встать. Но всё время чего-то не хватало, чтобы довести дело до конца.

— Что ты делаешь? — удивился Саша.

— Просто не хочу свалиться назад.

— Но ты так не залезешь. Делай как я.

— Да не могу я как ты, — зло прошептала. — Меня никто не поддерживает. У меня уже с равновесием плохо.

— И что ты молчала?

— А что я знала что ли? — Саше показалось, что его напарница по спасению готова расплакаться.

Растерялась. И паникует. Сил держаться не хватает.

***

Такой же.

Лежал и дёргал глазом.

Пах едой.

Ещё один Такой же начал поедать Такого же.

Но в самом верху пещеры звала к себе шумом другая еда.

***

«Боже, как я от всего устал. Каждый шаг, движение — это неимоверная какая-то трудность. Всё, что может не получиться, не получается».

— Ладно.

— Что ладно?

— Ладно говорю. Не реви.

— Да ты сам, мать твою, не реви! Где я реву? — посмотрела вниз, где шли «бывшие».

— Да давай ты уже забирайся. Даже отсюда их вижу.

Маша попробовала поставить трясущуюся ногу на перила. Та выбила барабанную дробь по деревяшке. Но не слетела, удержалась.

— Теперь руку на ручку двери, — раздражённым шёпотом сквозь зубы советовал Саша.

Плохо управляемая ладонь легла на ручку. Пальцы сжались. Но ручка поскрипывала от безостановочных подергиваний, с которыми женщина не могла справиться. Её глаза остекленели. Она подняла их на Сашу, ожидая нового совета.

Тот не сразу сообразил, почему Маша смотрит на него и не двигается.

— Правильно. Всё правильно. Теперь попробуй встать двумя ногами на эту перилину. А другой рукой или за неё держись. Или как-то себе помогай.

***

Сметливый откусывал понемногу. Старался. Пережёвывал.

Кости ломило. Казалось, что живот набит настолько, что вот-вот треснет, лопнет, и всё вывалится наружу. Но он всё равно ел. Даже когда остальные Такие же ушли наверх. Туда, где шуршала другая еда.

***

Маша несколько раз попыталась взобраться на перила, но из-за внезапно налетевшей на неё бешеной трясучки ничего не получалось. Один раз её нога съехала вперёд, и женщина чуть не свалилась в лестничный проём. Спасло то, что она держалась за ручку двери.

— Так всё! Назад.

— Что? — подняла голову, на щеках слезы, губы сжаты в белую линию.

— Стоп. Ты свалишься.

Через секунду:

— Маша, что с тобой?

Она ответила ему только вялым движением остекленевших глаз.

Саша оглянулся на чердак. На первый взгляд ничего, что могло бы пригодиться. С шуршанием встал, чтобы рассмотреть получше, что лежит в углу.

— Не уходи... — услышал шёпот снизу.

Остановился.

«А может, и правда? Ну что ей уже будет? Всё равно для неё это конец. Последний день».

Посмотрел на свои руки.

«Да какая теперь разница? Кто меня осудит? Даже никто ничего не скажет. Потому что никто не узнает».

Саша сделал шаг вперёд.

Переломанные пальцы

Если ты собираешься кого-то бросить. Свалить. Не оглядывайся. Не смотри по сторонам. Не цепляйся. Не ищи то, что продлит безнадежную ситуацию. Иногда стоит уйти. Быть проклятым. Но не растягивать смертельное безумие.

Бегство — это движение. А оно, как лукаво улыбаясь, наставляют врачи — жизнь.

***

Маша встала. Рот отрыт, словно в оскале. Всепроникающий страх выключил боль в разбитых губах. Обернулась. В сторону «бывших».

Одного из них она уже четко различала внизу. Тень, когда-то считавшая себя человеком, медленно поднималась по лестнице на четвертый этаж.

***

Но Саша искал глазами не жизнь, а спасение. И в конце концов взглянул на свои руки.

Половицы скрипнули, когда он остановился. В нескольких шагах от люка.

Куртка.

Длинная.

Заменитель верёвки.

Машу можно затянуть, если сбросить куртку вниз!

Что-то плохое внутри надломилось. Распалось на две половинки.

Не смог уйти.

Нашёл решение проблемы. Спас совесть?

А разве из двух половинок чего-то плохого не может вырасти в два раза больше чего-то такого же? Зависит от почвы.

Саша развернулся. Начал снимать куртку.

***

Маша смотрела на ещё вроде бы не видящего её «трупника». И гадала, что предпринять?

Позади женщины. Словно щупальце тьмы. Из люка в потолке с шуршанием вывалилась куртка.

— Давай сюда! На что ты там смотришь?

Повернулась обратно.

— Маш, ты чего? — испуганно прошептал и как будто бы начал медленно затягивать куртку назад.

— Я думала, ты меня бросил, — прохрипела вверх и стиснула оскаленные челюсти.

— Я... — запнулся, но решил ничего на это отвечать, а только поторопил. — Ну сколько ты стоять ещё будешь?!

Схватилась за куртку. Саша потянул на себя. Постарался как можно тише выдохнуть стон от боли в напрягшемся теле.

Соскочила! Слабые пальцы разжались.

— Да крепче же держись ты, — зло прошептал, снова опуская заменитель верёвки.

Опираясь на стену локтем и обеими руками схватившись за куртку, женщина кое-как смогла взобраться на перила. Саша по чуть-чуть подтягивал к себе, перехватывал, подтягивал снова.

Пошатнулась. Устояла. Зло улыбнулась.

— Теперь прыгай вверх. Только подожди, не прямо сейчас, — начал хрипло шептать. — Я сразу подтяну. И ты, получается, повиснешь чуть выше. Только хорошо держись. И сразу ногами в дверной косяк упирайся. Я опять подтяну. И ты залезешь так.

Маша неуверенно кивнула.

Перехватилась. Вдохнула. Прыгнула. Саша тут же потянул куртку на себя. Вжжж — пластиковая молния о дерево. Выдохнула. И оказалась почти втянутой в люк.

Вспомнив наставления напарника, женщина с кряхтением кое-как начала делать то, что он требовал. И со второй попытки наполовину забралась. Саша схватил её за ворот и втянул на чердак. Вздохнул с облегчением: «Забрались»!

Глухой рык.

Скрип когтей.

Вслед за Машей попытался впрыгнуть «бывший».

Морда показалась в проёме.

Грязные страшные пальцы схватились за края люка.

Саша подпрыгнул от испуга и задел ногой дверцу. Та со скрипом упала и хлопнула неживого по голове. Мужчина вдогонку с силой врезал по ней ногой, чтобы тварь разжала пальцы и свалилась. Потом ещё несколько раз. Но не услышал грохота.

Никто не упал вниз.

Из довольно широких щелей между дверцей и дверным коробом продолжали торчать расплющенные пальцы существа. Если «бывший» во что-то вцепился, то это навсегда.

Поискал рукой в ближайшем тёмном углу. Под кусками стекловаты оказалось несколько обломков кирпичей. Бросил их сверху на дверцу люка. Для тяжести.

Задержит? Только благодаря прижатым дверцей пальцам, из-за которых она же и заблокировалась. А могут ли «бывшие» в принципе забираться на чердаки?

Вполне.

***

Слёзы. Одышка. Косые взгляды. Что-то не так.

Саша незаметно отступил на несколько шагов. Недоверчиво посмотрел на Машу. Та ответила ему примерно тем же.

Вымученно плакала.

Они вместе? Друг за друга? Против? Или каждый за себя?

— Ты как?

Вздохнула:

— Будь здесь француз, он бы ответил тебе — «мерде»*! — шмыгнула носом.

— Ты знаешь французский? — решил, что она более-менее в норме, раз шутит.

— Это всё, что я на нём знаю. Но для места, в котором я живу, этого слова всегда хватало.

— Ну ты идти можешь?

— Вроде бы да, — вытерла руками глаза.

— Соображаешь?

— Не совсем чтобы…

— Ладно. Давай как есть. Ты сожрать меня хочешь?

Зло посмотрела.

— Не…

— Не хочешь?

— Не знаю! — ссутулившаяся женщина резко выпрямилась. И презрительно зыркнула на спрашивающего. Потом пошатнулась от того, что слишком быстро подняла голову.

Саша от испуга аж сделал два маленьких шага назад.

— Ладно, ладно, ладно, — мужчина задумчиво посмотрел в пол. — Значит, нам нужен такой же люк, только в другом подъезде?

— В последнем подъезде. С той стороны сразу на Николаева выходим.

— И что?

— И ищем тачку. Не знаю только заведётся ли хоть какая-нибудь.

— Сегодня очень тепло. Может, блин, последний тёплый день в этом году. Должна хоть одна завестись. У кого-то же хватало денег на хороший аккумулятор.

— Тут нужно, чтобы всё совпало.

Вопросительно посмотрел на женщину.

— И ключи, и правильный аккумулятор в одной машинке.

Покивал:

— Ну должно же нам хоть в чём-то повезти.

— Не должно.

***

Люк с чердака на пятый этаж в последнем подъезде тоже был закрыт. И даже если в советские времена и правда строили на совесть, то ровное забивание гвоздей, державших петли дверцы, в это не входило. Да и сама деревянная коробка люка уже подгнила.

Поэтому, открутив несколько проволочин, на которых держались трубы на чердаке, они расковыряли гнилую древесину и выдрали дверцу.

Из проёма потянуло чуть более прохладным воздухом.

Посмотрели друг на друга.

Саша кивнул, будто понял что-то. Бросил вниз оторвавшуюся проржавевшую петлю. Та, едва нарушив тишину противным грохотом, вернула подъезд во власть беззвучия.

Прислушались. Подождали.

— Ты спрыгнешь?

Саша прикинул: схвачусь за край, опущусь вниз, повисну на руках и спрыгну. Но сможет ли так его напарница по выживанию?

Вздохнув, Маша ответила:

— Не мели чепухи. Эта дырка в полу меня не остановит.

— Ладно. Смотри, как я, — сказал, но сам подумал — а для чего тебе надрываться?

***

Спускаться — больно для избитого тела. Поэтому Саша не тянул и, быстро повиснув на руках, разомкнул пальцы.

Шлёп. И стоит на полу. Всё-таки тут светлее, чем казалось сверху.

— Отходи. Что встал!

Маша начала медленно спускаться. Застонала от боли. Саша подхватил её за ноги и помог. Это оказалось болезненнее, чем его собственный спуск.

Только он выпрямил спину, как женщина уверенно двинулась вниз.

— Погоди.

Недоумённо обернулась.

— Надо понять… решить, что мы там делать будем.

— Машину искать, — ответила со всё таким же выражением на лице.

— Да-да. Но давай решим, куда пойдём? В какую сторону? Как будем это всё делать?

— Попробуем пойти туда, — махнула рукой в сторону Краснинского шоссе. — Как и собирались же?

— Да, в воинскую часть. Как думаешь, лучше идти по этой стороне дороги или перейти?

— Да откуда я знаю? Где «трупников» меньше, там и лучше.

— Ладно. Только если что, то давай поползём. Или как-то так. Ну не будем выбегать как идиоты и скакать по всем машинам.

— Да, хорошо. Но если что, и побегать придётся.

— Надеюсь, обойдётся.

— Что обойдётся? Да они же все сюда сбегаются. Надо сваливать из этого нашего центра-эпицентра.

— Главное, не разделяться, — Маша нехотя покивала на его слова и ступила на следующую ступеньку. — Вместе мы с одним из «первых» точно справимся. Надо просто как-то сразу вдвоём месить его.

Женщина закашлялась. Скривила лицо. От боли на глазах выступили слёзы:

— Пошли уже, трупомес.

Саша подумал, что Маша сама вызвалась идти впереди. Пусть. Он следовал за ней на расстоянии пяти-семи ступенек. Та же не спеша

шагала вглядываясь в низ лестницы. И оставляла следы на пыльной поверхности.

Пыль — хороший знак. Значит, никто здесь не ходил уже давно. Получается, опасности нет.

На втором этаже. Кто-то вяло заскрёбся за обитой кожзамом коричневой дверью.

Замерли. Постояли. Поприслушивались. Маша пожала плечами. Саша махнул рукой вниз — пошли дальше.

***

На чердаке. Словно от удара головой. Со скрипом открылась дверца. Переломанные пальцы не разжались.

---

*Merde (французское ругательство) — дерьмо, зараза, гадство.

Фигня у этих русских

Подъездная дверь приоткрылась. Захрустел засыпавший её с улицы мусор.

После чердака и лестничных пролётов — мир яркий и тёплый. Почти доброжелательный. Лёгкое дуновение на лице. Сильный запах дыма.

— Я никого не вижу.

— Я тоже.

— Ещё бы, мы же смотрим в одну и ту же щель.

— Давай пошире? — Саша надавил на дверь. Теперь наружу можно было просунуть голову.

Слева.

От подъезда, из которого они сбежали, в их сторону полз огонь. Но ветерок, как мог, мешал — пытался раздувать его в обратном направлении. И пожар ещё не добрался до пожухлой травы возле этой двери. Пока можно было спокойно выйти. И тянуть не стоило — начинал загораться и первый этаж дома с той стороны. Из окон валил дым. А дальше — левее, всё в огне.

«Кажется, сегодня этот чёртов город прекратит быть».

Справа.

Насколько получалось разглядеть — на перекрёстке уже горели машины. Возможно, огонь пошёл дальше по Нормандии-Неман. Не видно. Но два этих пожара — справа и слева, медленно брали их в кольцо. Когда пламя станет единым — они отсюда уже не выберутся.

— Огонь и дым нас прикроют, — предположил с надеждой.

— Или убьют.

— Выходим? — навалился на дверь. — Пошли. Только пригнись, — и сам присел на корточки.

— Ладно, чёрт с тобой, Санька. Давай попартизаним.

Медленно.

Не вышли, а почти выползли. Двое. Грязных. Избитых. Очень похожих на неживых, от которых спасались.

Осмотрелись. Да, огонь вот-вот слизнёт последний их мостик, ведущий к мнимому спасению. Надо решиться и продвигаться вперёд.

Маша покивала сама себе. Саша почувствовал, что в руки вернулась дрожь. Махнул напарнице и в полуприседе побежал к машине.

Немецкий седан бросили на тротуаре прямо перед красным торговым центром «Скала». Внутри — поеденный труп. Ключи в замке. Аккумулятор сдох. Видимо, погибший водитель не выключил фары.

— Давай дальше. К той! — махнула рукой и оглянулась. В дыму за пламенем мелькали тени людей. Точнее бывших людей.

Подбежал. Дёрнул ручку. Наружу вывалился труп. Саша отпрянул в сторону.

У трупа тряслись руки. Но лицо, голова, остальное тело выглядели абсолютно… мёртвыми, частично объеденными и никак не связанными с движением рук. Пальцы как будто что-то перебирали. Пустоту.

«Чуть более мёртвый, чем местные неживые».

— Ну что там? — женщина оглядывалась по сторонам. И видела гораздо больше вяло бредущих фигур, чем хотелось бы. Они все были какие-то непривычно заторможенные.

«Может, повылезали вообще все "мертвоходы", даже не "первые", а какие-нибудь "нулевые"»?

— Тут труп. С трясущимися руками. Чертовщина какая-то.

— Труп? — насторожилась.

— Да, но руки как будто живые. Трясутся. Пальцами шевелит. А он совсем как будто труп.

Сделала удивленную гримасу:

— А на ногах?

— Что на ногах?

— Ну пальцы. Шевелятся?

— Да откуда я знаю? А что? Мужик когда-то попал под раздачу. Странно, почему так сохранился хорошо. Должен же был, наверное, сгнить? А он как мумия что ли. Только с ручками.

Скривила лицо:

— С машиной чего там?

Саша подсел к открытой двери. Переключатель фар в положении ВКЛ. Этот блекло-красный японец не заведётся. На всякий случай провернул ключ. Отрицательно мотнул головой.

— Зараза.

Буууух!

Где-то сзади.

Рванул бак в машине на перекрёстке. Лужа огня начала медленно ползти в сторону единственных по-настоящему живых людей. Пссс — загорелись и лопнули покрышки у соседней тачки. Скоро и её бак взорвётся.

Подсушенный мусор, неубранные листва и трава схватывались сейчас лучше, чем весной. Где не загоралось одно, вспыхивало другое — помогал бензин. Огонь выдавливал двоих спасшихся с этого перекрёстка, в народе его называли «Оптика».

Шумно. Гудело пламя. Взрывались машины. Лопались стёкла. Плавился и стонал металл. Что-то трещало, свистело и шипело. «Бывшим» было на что отвлечься, чтобы люди могли проскользнуть прямо у них под носом.

— Побежали дальше! — нервно, почти не разжимая губы, скомандовал мужчина.

— Нет! Возле огня их меньше будет. Наверное, — уверенно и одновременно неуверенно возразила.

Саша не был с этим согласен, но ответил:

— Ладно, только не взорвись.

И через секунду:

— Лучше искать машину с той стороны дороги.

Маша одобрительно кивнула:

— Тогда не придется разворачиваться.

— Вот именно.

А развернуть машину в обратную сторону — туда, куда собирались ехать, было бы не просто. Ведь вокруг десятки брошенных, именно брошенных в хаосе, легковушек. Правда, и аккуратного вождения здесь не нужно. Другие машины задевать можно. Саша с удовольствием бы подождал страховщиков, если бы они приехали на это ДТП на броневике.

Пригнулись ещё ниже. Побежали через дорогу. Хрум-хрум-хрум под ногами. Почти как в былое время ленивые горожане, не желавшие пройти десятка метров до «пешеходника» на светофоре.

На этой стороне улицы первые этажи хрущёвок, как и везде, заняты магазинами. Были когда-то. Взглянув на грязную вывеску

пекарни, Саша сглотнул слюну. Вспомнил, как покупал там дороженные мясные булки. Но те времена давно прошли и казались просто ярким сном.

«А где-то же сейчас люди живут нормальной жизнью. И читают про нас в новостях. Думают: вот же фигня у этих русских опять! А потом спокойно идут на работу. В кафе на обед. Или на офисную кухню разогревать еду в пластиковом контейнере. Он не новый и уже слегка липкий по краям, и эта липкость не отмывается.

Потом в офисных чатах кидают друг другу мемы. Да, раньше всё плохое смягчалось мемами. Будь у меня возможность смотреть мемасики здесь, я бы тоже смотрел. Все любят мемы, и всем пофигу на других людей. Может, кто-то сделает мемы в поддержку России. И стикеры».

Сзади снова что-то хлопнуло, и Саша развернулся в сторону шума.

***

От увиденного у него затряслась челюсть.

Двое «первых» вышли из огня.

В жизни так бывает: абсолютно киношный по исполнению момент материализуется в будничных пыли и шуме. Не стоит сомневаться, это редкая удача, про которую можно вспоминать до конца недели. А потом — до двух раз в год. Здесь это оказались двое, вышедшие из огня. Да так, как не смогли бы выйти никакие настоящие люди. Разумеется, живыми они уже давно не были.

Обгоревшая до определённой неузнаваемости парочка появилась из пламени. И направилась прямо к Саше. Так ему показалось. Ведь все мы центрируем мир на собственной персоне.

«Бывшим» здорово досталось нефтяной водой. Двигались они словно на ходулях. Неестественно. Как киношные зомбики. Наверное, из-за огня. А может быть, и из-за увечий, перенёсших их из мира живых в новый неопределённый статус «как бы жизни».

Первый — кто-то хрупкий. Невысокий. Хиленький мужчина или женщина. Скорее, второе. Редкие длинные пряди, не сгоревшие из-за слоя грязи, медленно с шипением плавились. Не вспыхнули сразу. Почему? Были в крови? Грязные от долгой жизни на улице?

Второй — кто-то маленький. Карлик или ребёнок. Скорее, ребёнок.

Они вышли из огня. Вдвоём. Едва ли не держась за руки.

***

Пятый этаж. «Бывший» с зажатыми чердачным люком руками. Висит. Дёргается. Подвывает. Мир мутнеет от дыма.

По лестнице неспешно поднимается «первый», переходящий во «второго». Тот самый, что доел убитого людьми «бывшего» парой этажей ниже. Живот распирает от непереваренной пищи. Кажется, что он трещит. Желудок уже очень много сегодня работал. Столько еды превратилось в энергию, она переполняла его. Возрождала, создавала, перепрограммировала процессы. Клетки. Они делились. Неистово. Яростно. Не так, как у людей. Тело «первого» переплавлялось, перековывалось странной силой Природы в более совершенное существо. По сравнению с тем, кем он был сейчас. Шаг вперёд? Наверх? В сторону? Или прыжок в Новое Царство?

«Первый». Идёт тяжело. Пошатывается. Естественно, не понимает происходящего. Но. Чует. Как надо. Так надо. Надо...

Ему бы лежать, перерастать, подъедать подаренного Природой собрата, снова лежать… Но снизу становится слишком дымно и жарко.

Чтобы всё сделалось «правильным» — нужно спастись.

Время полураспада

— Ты видишь не то, о чем думаешь.

Черные и обгоревшие. Мать и дитя? Случайно встретившиеся «бывшие»? Появились здесь именно сейчас? Сколько раз Саша мог увидеть что-то подобное из окна? Но нет. Они показались ему только сегодня. В день, когда его семья, конечно, погибла в огне.

Голова закружилась. Из тела ушло напряжение. Он весь как-то расслабился. Словно начал плавиться. Или распадаться на частицы.

— А даже если это и то, что ты думаешь, то все равно нам надо уходить.

Маша шептала. Сплетала из звуков слова.

У Саши же шумело в ушах. Он перешагнул свое время полураспада. Реальное снова стало едко-противным, потерявшим смысл. Обидным. Страшным. Несправедливым.

Не родным. Отторгнувшим. Отрубившим.

Эти двое «бывших», словно невидящие, прошли мимо прячущихся за машиной людей. И пошатываясь побрели куда-то дальше. Вместе. Или просто рядом.

Иногда места, куда ступали их ноги, завязывались огоньком. Правда, отчего-то быстро потухали. На замусоренной дороге оставались черные пятна следов. И они вели туда, куда собирались Маша и Саша.

— Ну что ты хочешь? Забрать их с собой, Саш? — женщина никак не рассчитывала на такую встречу. Она почему-то сразу обо всем догадалась. Понятно, что это должно окончательно расклеить ее и без того хлипкого товарища. Их отношения выходили сложными. На грани. Но она чувствовала — или просто вбила себе в голову, что должна его спасти.

Ведь. У. Него. Есть. Та. Самая. Кровь.

Слезы тонюсенькими дорожками пытались смыть грязь с Сашиного лица. Но она превратилась в толстые корки — на них требовалось гораздо больше воды. Поэтому слезы делали его щеки разве что еще грязнее.

— Или ты к ним хочешь отправиться? С ними пойдешь или со мной? — сквозь шум в голове пробился голос.

Ноги от сидения на корточках затекли. Плюхнулся на зад. Ему все это время было плохо. Но теперь стало плохо внутри. Шумно выдохнул… Такого удара судьбы он не ожидал и просто не мог собраться. Точнее получалось собрать только половину себя. Хотя и понимал где-то в дальних далях своего разума, что вокруг опасность. Что, скорее всего, увиденное — просто убийственное совпадение. Но никто не знал этого точно. Вернее, знали только те двое...

Маше надоело ждать. Жалко Сашу, ну, а ее кто пожалеет?

Привстала. Осмотрелась. Огонь наступал. Точнее пламени было плевать на двух еле живых бедолаг. Пожар просто жрал все, до чего мог добраться. И подыхал там, где оставался только асфальт. Фронт огня вдалеке постепенно становился не единым, но все равно жутко смертельным.

Они прятались за машиной. Почти у тротуара. И всегда могли нырнуть во дворы. Маша все же решила не ждать, когда их тела начнут запекаться без фольги, а отступить чуть дальше. В том направлении, куда и пытались двигаться. Так что это получилось, скорее, не отступление, а продвижение к цели.

Схватила напарника за шиворот и потащила. К ее удивлению, он все же вяло передвигал ногами и руками, хотя бы чуть-чуть помогая себя спасать.

— Не для того я тебя зашивала, Санек. Ты забыл? Забыл?!

— Что? — разлепил губы.

— Что тебя эта зараза вроде как не берет! Что кровушку твою нужно каким-нибудь военным доставить. Может, из нее что слепят.

— Даже… если и так. То тебе-то это уже не поможет, Маш.

Это было обидно. И у женщины чуть не разжались пальцы, когда она вспомнила то, что временно вытеснили мысли о попытках выжить.

«Спасибо, Саша, ты очень ценный помощник в своем спасении!»

— Случайно «немотивирующим» коучем не работал?

Когда они немного отползли, Маша отпустила. Открыла заднюю дверь ближайшей машины. В глубине салона у противоположной двери сидел мертвец. Перед ним — настолько же не живой человек на водительском сидении. Пристегнут. Пробитая голова опущена на грудь. Ссохся.

Оба места справа свободны.

— Залезай, посиди. Правда, там сосед.

— Да это же трупак! — взглянув в салон, воспротивился Саша.

— Да тут вокруг везде трупаки. Садись. Переждем.

— Что переждем? — брезгливо скривившись, спросил мужчина, но все же стал забираться в салон.

— Твое обморочное состояние переждем. Дождемся, пока ты жить захочешь, и снова попрем!

Сама села на переднее пассажирское сиденье. Рядом с водителем, развалившимся на руле:

— Здравствуйте! Машинка на ходу? Мы посидим тут у вас?

Провернула ключ зажигания.

— Аккум дохлый. Шурик, на этой не поедем.

Маша что-то говорила. Наверное, старалась отвлечь его от погаденьких мыслей. Но когда все они погаденькие, с них не переключишься.

Если ты упал в воду, то вся она мокрая.

В грязном окне мелькнула тень — неживой прошел мимо. Потом еще.

— У, поперли мертвоходы поганые, — нервно оскалилась женщина, глядя на улицу через случайные просветы на заляпанном стекле. — Наверное, не замечают нас из-за грязных окон, да? Не видно же, что мы в салоне сидим?

Саша шмыгнул носом и повернул голову к своему соседу.

Мужчина. Костюм, когда-то продававшийся как бежевый. Часть виска: выдрана, снесена, откушена? Неизвестно. И никогда не станет известным. Вопрос. Как случилось так, что в закрытой машине два покойника? Они не «бывшие». Не слишком сильно поедены. Но точно насильственно мертвы. Ваши версии?

— Кто же их укокошил? — размышляла над тем же Маша.

Саша заметил у своего соседа в ране мусор. Или нет. Какую-то травку. Что-то похожее на мох. Растение? Зеленые тонюсенькие усики торчали из покрытой коркой раны. Пара десятков. Или больше — не разглядеть. Длинные. Наверное, с палец. У некоторых зеленых ниточек — круглые рубиновые бубенчики на концах. Или чуть ниже. Совсем крохотные. Даже сфокусировать зрение едва получалось. Они легонько шевелились на ветру.

На каком ветру?

— Маша! — ткнул пальцами в слезящиеся глаза, в надежде выдавить из них лишнюю жидкость. — Тут какая-то дичь.

Женщина открыла бардачок. Бумажки. Таблетки. Ничего полезного.

— Саня, да тут повсюду дичь дичайшая. Я сама даже уже почти...

— Нет, у него в башке какая-то дичь.

— Знал бы ты, что у меня в голове временами бывает…

— Да, нет, — разозлился. — Тут какой-то… как бы мох. Зелененькие штучки. Волосики. Не знаю.

***

— Долбаные американосы! Как они это сделали? — Маша обернулась и рассматривала мужчину с «не мхом» в разбитом виске.

— Что?

— Ну, это!

— Я не понимаю.

— Это вот им и скажешь!

— Кому? — недоумевал Саша.

— Американосам!

— Да что ты пристала к американцам?

— Так это они!

— Вот это американцы? — Саша внимательно посмотрел на трупы.

Пытался опознать в двух мужчинах граждан США. Или даже просто иностранцев. Не получилось. Разве что наличие странного «не мха» в разбитой голове могло говорить Маше о чем-то, что для Саши было неочевидным.

Их армия — это мы

— Да не они, — Маша указала на трупы. — А это все, — ткнула за окно. — Это вот все они сделали.

— Вот эти мужики мертвые? Или американцы?

Закатила глаза:

— Ну, НАТО. Может, немцы. Но вряд ли они стали бы так грязнить у себя под боком. Англичане, думаю, точно замешаны. Еще, можешь не верить, но вот чуйка говорит, что бельгийцы тоже! А финны и поляки, ну просто сто процентов. У них зуб на нас.

— Тьфу! Ты совсем поехала что ли? Какой зуб? Какие бельгийцы? Были же американцы в начале! — слишком неожиданно повернулся этот разговор.

— Ты дурак?

Саша не нашелся, что ответить. Может, и дурак.

— Ты сам посмотри. Это что, похоже на эпидемию?

— А на что еще это похоже? — искренне изумился.

«Она что, глумится надо мной?»

«Эх, Сашкинсон, котенок ты слепой!»

— Смотри, если эта зараза передается только через укус какой-нибудь, то она бы за три дня, ну, неделю, не вырубила бы всю нашу с тобой патриотично-олигархическую родину. Даже наш городок. Санюсик, ну все просто же?

Снова не нашелся, что ответить. Слишком много плохих новостей за один день. А теперь еще и что-то бредово-сложное.

«Как же все это достало! Ну, что еще она вычудит?»

— Понимаешь? — а он не понимал. — Когда эпидемия, то она распространяется сначала из одной точки. Постепенно. Хоть и быстро. День за днем. Неделю за неделей. Сначала все такие — фигня, пронесет. Потом разговорчики меняются — будьте, ребята, поаккуратнее, там, всем здоровья, все держитесь. Адиос, мы полетели в Сочи на пляжный саммит. Но вы — самолетами не летайте! Потом многое уже запрещать начинают. И только когда-то после этого должно случиться то, что имеем сейчас. Въезжаешь?

— Не особо, — ответил предельно честно.

Женщина шумно и наигранно-разочарованно выдохнула, подняв клуб пыли с приборной панели перед собой:

— Даже по новостям не успели ничего передать, как всех накрыло. То есть, очень быстро.

— Откуда ты знаешь, что всех?

— Ну, тут твоя правда, Сань-диега, может, и не всех. А что, тогда только нас? Получается, это наши же эксперименты проводят над нами?

— Не думаю.

— Вот и я тоже. Я уверена, что зараза появилась не случайно. А именно — специально. И сразу много где.

— Прилетели американцы и распылили ее везде?

— Не знаю. Но это точно не какая-то спонтанная самозародившаяся фигня. Я много над этим думала. Вспоминала, как все произошло.

— Хм...

— Ты помнишь, как «корона» распространялась? Ушли месяцы. И то у нас тогда только по несколько десятков в день заболевали. В нашем городе. Потом лавина уже пошла. Но многие все равно не переболели. А здесь дня за три все схлопнулось. Даже в новостях не успели передать. Может, на Дальнем Востоке и успели, конечно.

— И ты думаешь, что это американцы?

— Я думаю, что это война, Сашка. И уже неважно с кем.

— Война? Но где…

— Армия? Солдаты-захватчики? Оглянись. Их армия — это мы.

Буууух. Взорвавшийся неподалеку бензобак напомнил им о том, что надо бежать.

***

Как растения поворачиваются к солнечному свету, так и «не мох» в виске мертвого не американца тянулся точно в сторону Саши. И больше никакой несуществующий ветерок не тревожил его.

«Интересно, эта штучка тоже плотоядная?»

Несколько минут назад он едва сдерживал рыдания. Не хотелось чувствовать ту жизнь, что выпала на его долю. Но сейчас, от Машиных теорий заговора, к нему вернулось глупое детское желание во всем подкалывать опростоволосившегося оппонента. Саша абсолютно не воспринимал всерьез слова о нападении «американосов». Но это его

отвлекло. Или силы переживать что-либо просто закончились. Не за один день, пусть и напоминающий судный. А за все эти месяцы жизненной темноты.

***

Выбрались из тачки. Оставили двери открытыми, чтобы не шуметь. Присев, пошли вперед.

— А этот «мох»? — прошептал и кивнул в сторону брошенной легковушки.

— Мох-мох! Что ж ты маленький не сдох! У меня нет ответов на все вопросы.

Саша недовольно покивал. И почти на четвереньках пополз к другой машине. Замер. На противоположной стороне улицы, в сторону пожара, быстрым шагом или медленным бегом двигался «второй». Обернулся к подоспевшей напарнице:

— Вон, этих я называю «вторыми».

— Здоровый, скотина!

Согласно кивнул:

— Так вот. Если все так, как ты говоришь. На этой земле уже невозможно будет жить. С такими соседями постоянный риск заражения…

— Ну, сделают какой-нибудь Спутник Z и привьют. Или города сравняют с землей. Зальют напалмом. Химией какой… Потом засадят лесами! — подергала дверные ручки, которые не поддались, удивилась — редко какая машина не открывалась. — И оставят в покое лет на пятьдесят.

Пригнувшись побежали дальше, а она продолжала:

— Тут же дело в ресурсах и геополитике, в первую очередь. А где лежат наши ресурсы, там не такая численность населения, наверное. А все вот это вот — центральная часть России, станет парком через сто лет. И богатые американцы будут покупать себе здесь дома в экологически чистом районе. Или китайцы. Но они на востоке, наверное, попрут. Посадят дубы, сосны из Красной книги…

— Да что ты пристала к этим американцам? Теперь и китайцев еще приплела! — перебил обернувшись. — Второго канала насмотрелась что ли? Маша, ты, может, вообще бредишь уже?

Саша начал оживляться в споре. Но не мог придумать правильных слов для борьбы с этим бредом. Адекватные мысли Маша не

воспринимала, а неадекватных у нее самой было достаточно.

— Даже НАТО бы не согласилось. Ведь, считай, на их территории зараза такая. Между нами моря нет! Это же, получается, какое-то биологическое оружие? Ну, по твоей логике? Да даже самый дурацкий дурак на такое не пойдет. Тем более, они все толерантные там.

— Да их могли и не спрашивать, Сашка. Это ж американосовская ручная конторка для войны и сдерживания нас на нашем же материке. Они там даже не за себя, а просто против нас. И в этом они гораздо толерантнее друг с другом.

— Не понимаю логики. Их же все возненавидят…

— Это они решают, кто и кого будет ненавидеть, наивненький. Да американцы, наверное, больше всех там сейчас по своим телекам удивляются и возмущаются. Помощь предлагают. Гуманитарку всякую. Но их помощь обязательно придет в виде миротворцев из частных военных компаний. Еще и роботов привезут! Попомни мои слова. Будешь бегать от робособак, если выберемся отсюда.

Из этой фразы Саша понял, что сама она спастись не рассчитывает.

— Какая-то фигня, Маш. Ты такая сидишь там в своей квартирке. И взяла и все поняла, когда мох у мужика в башке увидела.

— Да поняла я это давно, — махнула головой, и они побежали пригнувшись к другой машине.

— Не заметно.

— Зато по тебе все заметно! Понимаешь, если бы случилась какая-то эпидемия, то прилетели бы спасатели. Ну, военные. Кого-то бы мы увидели. Услышали. Нам бы, может, и не помогли. Но мы бы знали, что не одни. А сейчас мы не знаем. Вообще ничего не знаем. От этого еще страшнее. Только ты — просто боишься. А для меня отсутствие информации — тоже информация!

***

Тук. Тук.

Еще громче — ТУК.

Обернулись.

Подняли глаза.

На балконе очень худой мужчина стучал лбом в стекло. И смотрел на них. Скалился. Длинные седые волосы-пакля скрутились и торчали вверх, словно короткие толстые рога. Коричнево-грязная футболка, возможно, когда-то была тельняшкой. Этот «бывший» выглядел беспомощно злым. Слишком слабый, чтобы напасть. Слишком бодрый, чтобы не хотеть пожирать людей.

Переглянулись. И рванули дальше.

Внимание Саши привлекла отечественная легковушка. Брошенная на въезде во двор, который постепенно становился выше уровня дороги. Получается стояла немного на горке. И другие машины сзади ее не прижимали.

Водителю не удалось проехать к своей цели. Впереди оранжевобокий мусоровоз наехал на китайскую малолитражку. И заблокировал дорогу дальше во двор.

Появилась идея. Загорелись глаза:

— Сюда давай, — указал на машину.

— В эту колымагу?

— Ага, может, заведем.

Слшшшип — отлипли уплотнительные резинки давно закрытой двери. Маша прыгнула на заднее сиденье. Ее напарник почти обполз машину. Дернул водительскую дверь.

В полумраке салона — высушенный старичонка. Сидит с идеально прямой осанкой, но на спинку кресла не опирается. Левая рука на руле. Обкусана в нескольких местах. Правая — на ручном тормозе.

— Машина на ручнике стоит, — сообщил о своих наблюдениях.

Маша пожала плечами — рассматривала другое.

Переведя взгляд, Саша нахмурился. На лысой макушке старика — длинная ссадина, а из нее — тот самый «не мох». Только этот длиннее. Гуще. И соединяется с потолком машины. Врос во внутреннюю обивку. Из-за этого, видимо, старикашка и сидит так ровно.

— Неужели эта фигня смогла его так поднять?

Длинные «не моховые» ниточки были увешаны рубиновыми бусинами.

Маша выглянула с заднего сидения. Криво посмотрела на все это дело:

— Дед, давай, твоя остановочка, — и сильно толкнула покойника в плечо. От удара старикашка неестественно вывернул голову в сторону женщины. И клацнул челюстью так, что, наверное, было слышно даже на другой стороне улицы. Маша вскрикнула и отпрянула. Саша же в испуге успел сделать шаг к задней двери. А потом, сам себе удивляясь, пнул деда в другое плечо. Так, что тот ударился об руль. И клаксон коротко просигналил.

Подгнившие нейроны

Об руль ударилось только тело. А вот голова оторвалась. От шеи. И осталась висеть на «не моховых» ниточках, растущих из раны на макушке. Они оказались крепче, чем выглядели.

Маша удивленно оскалилась. По-злому. Недоверчиво.

Ни капли крови.

Запахло чем-то медово-подтухшим.

Саша даже не стал оборачиваться и пытаться сосчитать, сколько «бывших» их услышали. Просто автоматически понадеялся, что звук гудка достиг ушей только тех трупников, что были рядом. Все-таки пожар — дело шумное.

Голова деда выглядела абсолютно мертвой. Но мужчина все равно пнул ее ногой.

Нижняя челюсть криво съехала в сторону. Отделившееся тело уже казалось не опасным, а просто мерзким. И брать голыми руками эту голову не хотелось. Саша оглянулся по сторонам в поисках какой-нибудь палки.

— Да мне уже все равно пофиг, — сказала Маша и схватила голову. Сильно дернула вниз и оторвала. Саша заметил, что в разные стороны посыпались рубиновые бусины.

Бросила дедову «думалку» под ноги напарнику. Он ее отфутболил в сторону. Оглянулся: несколько «бывших» неслись в их сторону. «Второй» пока только успел обернуться и, видимо, с любопытством изучал будущую еду.

— Ааа! Пошел отсюда, — схватил за куртку и выкинул тело старика.

Влетел в салон.

— Вот же фиговина, да? — услышал сзади.

Ошалело осмотрелся. Наклонился к ручке переключения передач.

— Маша! К нам б-б-бегут «бывшие». Мы или уедем, или подохнем с-с-сейчас, — начал то ли заикаться, то ли от дрожи, волнами прокатывавшейся по телу, тянул некоторые буквы.

Провернул ключ зажигания. Едва слышный — вжжжжуууу — не завелась. Но хоть какой-то звук! Аккумулятор в порядке, пусть и

разряжен.

— Я-то готова, — услышал грустный голос сзади.

Женщина отстраненно рассматривала прилипшие к ладони красные бусины. Они не лопались, а немного сминались. Клейкие, как смола. Оставляли на пальцах липкие следы. Как будто подержал в руках чистую с виду банку из-под меда и не понимаешь, почему теперь к рукам все пристает.

Саша выжал сцепление. Дернул ручку и включил нейтральную передачу:

— А я нет.

Снял машину с ручника.

***

И ничего. Она не покатилась.

Из-за долгого стояния на месте колеса, даже с легкой помощью гравитации, не провернулись. Да и горка не была крутой. Машина не покатилась назад, как рассчитывал Саша. Разве что сдвинулась на пару сантиметров.

— Вот же черт!

Он начал раскачиваться на сидении вперед-назад. Пытался дать всей этой не движущейся конструкции толчок в нужном направлении. И по идее та могла покатиться.

Маша вздохнула, быстрым движением вытерла липкую руку о штаны:

— Я толкну, — и выскочила из салона. Саша не успел и рта раскрыть.

Даже не видел, как она обежала машину. Только услышал, что уперлась в капот:

— Поехали! — и навалилась со всей силы.

Что-то скрипнуло, и тачка на пару сантиметров сдвинулась. Саша крикнул:

— Давай еще! — и сам продолжил раскачиваться в кресле.

Буууух!

Где-то совсем рядом. Сзади. Громыхнул еще один бензобак. Никто из так отчаянно спасавшихся людей не видел, но растекшаяся огненная жижа отрезала от них часть «бывших».

Маша уперлась плечом и, словно с низкого старта, снова толкнула. Колеса тяжело провернулись — машина медленно

покатилась назад. Саша от волнения едва не забыл провернуть ключ.

Вжу-жу-жу-вжжууу — не завелась, задергалась — но звук был хороший. А Маша продолжала толкать. Легковушка набирала пусть и улиточную, но скорость, превышающую ноль километров в час.

Включил заднюю передачу. Машина дернулась. Повернул ключ и надавил на газ.

Вжужжууу-пых-пых-пыууууу — как будто завелась на секунду, задергалась и заглохла. Встала. Включил нейтралку.

— Будь ты проклята, развалюха! — заорала Маша и снова уперлась плечом в фару.

— Толкай-толкай! — сдвинулись с места, а значит, шансы есть.

Снова переключил на заднюю. Машина задергалась. Заурчала. Плавно. Медленно, нежно, почти медитативно нажал на педаль газа.

... Закрыл глаза. Представил безмятежно плывущий в холодном океане огромный айсберг…

Вжужжууу-пых-пых-пых, чуть-чуть отпустил педаль и надавил снова. Услышал спокойное, иногда почихивающее, урчание мотора. Быстро поставил на нейтралку.

Буххх — зацепил что-то (или кого-то) правым боком, а потом врезался задом. К счастью, на нейтральной передаче машина не заглохла. А Саша от испуга еще и поддал газку.

***

Нельзя дать машине заглохнуть сейчас, поэтому он не прекращая подгазовывал. Замолкнет двигатель — больше ее не завести.

За бортом — шумело и трещало. Ничего не видно, окна залеплены грязью. Кажется, скрипнули дворники, но получилось оторваться лишь на пару миллиметров. Дернул вверх ручной тормоз. Сильно нажал на газ и плавно отпустил.

Открыл дверь. Выпрыгнул. Содрал кусок сухой грязи с лобового. Впереди увидел, как его напарницу повалил «первый». Срывая ногти, провел по стеклу, чтобы снять еще хоть сколько-то мусора. Прыгнул в тачку — чуть-чуть видно.

Первая.

Надавил на газ.

Снял с ручника. Колеса забуксовали, срывая машину с места.

***

Не всегда движение — это жизнь. Точнее, не для всех.

Двигаясь буквально по памяти, переехал ноги «первого», свалившего Машу. Приоткрыл дверь и проехал вперед, чтобы видеть, как задние колеса остались на конечностях твари.

Нейтральная передача. Ручник.

Зубы неживого отпустили женскую руку, когда он развернулся в сторону придавившего его автомобиля.

Из Машиного носа текла кровь. Наверное, пропустила удар. И теперь была дезориентирована.

Выскочил из тачки.

Очень разозлился.

За все. Не только за Машу. А капитально. За все.

Без колебаний пнул «бывшего» ногой прямо в морду — его аж развернуло от удара. А потом еще добавил ему несколько раз пяткой в шею сзади. Со всей силы.

Хрумсть. «Первый» обмяк.

Боевая нога заболела.

Схватил Машу и, как смог, откинул к машине. Распахнул заднюю дверь. И на него налетел еще один «бывший».

Но неудачно.

Мертвоход прыгнул сзади. Но у его «добычи» сработало что-то из рефлексов, заложенных еще в первобытном прошлом. Периферическое зрение? Слух? Обостренный боевой режим? А может, все вместе? Пусть и банально, но правильно будет сказать, что за долю секунды Саша «как будто что-то почувствовал». И начал разворачиваться в сторону опасности. Из-за этого человекоед вместо того, чтобы всей массой налететь на жертву, пролетел чуть-чуть мимо — прямо в салон. Ударился мордой об руль. Просигналил в клаксон. И повалился вниз.

Трупник оказался в очень неудачном положении. Половина тела в машине, а другая на улице. Мужчина со всей силы ударил его по пояснице ногой, так, что противник чуть сполз вниз. А потом прыгнул сверху на спину и (при ожидаемой поддержке гравитации) переломал позвоночник гаду.

— Ахренеть, — услышал сзади голос, больше похожий на хрип.

Схватил «бывшего» за шкирку. С неизвестно откуда появившейся силой вышвырнул его из салона. Труп живого мертвеца угодил под

ноги бежавшему к ним «второму». Тот кубарем покатился в сторону и падая угодил головой в бетонный бордюр.

Саша открыл заднюю дверь шире и затолкал едва шевелящуюся Машу в салон. Прыгнул в кресло. Потянул на себя ручку двери. Увеличивающейся тенью, из-за границы зрения, появилась лапища очухавшегося «второго» и вцепилась в плечо.

Если бы Саша не подпрыгнул от испуга, то «бывшему», наверное, удалось бы выдернуть его на улицу. Но мужчина отмахнулся и снял машину с ручника.

Задняя. Плавный газ.

«Второй» очень удивился нестандартной ситуации. Ведь его вкусно пахнущая добыча начала неестественным образом перемещаться в пространстве. Разумеется, если «бывший» мог удивляться. Но сценарий происходящего для него точно был нетипичный.

Время — самый ценный ресурс не только для живых, но и для в некоторой степени мертвых. Именно поэтому попытка удержать равновесие во время движения машины отняла у неживого лишние секунды, и Саша дернул дверь на себя. Хорошенько саданув противника по голове.

Маша одной рукой схватила напарника, чтобы его не вытащили наружу. Другой начала вяло колотить по ручище «второго».

Остановка. Руль влево. Первая скорость. Плавный газ.

Не успел «бывший» подняться, как его потащили в другую сторону.

Лобовое было очищено в паре мест перед водителем. Просветы в грязи получились размером с кулак. И этого достаточно, если не нужно соблюдать правила. В каждой бочке дегтя можно найти ложку меда. Раньше ты старался не сбить пешехода, теперь требовалось ровно обратное. В постапокалипсисе случаются и приятные мелочи.

«Бывший» недолго продержался на ногах. Свалился на ходу, больно вцепившись в Сашину руку. Теперь его ноги влачились по земле. К счастью, подгнившим нейронам «второго» еще требовалось разобраться с нестандартной ситуацией — как пожирать людей в движущихся автомобилях. Поэтому он пока не сильно докучал спасающимся.

Мужчина старался не обращать на неживого внимание. Теперь они владеют заведенной машиной на севшем аккумуляторе. И если сейчас во что-нибудь впишутся и заглохнут, то снова уже не заведутся. А из этого места хотелось убраться подальше. Подальше к цели. Или подальше от такой концентрации «бывших».

Маша пока без успехов колотила по рукам «второго». А тот медленно подтягивался ближе к Саше и готовился вцепиться в него зубами.

— Да дверью ты его бей, — заорал напарнице.

Услышал сзади кряхтение. Грязная рука потянулась к ручке так и не закрытой двери. Когда та в очередной раз качнулась в нужную сторону, схватила ее и со всей силы саданула «висяка».

Оба пассажира с удовольствием отметили, что Маша попала по голове. «Второй» немного ослабил хватку. И любительница теорий заговора ударила еще несколько раз. Башка твари отдернулась назад, и дверь получилось почти закрыть. Теперь его руки были внутри салона, а голова снаружи. Кусаться больше он не мог. Саша мельком покосился на тварь.

Дорога впереди с десяток метров была чистой.

— Держи дверь сейчас крепко, — и со всей силы дернул левой рукой вправо. От рывка пальцы «бывшего» еще раз соскочили. Теперь он вцепился в край куртки.

Переключил на вторую скорость. Чуть-чуть разогнался. И зацепил левой стороной стоявшую на пути иномарку.

Кхщщщщ.

Бум.

Руки исчезли.

Саша постучал по Машиной руке на его плече. И та со звуком отлепила ее. Захлопнул дверь.

Понажимал на дворники, но те не смогли оторваться. Омывашка тоже не пробилась через слой грязи.

Поехали дальше.

Небезопасный пассажир

Только они избавились от «второго», как в правую переднюю дверь, что-то ударило. Хруст. Скрип.

— Наверное, зеркало оторвали, — тревожно процедил.

Сделал аккуратный маневр влево. Объехал столкнувшиеся иномарки по тротуару. Что-то захрустело под колесами. Машину затрясло. Как будто наехали на нескольких маленьких лежачих полицейских подряд. Вот только это были не полицейские.

Хотя, кто знает.

***

От дома Маши до воинской части несколько минут езды, если нет пробок. Или ночью, когда коррумпировано уложенный асфальт максимально разгружен. Пешком — топать где-то четверть часа. Но в постчеловеческом хаосе — даже на машине требовалось чуть больше времени, чем пешком в прошлые хорошие денечки. Пока все объедешь...

Саша вел машину спокойно. Медленно. Плохо видел дорогу. И старался объезжать брошенные абы как тачки. Мантра в голове — лишь бы не заглохнуть.

Спросил:

— Ты как?

В ответ услышал сзади легкое чавканье. Такое, когда человек широко открывает рот и шевелит челюстью, чтобы оценить весь урон.

— Получила по морде. Покусали руку. Думаю, мне нужно в отпуск. И к зубному.

Кто-то снова ударил по машине. Но они так и не узнали кто.

***

Еще один неуклюжий «бывший» попал под колеса. Саша криво улыбнулся или оскалился, когда машину перестало трясти.

«Больше "бывших" под колесами, меньше "бывших" не под колесами».

Почувствовал, наверное, чуть ли не впервые с начала эпидемии, что бразды правления жизнью снова в его руках.

Руль. В его руках.

Даже воздух стал иметь вкус или легкий аромат. Медово-приторный. Что-то очень сладкое, но на самой грани обоняния. Саша мотнул головой, отгоняя странные мысли. Провел рукой по приборной панели, смахивая пыль. Было даже непонятно, с какой скоростью они ехали, стрелочка спидометра почти не двигалась. Но ему казалось, что они летят, мчатся по городу.

Скорость свободы — она любая, что выше нуля.

***

— Ну что, есть там кто снаружи?

В те маленькие дырочки, что он проделал в грязи на лобовом было еле-еле видно дорогу. Иногда удавалось разглядеть бредущих покалеченных «первых». Некоторые довольно бодро бежали в сторону пожара. Попалась даже женщина в широкополой шляпе. Она, возможно, даже была почти без одежды, которая превратилась в прилипшие к телу лоскуты. Но державшая еще некую форму шляпа каким-то чудом все это время оставалась на ее голове.

Саша сбил эту даму в шляпе.

— Да, бегут, — мотнул головой назад. — Туда.

— Вот пусть там и сдохнут, — устало произнесла женщина.

— Главное, чтоб за нами не шли.

***

Из множества окон. Десятков, не сотен. Наблюдали неживые глаза.

Пробегавшие мимо машины «бывшие» часто останавливались и оборачивались. Чем более целым выглядело тело особи, тем вероятнее было, что она переключит свое внимание с пожара на неопознанный (для нее) объект. И тогда эти, когда-то, возможно, даже о чем-то мечтавшие бедолаги меняли свой курс. Начинали не спеша брести в новом направлении. За машиной.

***

Изредка среди «бывших» встречались «вторые». Чуть крупнее. Чуть быстрее. Опаснее.

Сегодня денек в городе получился шумным. И человекоеды, наверное, с безжизненной радостью отвлекались от своих неизвестных, но точно им опостылевших занятий.

Конечно, многое их сбивало с толку. Странный новый запах. Непривычный шум. Но генеральный инстинкт поведения всегда

подсказывал, что нужно делать в любой непонятной ситуации. Найти. Догнать. Сожрать.

И вот они все прибывали и прибывали к пылающим зданиям. Толпы становились все гуще. Те, кто был по эту сторону огня, часто оборачивались на другой шум. Шум чего-то удаляющегося.

А если что-то удаляется, то его можно сожрать.

И «бывшие» начинали догонять.

***

Открытый въезд в воинскую часть никого не удивил. Мусор на дороге, как и во всем городе, тоже.

Откинутые шлагбаумы вызвали у Маши злорадную ухмылку:

— Добро пожаловать, — произнесла она с торжественной издевкой.

Медленно въехали.

Саша никогда здесь не был. А за забором из бетонных плит с улицы особо ничего не разглядишь. Внутри — легкая неубранность. И, кажется, никого.

— И где же все военные по твоей версии?

— Отступили куда-то, наверное, — серьезно задумалась, со скрипом опустило стекло. — Какая-то часть, конечно, бегает тут же. Кого-то может и разбомбили. Но здесь вроде бы дырок от бомб нет.

— Да ты же сама себе противоречишь! Если никто не знает, кроме тебя, что это американцы, а они еще для виду сами всему удивляются и не берут вину на себя, то как бомбить-то?

Саша взял вправо, чтобы по кругу объехать периметр. Много гаражей. Некоторые с распахнутыми воротами. На эстакаде брошенный крытый Урал с поднятым капотом. Несколько небольших зданий тут и там в середине части.

— Я уже говорила, что много над этим думала?

— Говорила ты много. Но словом не обмолвилась о том, что еще и думала над своими словами!

— Так вот. Чтобы бомбить, может быть куча возможностей.

— Ну, кто бы сомневался... — сказал тоном обреченного слушателя, который сам попался в ловушку рассказчика.

— Например, они могут говорить, что бомбили зараженных. Или что эти, то есть наши, военные убивают мирное население.

— Да такое невозможно! Кто в это поверит?

— Второй вариант постоянно используется в войнах. Типа мы не хотели их бомбить, но они нарушают права человека, на наш взгляд, убивают мирное население. Опять же, на наш взгляд. Поэтому мы их убьем. Видосик какой-нибудь еще пропагандистский снимут.

— Видосик?

— Именно! Какие-то люди бегут. Какие-то люди как будто бы в форме по ним стреляют...

— Ага, и все это «какая-то» фигня, Маш. Просто не верю я в такое. И никто не поверит. Да это просто эпидемия. Как бы скучно и бессмысленно для тебя это ни прозвучало! Кто-то создавал какое-то лекарство. Или даже отраву. И она случайно попала наружу. Может какие-то психи. Фанатики. Но не война, — снисходительно объяснял Саша, пытаясь разглядеть в запустении, что царило снаружи, тех, кто им поможет.

— Как здорово, что все думают точно так же, — прикоснувшись к ушибленной челюсти, ответила женщина. — Это на руку тем, кто через лет тридцать-пятьдесят будет продавать наши земли.

— Ты же говорила через сто?

— Через сто их продадут обычным людям. А до этого выкупят какие-нибудь ушлые компании, высокорисковые фонды. Богатеи. Они хапнут за копейки. А сольют за тонны денег. И у них это купят. Да еще и в ипотеку. Здесь откроется просто новая плантация для финансовых рабов.

— И ты так давно уже думаешь? Еще до того, как меня спасла?

— Да.

— Понятно. Значит, рехнулась ты уже порядком по времени.

— Как ты не понимаешь? — устало протянула последнее слово. — Война — единственное объяснение происходящему! Причем, рациональное. Это не просто наши геополитические враги. А идеологические. Или нас перевоспитают. Что не вышло. Или истребят. Что, кажется, уже получилось. Тут не утечка заразы, а вброс! Это же очевидно!

— Нифига здесь нет военных, — сказал тоном, закрывающим одну тему и начинающим другую.

Территория выглядела не заброшенной, а оставленной. В легкой суматохе, судя по всему, но без паники.

— Они что, просто уехали?

— А почему бы и нет? — обиженно ответила женщина. — Нас-то было уже не спасти.

Саша почувствовал смятение внутри. Ну, поверх всего остального кошмара.

«Как же так? Даже армия не спаслась? Нет, то, что говорит Маша, полнейший бред умирающего человека (черт, она же вот-вот уже скоро станет одной из...). Но почему нет военных? Машин? Почему выглядит так, что никого из них здесь и не было тогда?»

В прошлом он пару раз видел, как военные выезжали из части на учения. Или неважно куда. ДПС тогда пришлось перекрывать дорогу, потому что из ворот тянулась вереница из десятков грузовых машин.

«И где они все? Нет, могли же и вправду отступить? Если уж так… Или просто их вообще не было в городе. Они перед эпидемией могли как раз уехать на учения. Так что все логично», — пытался найти всему объяснение Саша.

— Наверное, у военных начались какие-нибудь учения. И они уехали перед этим всем.

— Почему тогда они потом не приехали назад?

***

— И как ты видишь, Саньчес, ни одного трупника в камуфляже здесь не бегает.

— Я же вроде бы уже предположил, что военные просто перед «этим всем» уехали на учения.

Ответила после некоторого размышления:

— Версия действительно неплохая.

Саша остановил машину. Нейтралка. Ручник. Нажал на рычажок стеклоомывателя.

— И не надеялся, что ты согласишься.

Маша еще какое-то время поразмышляла, неуверенно обводя глазами то, что видела в окне.

— Тот грузовик на ремонте. Свободный въезд на территорию. Небольшой беспорядок. Открытые ворота в гаражи.

— И что?

— Так на учения не уезжают.

— Не сомневался, что ты найдешь этому «логичное» объяснение.

— А оно не логичное?

Саша задумался. Голова работала плохо. Все устало и болело. И эта тема его уже достала. Надо решать, что делать дальше. Понятно одно — здесь помощи не найти.

— А что ты думаешь насчет этого мха-немха. Или ниточек?

— Пока ничего. Может, только то, что и так должно прийти всем в голову. Ну… кроме тебя, разумеется. Какие-то мутации, наверное…

— Ты же дичь несешь?

— Почему? — попросила устало.

— Как могут мутировать растения с чем-то еще? Этот мох и животные, то есть, люди? Это же, как их… разные царства? Я уже не помню биологию.

— В мутациях мы с тобой оба не разбираемся. Что тут гадать? Ты это видел?

— Видел.

— Может, это и не растения вовсе? А просто, что-то, что выглядит, как растения. Саша, я думаю, мы тут столько всего еще не видели, что…

— Как так не растения?

— Ну не знаю я. И уже, думаю, никогда не узнаю. Просто, понимаешь, не все бывает тем, как оно выглядит. Страшно подумать, что тут происходит.

***

— Если здесь нет военных… то какой там дальше был план?

— Ехать. Особо-то планов у нас не водилось.

— Просто ехать?

— Да, просто ехать куда-то отсюда.

— Что ж... Значит, попробуем свалить из города? Какие мысли?

— Я, наверное, пас.

Волна мурашек пронеслась по коже.

— Почему? У тебя, что с каждым ударом по голове уровень «брединизма» повышается? Ахинею-то не неси.

— Я тут внезапно вспомнила, что меня чутка цапнула одна тварина. И я теперь пассажир небезопасный.

— Так, может, мы найдем кого-то? Вдруг есть уже лекарство.

— Ага, слепили за пару месяцев, когда те, кто должен лепить, бегают безумные. Ты знаешь, сколько у меня времени?

— Да откуда?

— Вот и я тоже, — грустно вздохнула, не теряя самообладания. — Но то время, что мне осталось — капля от океана часов, который нужен, чтобы найти лекарство. Хотя я и не верю, что оно есть.

— Я не буду даже обсуждать это с тобой! — с каким-то испугом в голосе сказал Саша. Так говорят, когда настаивают на своем, но знают, что собеседник серьезно намерен сделать все по-своему. — Едем только вместе. Как-нибудь придумаем, как мне себя с тобой вести. Как тебя перевозить.

***

— Ладно, ладно. А если я один просто не спасусь из города? Подумай с той стороны, что мне нужна помощь. Чтобы дотащить свою эту кровь, которую ты считаешь «слишком важной для человечества».

— Аргумент.

***

Саша остановил машину. Справа — длинное здание-гараж с десятком закрытых больших ворот. Самые дальние из них впереди распахнуты.

Приоткрыл дверь. Посмотрел в щель. Рядом вроде бы никого. Быстро выскочил из машины. Огляделся.

— Можно выйти, если хочешь.

Начал торопливо сдирать с лобового стекла прилипший мусор, отрывать дворники, отскребать форсунки стеклоомывателей.

Скрипнула дверь, женщина тоже вышла.

Размяла шею. Посмотрела налево. Там метрах в двухстах въезд в воинскую часть, через который они попали сюда. И оттуда, словно жидкость через горлышко бутылки, пустую емкость заполняла толпа «бывших».

Не десять, не двадцать, а как-то очень много трупников.

Маша все еще с кровью на зубах:

— Ты это видишь? Надо разогнаться хорошенько.

Когда Саша оглянулся на толпу, до этого скрытую за невысоким зданьицем, то несмотря на все пережитое, у него затряслись коленки. И если бы что-то было в кишечнике, то прямо сейчас это нашло бы выход наружу. Хоть в чем-то повезло.

Такое количество неживых он видел только в самом начале. Когда все улицы были заполнены.

Обернулся к Маше. Перевел взгляд вверх. Небо начинали затягивать тучи. Да и солнце скоро собиралось исчезнуть.

Прыжки в нечеловеческом стиле

— Почему... Почему их так много?!

— Просто я невезучая, — проскрипел уставший голос.

— Они что, просто шли за нашей тачкой? Да я их столько на дороге-то и не видел.

— Тебе же не все трупники на глаза показывались.

— Может и так, но посмотри, сколько их тут!

— Толпища! — как-то слишком уважительно подытожила Маша.

— Да мы даже не протиснемся через этот выезд. Их там по десять штук на квадратный метр.

— Угу, наверное, тачка тупо станет. Каюк. Я уже как-то замахалась совсем бегать. Но подыхать все равно страшновато, — ее руки противно тряслись. — Хоть бы одного американосовского пехотинца с собой прихватить!

Саша криво покосился на свою напарницу по западне:

— Автомат бы какой валялся…

— Я не знаю, поможет ли здесь автомат. Нужен броневик.

Река «бывших», все еще вливающаяся в воинскую часть, неравномерно распределялась по ее территории. Затем по толпе человекоедов прошла рябь — неровный строй «первых» разрывал «третий».

Саша без лишних слов прыгнул в машину. Сзади хлопнула вторая дверь. Дернул ручку передач. И поехал назад.

— Шеф, ты перед-зад не перепутал? Говорят, лучше ехать туда, — ткнула пальцем в лобовое.

Даже «полностью» избитая, она не собиралась переставать шутить.

— Ты правда думаешь, что я случайно включил заднюю скорость и не заметил? — нажал на середину руля и клаксон издал протяжный гудок. Потом еще несколько коротких.

Ядро толпы вильнуло и направилось прямиком на шум. Немного впереди неслись двое «вторых» и их нагонял «третий».

— Но заднее стекло-то ты не очистил.

— Я просто посмотрел назад, перед тем как сесть в машину, — снова нажал на сигнал.

Все заметили их. Даже заблудшие души, отбившиеся в сторону, теперь знали, куда бежать, идти, хромать и ползти. Толпа «любителей людей» потекла точно в направлении грязненького седана с близким простому русскому сердцу шильдиком на капоте.

***

На машине можно спастись из множества сложных ситуаций. Но она не проедет по дороге сплошь из «бывших».

Главная проблема спасавшихся — поток тварей не иссякал. Выезд в прямом смысле получался забит буйной массой голодных до человечинки. Еще и двигавшихся в противоположную сторону, от нужной Саше и Маше. Скоро здесь станет просто не развернуться.

Машина может сбивать твоих врагов, но не умеет творить чудеса.

Чудеса — работа того, чьи руки сжимают руль.

***

— Я надеялся перетянуть всех на одну сторону, сюда, — пристегнул ремень безопасности.

— Погнать их как бы влево от центра?

— Да. Потом дать по газам и объехать их справа по такой длинной дуге.

— Объехать их просто? Заманив сначала в другую сторону?

— Да, если они попрут все сюда, как бы влево, то там справа их, наверное, меньше останется.

— И там, где их меньше, мы и прорвемся?

— Я так рассчитывал.

— Хитро… Так жми на газ, Санчес!

— Да они не кончаются, — чуть ли не обиженным голосом произнес он. — Ты видишь, сколько их здесь? Почему там на пожаре столько не было?

— Да фиг знает, может, там запах горелого перебивал? А тут они нас чуят? Мы ж пахнем мясом.

Простое. Логичное. И даже элегантное объяснение.

— Саньтьего, не стоим. Газуем!

Включил первую:

— Ты же вроде помирать собиралась только что... — сцепление, газ, тронулись вперед.

— Да я и не передумала. Вот только тебя дурака хоть попробую из города вывести!

Сцепление. Вторая. Газ.

***

Сначала «третий» просто бежал. Но подгнившие мозги скумекали, что если не ускориться, то ужин уедет. И он начал прыгать.

— Сверхчеловек гребаный, мать твою! — прошептала Маша, разглядывая его в щель опущенного стекла.

Каждый прыжок на несколько метров.

Прыжки получались в каком-то нечеловеческом двойном стиле. Разгон бегом. Первый прыжок в длину. Приземление с приседом на корточки, второй огромный прыжок с кувырком через себя в финале. Снова перебежка для разгона.

— Просто тварина какая-то!

Не сложно догадаться, кто произнес эти слова.

***

Как это, когда на тебя собирается прыгнуть «третий»? И еще куча «бывших» у него на хвосте.

Вспомните детство. Вы едете на велике. Внезапно вас подрезает свора собак. Настоящая кучка крупных таких, недобрых псов.

Первым нападает вожак. За ним — ближние прихвостни. Дальше — остальные.

По мере того, как стая нагоняет, становится ясно — укусят за ногу. Вы очень быстро крутите педали. Стиль езды по международной классификации — удирание (можно произносить с французским акцентом и ударением на последний слог, как — удиранье). Но эта стратегия: не срабатывает.

Когда псы догоняют, вы: задираете эту свою несчастную ногу, чтобы не цапнули. Не помогает. А тут еще и догоняют остальные.

Поэтому вы спрыгиваете (или падаете) с велосипеда и пытаетесь защищаться им от своры.

В это время вы должны были испытать примерно то же самое (минимизированное) чувство неотвратимости, которое накрывало Сашу и его спутницу при виде несущегося на них «третьего». И его своры.

***

За прыгуном с заметным отставанием неслись «вторые». Когда самому высокосортному злодею до машины оставался один прыжок, Саша включил третью скорость и вдавил газ в пол. «Третий» прыгнул. Машина дернулась в ускорении. И он врезался в ее зад, вместо того, чтобы оказаться на крыше.

Красные осколки разбитых задних фонарей. Разъяренная, отбитая об асфальт, морда измененного бывшего человека.

— Ох, черт, — от удара тачка вильнула в сторону.

Маша повернулась и посмотрела в свое окно — нападавший кубарем покатился в сторону. Через мгновение зашевелился. Начал подниматься.

«Вторые» приближались.

— Не успеем объехать, — Саша повернул руль влево.

Теперь машина неслась почти в центр немного прореженной толпы «бывших». Сначала спасавшиеся пытались объехать эту массу с правой стороны. Там строй неживых еще не успел восстановиться после Сашиного «приманивания гудком» и оставался довольно редким. Но тварей, бросавшихся на их легковушку, все равно оказалось слишком много. А скоростной «третий» и совсем не медленные «вторые» заставили изменить план.

Поэтому Саша раньше времени повернул влево. Въехал почти в центр толпы, а дальше хотел махнуть почти напрямую к выезду. Так дорога получалась короче, ведь все равно хитрая затея провалилась.

Но видимо, и плану «Б» не суждено было показать высокую эффективность.

Машину затрясло от неживых тел, становившихся абсолютно мертвыми под колесами.

— Ой-ей, — только и вскрикивала Маша, подлетая на заднем сидении и пробуя свою голову на прочность об потолок.

***

Саша вилял вправо и влево. Пытался объехать хотя бы некоторых «бывших» — уменьшить удары по машине и сберечь лобовое. Инстинктивно начинал тормозить перед кучками человеческих фигур, возникавших на пути. Замедлился, так и не набрав достаточной скорости для прорыва.

Притормаживать в толпе врагов — очень опасная ошибка.

Задние боковые стекла брызнули в салон грязным серебром.

Внутрь ворвался вой. Крик. Десятки рук.

Маша заорала. Ее за лицо и волосы схватила рука «второго». Женщину практически выволокли через окно из машины. Но еще один «бывший» вцепился за ноги. И тянул назад. К своему окну. Потом каждому из них стали помогать новые протиснувшиеся грязные цепкие конечности.

Что-то оцарапало Саше шею сзади слева. Дернул головой. Пригнулся к рулю. Кто-то вцепился в воротник и тянул его назад. Он не оборачивался.

Скользящий удар по водительскому боковому стеклу. Потом в задних выбитых окнах просто не осталось свободного места, от тел и рук влезающих «бывших». И все это во время движения.

Саша вдавил педаль газа в пол. Маша, кажется, уже не кричала. Машина потеряла скорость, поэтому сорваться с места не получилось. Пока двигатель набирал обороты, их основательно облепили со всех сторон. Многие нападающие попали под колеса. Раздавался хруст и визг. Иногда легковушка еле-еле проезжала по этим «препятствиям».

Такому не учат в автошколах.

Понизил скорость — на вторую с третьей, так как на ней разогнаться не получалось. Их слишком плотно окружили.

Надавил на газ. «Ласточка» задергалась и пошла чуть увереннее. Руль влево, потом вправо. Вой волнами с этих сторон. Казалось, голова от этого крика вот-вот лопнет. Часть «бывших» отвалилась — двигателю стало легче. Резко вдавил педаль, и машина дернулась разгоняясь.

Бух — что-то тяжело приземлилось на крышу. Саша подпрыгнул от испуга так, что нога на секунду соскочила с педали.

Кшшш — заскрипели когти, когда «известно кто» старался удержаться.

Сверху по лобовому рассыпались трещины — три крупных ветвились на десятки мелких. Острые крохотные льдинки посыпались на капот.

Боковые стекла переднего ряда лопнули.

Сверху послышались удары. От страшного грохота Саша боялся потерять сознание. Или просто в один момент умереть. Казалось, что тебя бьют по стенкам черепа прямо изнутри головы.

Как только стекол в дверях не стало — его чуть не растерзали.

Удар в глаз. В нос. Почувствовал привкус крови. Чей-то палец попал в рот. Зацепился за щеку, потянул в сторону, поцарапав всю десну. Одна полусгнившая гадость даже отдаленно не похожая на человека попыталась забраться через правое окно. Саша ударил ее кулаком в голову. Руль от его рывка дернулся, машина вильнула, что стало дальше с «гостьей», улетевшей в окно, никто не знает.

Руки из окон перестали так сильно раздирать Сашу, когда легковушка наконец-то начала разгоняться выше средней скорости «бывших». А он не забывал вилять в стороны.

Кажется, его начало рвать. Желудок был пустой. Поэтому нутро только издавало эти звуки, а его владелец отплевывался кровавой слюной. Очень вероятно, что часть левого ряда зубов начала шататься.

От очередного взмаха ужасной ручищи лобовое превратилось в сплошную трещину. Еще удар, и оно ввалилось в салон. Грохнуло по рукам. Едва не снесло Саше нос. Мелкие стекляшки прилетели в лицо.

***

Спасало только то, что машина, перегруженная «бывшими», все же ускорялась. А водитель постоянно выкручивал руль в стороны

«Умеют же наши, не то что эти ваши иномарки», — сказала бы Маша.

Теперь он даже не понимал, где именно в воинской части едет.

Новые «бывшие», пытавшиеся залезть в салон, сталкивали тех, кто уже приноровился и просунул в него свои ручищи. Они здорово мешали друг другу. Это и давало Саше шанс на спасение.

Разглядев столб слева, крутанул руль и — буууух-шшшкх! Срезал об него всех прилипших к левой стороне.

На секунду посмотрел в зеркало заднего вида. Сердце замерло.

В салон залез «первый»! И уже взобрался на Машу.

Вильнул вправо, и неживой, не удержавшись, перевалился назад.

— Маша, — прошипел-позвал, чтобы «бывший» не обратил внимания на него. Хотя как она могла его услышать в этом стоне и гаме?

Переключаться на четвертую скорость не было смысла. Машина не могла разогнаться в такой толпе даже до предела третьей. Теперь он просто старался не сбавлять уже набранное и кидать тачку в стороны, чтобы усложнить дело нападавших.

«Первый», что пролез в салон, неуклюже катался по полу. Маша каким-то чудом не свалилась с сиденья, хотя с виду не подавала признаков жизни. Лица на ней, можно сказать, не было.

***

Мотор ревел. Грязные руки били в лицо. Звездочки и темные круги перед глазами.

Огромная ручища, пыталась достать его через дыру, оставшуюся от лобового. Это явно был «третий». Царапнул своими пальцами по лбу.

Машина не справлялась. Точнее, Саша. Во время своей неудачной попытки прорыва слишком замедлился и теперь не мог разогнаться. Чтобы оторваться.

Они сами приехали на эшафот. И привели за собой палачей.

Вокруг — замкнутое пространство и десятки человекоедов. «Первые» (и прочие по счету) без инстинкта самосохранения бросаются на тачку. Пытаются втиснуться внутрь. И валятся под колеса. Упокаиваются пачками. Но из-за этой приятной мелочи и сложно разогнаться.

«Ласточка» иногда начинала подозрительно пофыркивать и подвывать.

В поисках убийственных предметов

Маленькое личное море бывших людей раскачивало механическую лодку Саши. То и дело, капелька этого моря переливалась за борт. И ударяла по лицу.

Его план не провалился. Пока подводило исполнение. Никто не может быть готов к подобному. Но у такой ошибки цена ровно две жизни. Это если считать Машу живой.

Машина слишком замедлилась. Из-за налипших «бывших» стала тяжелой, неповоротливой и убийственной. Для пассажиров. Поэтому, когда он заметил в неживой толпе «дыру», то вывернул руль в ее сторону и надавил на газ.

Резко и удачно вильнув, сбил-стряхнул большую часть прицепившихся мертвоходов. Потом, буквально на пару секунд, затормозил в месте, где «бывших» оказалось меньше всего. «Третий», что атаковал с крыши, слетел на капот и, смяв его, кубарем скатился под колеса. Сумевшие удержаться человекоеды тоже повалились на грязный асфальт.

Переключил на первую.

На этой скорости лежавшего прямо на пути «третьего» не переехать. На нем можно было только застрять. Саша вывернул руль вправо, будто собираясь его объехать, и проехался исключительно по ногам. С поломанными прыгалками шустрости у этого не зеленого кузнечика поубавится.

Снова начал сигналить и уезжать в сторону, изувеченная тварь взвыла ему вслед.

Саша шумел, чтобы увлечь за собой мертвоходов. Но «бывшие» потянулись бы за машиной и без дополнительной звуковой мотивации.

Включил вторую передачу.

Двигатель выдавал километров до двадцати скорости. Автомобиль, больше похожий на вывернутую наизнанку мясную лавку, снова объезжал внутренний двор базы. И опять слева направо.

В этот раз (на самом деле спустя всего минуту-другую после первой попытки прорваться) Саша действовал так же — разгонялся вдали от выезда, чтобы только на пике скорости оказаться возле него.

А заодно, чтобы большая часть «бывших» плелась позади машины. И здесь он уже не даст поймать себя в ловушку — бесстрастно станет сбивать всех и вся. И скорость должна в этом помочь. Главное, чтобы у машинки хватило сил.

Конечно, это получилась каша.

Только в его фантазиях хоть какая-то часть человекоедов собиралась плестись сзади, а не запрыгивать на капот, в окна и под колеса. На самом деле трупники были везде. И часть их действительно держалась строго в хвосте. Но в основном хворые, покалеченные и только что восставшие из-под колес. А остальные бросались на машину как и прежде. Просто теперь едва живая легковушка пыталась ехать чуть быстрее и вилять гораздо чаще. Поэтому «бывшим» труднее стало зацепиться. А тот, что все-таки забрался в салон, катался по нему, как гнилой клубень в дырявом ведре.

Боевой опыт.

Пока добирался до цели, сбил только семерых человекоедов. Сбил — это именно наехал и переехал с хрустом и подпрыгиванием машины. То есть, раздавил капитально. Насовсем. С десяток-другой неживых просто получили удар в бедро или таз и улетели оформлять больничный. Многие, пытаясь впрыгнуть в окна, подытожили свою гниложизнь под протекторами задних колес. Самое приятное, что они гибли из-за тех неживых товарищей, что, пытаясь повторить их успех, запрыгивал на них сверху. «Бывшие» шли друг у друга по головам. Телам. Зубам. И всему остальному. Гастрономический лифт смерти.

***

Иногда, когда Саша мельком успевал посмотреть, что происходит снаружи, то замечал, как некоторые «бывшие» останавливались и ели своих. То есть, часть неживых все же отвлеклась от беглецов на перекус.

***

Тот, что катался по салону, смог-таки встать и снова накинулся на Машу. На водителя, к счастью, он не обращал внимания. Саша, стараясь не потерять управление, с третьей попытки открыл бардачок. В куче хлама нащупал что-то твердое. Схватил и вытащил — старенькие пассатижи. Перехватил руль, резко обернулся и в удачном выпаде вмазал ими «первому» в ухо.

Судьбу пассатижей и реакцию «пассажира» никто так и не узнал. Под колеса кто-то бросился. Машину тряхнуло, Саша полетел головой в потолок, причем во что-то мягко-липкое. До кучи они наехали на еще нескольких «бывших», сбитых когда-то раньше. И теперь ехали как по стиральной доске. Только из людей.

Что-то скребло, дребезжало и стучало — Сашина «ласточка» начинала разваливаться.

Вторая скорость почти на пределе. И как раз во время. Пора плавно поворачивать влево, чтобы чуть позже, оказавшись в центре площадки прямо напротив въезда в часть, переключиться на третью. И вырваться отсюда. Повернул руль левее и этим движением легко скосил пару пачек неживых, но получил дополнительный удар по лицу.

***

За два-три десятка метров перед выездом из части Саша постарался более-менее выровнять машину. Теперь они ехали относительно прямо — в распахнутые ворота. Заполненные бывшими. Промахнуться очень сложно, но не невозможно. Ведь каждую секунду кто-то влетал под колеса, и машину подкидывало и заносило. Управляемость ее казалась очень иллюзорной. Надо постоянно быть начеку.

Врубил третью скорость и начал финальный разгон.

Пахло паленой резиной. И мясом.

***

Когда можно сбивать пешеходов — водить значительно проще. И удаются трюки, о которых ты раньше и не мечтал.

***

Хотелось превратиться в комок.

Сжаться.

Как элементы, наполняющие сверхновые. Или какие-то другие звезды.

Хотелось стать маленьким маковым семечком. И пусть бы его унес ветер.

Скорее бы все закончилось.

Трясло и кидало в разные стороны. В окна прыгали «бывшие». Правда, удары прилетали в лицо немного реже. Лоб разодрали. Кровь вместе с потом заливала глаза. Хотелось вытереть, но отпускать сейчас руль хоть на секунду — риск потерять управление. Саша — просто

одна напряженная мышца. Что бы ни происходило, он не должен дернуться, сдвинуться, отвернуться. Пот в глаза? Кровь? Пусть. Держать крепче руль. Ехать прямо. Им и так просто везло, что машина не глохла. Не переворачивалась. И проскакивала всех, кто попадал под колеса.

«Если выживем, надо поставить памятник конструкторам этой машинки», — подумал бы Саша, будь у него время, и располагай к этому условия их с Машей смертельного вояжа.

Из-под смятого капота снова потянуло дымом. А возможно, это выкарабкалось воспоминание из прошлого. Или из будущего. Тот, кто крутил баранку, уже не понимал, где явь, где бред, а где предвидение.

Мир размазался одним единственным оставшимся дворником, который вдруг ни с того ни с сего заработал.

По ощущениям скорость перевалила за 50 км. И «бывшие», решившие испробовать бампера, теперь с ревом улетали в стороны. Но и машину начинало сильнее раскачивать от каждого удара. Это вам не какой-нибудь заниженный японец, который бы срезал всех тут, как нож грибы.

Саша, вдавливая газ, почувствовал, что уперся ногой в пол.

Машина неслась по прямой. К воротам. После — еще метров десять до основной дороги, где нужно будет повернуть налево.

«Бывшие» текли навстречу неравномерным потоком. Где-то меньше, где-то больше.

Тех, что попадали под колеса, машина просто «проглатывала» и ехала дальше. Остальные моментально улетали в сторону.

Наверное, на скорости ближе к 60 километрам он влетел в ворота воинской части. Не будь на пути тормозящих препятствий, удалось бы разогнаться и сильнее. Но и то, что получилось, должно было сработать. Дальше примерно десять метров асфальта, с которого никуда не свернуть. Потом спасительный перекресток.

Саша пригнулся к рулю. Постарался сжать его так, чтобы он не поворачивался ни на миллиметр.

«Бывшие» подлетали вверх. Их ноги и руки от ударов, а может, и от старых повреждений, отрывались и отправлялись в собственное путешествие.

Движок взвыл, когда машина вспахивала эту неживую целину. Но «ласточка», созданная на родной земле, выдержала эти последние самые кровавые метры, выдавая фонтан «бывших» за фонтаном. К тому моменту, когда пора было резко давать влево, машина как раз замедлилась, и у Саши появился шанс не перевернуться. Ведь на такой скорости он еще никогда не входил в поворот.

Переключился на вторую. Плавно вывернул руль. На время потерял управление. Притормозил. Сильно повело в сторону. Колеса сорвали ковер мусора, покрывавшего асфальт, когда зад машины занесло. Кучка «бывших» смягчила опасное завершение маневра. Саша влетел в них правым задним крылом. Человекоеды ценой своей жизни плавно остановили занос, разлетевшись по кускам в стороны. Выровняв машину, Саша надавил на педаль газа.

Теперь нужно спасаться из города.

***

Старался ехать аккуратно. «Ласточка» уже плохо откликалась на команды и цепляла брошенные тачки. Дергалась, тряслась, из-под капота иногда валил дым.

И тут Саша вспомнил — с ними «бывший». Резко обернулся и увидел, что тот, лежа на полу, вяло грызет Мишину руку. Точнее пытается прогрызть ее куртку. Все-таки удар пассатижами несколько угомонил его. Всюду кровь. Ошметки плоти.

«Что? Что делать?» — не мог решиться на правильное действие.

Начнет оттаскивать, и «первый» накинется на него. Тогда придется останавливаться. Не начнет помогать, тогда он сожрет Машу.

«Если она еще жива».

Определиться помогла машина.

Газ почти перестал откликаться — нажимаешь на педаль, а толку почти нет. Саша понял, что это все, что получилось выжать из его «ласточки». И она не подвела. Но горько осознавать, что это конец их автомобильного путешествия. Он только надеялся, что начало везти.

***

Они ехали по Краснинскому шоссе. Первая полоса от дороги — небольшие торговые центры, автосалоны — коммерческая недвижимость. Таких несколько в каждом районе — пара этажей по несколько сотен квадратных метров. Здесь город еще не успели так плотно застроить жильем. Поэтому, наверное, «бывших» вокруг было

не так много. Завернув к чему-то продуктово-вещевому, Саша остановил уже катящуюся по инерции машину. Двигатель — брррр — и, кажется, заглох.

Выскочил наружу. Позади — черно-мокрый след из технических жидкостей. Запахло маслом и еще чем-то. Весь кузов — в крови и мясе. Внешний вид водителя и машины стоили друг друга. Словно оба вырвались из преисподней. Или, наоборот, ворвались.

Осмотрелся в поисках убийственных предметов.

— Да плевать уже, — рванул на себя ручку задней двери.

Неживой ворочался в полумраке салона. Схватил его за ноги и потянул вон из машины. «Бывший» вцепился в руку женщины и потащил ее за собой, повалив на пол. Она ударилась лицом о спинку переднего сидения, но даже от этого не очнулась.

Саша, несмотря на то, что боролся с «бывшим», чувствовал ком в горле. Слезы на глазах. Кажется, он потерял последнего... друга?

«Первый» все никак не отцеплялся от Маши. Тогда раздраженный мужчина залез в машину и со всей силы ударил его кулаком по морде. Потом замахнулся, насколько возможно, и вмазал еще раз. Схватил за шкирку и выволок. Пытался положить головой под дверь, чтобы ей зашибить, но тот вывернулся и обернулся.

Саша увидел морду покалеченного «первого». Без глаз, без зубов, почти без лица.

Но это вовсе не означало, что существу не стоит встречаться с автомобильной дверью. Саша прижал его ногой и несколько раз хорошенько приложил. Перевернул, со всей силы ударил по шее.

Хрустнуло.

Размяк.

Покончено.

Облокотился на машину и осмотрелся. На несколько десятков метров чисто. Но дальше тут и там в его сторону брели кучки «бывших».

— Маша! Маш! — с надеждой позвал он.

Женщина не откликнулась.

Жужжалка

Оглянулся на маслянистый след, что тянулся за машиной. Пахло бензином и рабочей смазкой.

Тонкие усики дыма то появлялись из-под разбитого капота цвета гнилого мяса, то снова пропадали. Казалось, что там все еще что-то гудит. Кто знает, Саша ведь не глушил мотор.

«Бывшие» словно дали им небольшую передышку.

«Может, запах масла сбивает их со следа? А запах мяса на кузове наоборот привлекает?»

Кряхтя, как мог аккуратно, вытащил напарницу из машины. Присел, кое-как взвалил на плечо. Схватившись за дверь и кузов, из последних сил поднялся на ноги. Потемнело в глазах. Ноша казалась невозможно тяжелой. Пришлось несколько секунд постоять, чтобы поймать равновесие. Медленно, шатаясь, побрел прочь от машины, спасшей, а возможно, просто продлившей им жизнь.

Силы и способность к выживанию имеют склонность заканчиваться.

Одной рукой опирался о стену здания, чтобы было легче идти. Свернул за угол. Стихийная парковка. Пошел дальше. От напряжения даже губы сводило трясучкой-судорогой. Боль в разбитом лице и голове уже не ощущалась. Просто все гудело и зудело.

Обошел мини-ТЦ. Увидел дальше несколько больших зданий, возможно, складов. Двинулся туда. Тонированный внедорожник. Дернул ручку — дверь открылась. Внутри пара трупов на передних сидениях. Из голов растет «не мох» в крышу. Делать нечего — идти дальше нет сил. А сквозь тонировку их не разглядят. Да и пора бы спрятаться куда-то, от тех, кто уже должен прибежать к оставленной машине. Забросил Машу на заднее, сам залез с другой стороны.

Глубоко вдохнул и шумно выдохнул.

Посмотрел на Машу. Подумал секунду. Вышел. Затравленно огляделся. Открыл багажник. Достал канистры с маслом, омывашкой — всем, что нашлось. Разлил вокруг своего убежища на колесах. Сорвал с воздуховодов на панели жидкий ароматизатор и обрызгал снаружи кузов.

«Должно перебить запах. Если дело в нем».

***

Усадил женщину ровнее на сидении. Лицо в крови. Губы ободраны, одна разорвана в уголке. Кажется, много раз сломан нос.

— Маша? Маша! — позвал, не рассчитывая на ответ.

Царапины от ногтей идут со лба дальше к линии волос. Одно ухо тоже поломано и немного оторвано.

— Ну хоть глаза открой?

Она и раньше не выглядела предрасположенной к длинной жизни. А сейчас так вообще, казалась уже шагнувшей за край отведенных на земле ударов сердца.

Но Маша все еще была жива.

Теплая.

Даже горячая.

И слабый, едва пробивающийся пульс.

«Такое возможно? Разве при слабом пульсе она не должна быть холодной?»

Саша взял женщину за плечи и аккуратно встряхнул. Несколько раз громко позвал прямо рядом с ухом, чтобы точно услышала.

Тишина — единственный ответ.

Потом случайно посмотрел на ее руки. Пальцы в густой черной жиже. Понял, что, наверное, это она выколола глаза тому «первому», что влез в салон. Все-таки тогда она еще боролась.

Но, видимо, путь ее борьбы завершен.

На обеих руках были пальцы, неестественно вывернутые.

У Саши сжалось сердце.

«Столько всего вытерпеть, и ради чего? Сидели бы дома, были бы живы! С другой стороны те, кто сидят дома, тоже давно уже мертвы».

***

Какое-то время спустя. Возможно, вздремнул. Или просто забыл, что происходило секунду назад.

Маша не приходила в себя.

Несколько «бывших» появились из-за угла. Словно двигались по следу. Потом пошли обратно. Видимо, к брошенной машине с окончательно мертвым «первым». Появились другие. Покружили и тоже ушли.

***

Мох, вросший в потолок, немного прогнулся. Словно тянулся в сторону живых.

***

Когда Саша прикоснулся к Маше в последний раз, то не смог нащупать пульс. Хотя ее кожа еще не растратила свое тепло.

«Может, просто мои отбитые пальцы уже ничего не чувствуют?»

Горько. Больно. И жалко себя.

Вместе с тем, Саша обнаружил внутри какую-то собранность. Словно у него отсекли все лишнее… или просто отсекли все, без чего можно жить. При себе, нет, в себе осталось только самое нужное. Не ценное, а необходимое для выживания одной маленькой человеческой точки.

***

Как будто он закончил все дела. С каким бы итогом не получилось их закончить. И теперь мог идти.

***

Тучи сделали плоское небо бугристым и придержали лившийся сверху свет. Тепло окончательно ушло. Но там, в городе, еще было светло. От огня.

Посмотрел на Машу. Прикоснулся к руке. Почти холодная. Вздохнул. Сжал ее ладонь. Покивал, словно соглашаясь с чем-то:

— Вот тебе и американцы. И бельгийцы.

***

Саша вышел. Осмотрелся. Прошел за угол к дальней стороне здания. Там был вход для персонала. И велопарковка. С пристегнутым велосипедом.

«Видимо, это знак».

Из ближайшей незапертой легковушки достал пассатижи. И через пару минут возни перекусил дешевенький тросик-замок. Теперь у него был велосипед. Со спущенными колесами.

Сзади раздался шум, и Саша запрыгнул в машину.

Прошла парочка «бывших». Когда они исчезли, раздобыл ножной насос в багажнике этой же легковушки. Откатил велосипед в сторону. Увидел объездную дорожку от ТЦ в направлении Краснинского шоссе. На него придется вернуться для побега из города. Дорожка вроде бы шла параллельно Краснинскому, только за коммерческими строениями.

То есть, он мог выехать на нужную дорогу, но в километре или двух от этого места. И это было не плохо.

Накачав колеса и прицепив насос к рулю, содрал с цепи налипший мусор и со скрипом поехал.

Сиденье было неудобным.

Саша повернул голову в сторону машины, в которой оставалась Маша. Несколько секунд посмотрел, словно ожидая чего-то.

Глаза заслезились. Захрустела цепь.

***

Тело одолевала непобедимая усталость. Мутная явь пульсировала в его голове фрагментами петляющей дороги и кошмарных воспоминаний. Из-за боли пришлось менять поочередно руки, долго держаться за руль было невыносимо. Саша и не заметил, как ему отбили все тело. И теперь оно сообщало о новых неполадках каждую минуту.

Дум-дум-дум — стучало в висках.

Из нескольких кустов на него пыталось что-то ползти, но догнать не могло.

Этот мир кишел не жизнью. Везде кто-то шевелился, ползал и хотел им отужинать. Но лучшие охотники сейчас лежали передавленные в другом месте.

***

Проехав знак «Вы выезжаете из города N», перед которым стоял муляж стационарной «треноги», Саша начал спуск с огромной горки. Пока катился — отдыхал и искал в себе остатки силы воли. Хотелось просто лечь и уснуть. Включил пониженную скорость специально для подъема и налег на педали. Не чувствуя легкие, въехал на горку. Бросил велик. И сел. Обернулся. Увидел — на той высоте, с которой только что скатился, несколько размытых разномастных фигур.

«Показалось?»

***

«Это все один день. Все произошло за один день», — повторял он себе, когда вспоминал семью.

Педали крутились. А дорога сзади, как стремящаяся вправо линия загрузки файла словно толкала его в спину. Он двигался дальше и сохранял свою жизнь в воспоминаниях об увиденном и ощутимом.

Впереди неизвестные километры существования, позади то, что было дорого, красиво, родно.

То, что позади — не живо.

Память. Еще не замещенные чем-то новым связи обреченных нейронов.

***

Педали. Страх. Усталость.

Проверял попадавшиеся брошенные машины. Их было много. Но аккумуляторы впали в кому.

В одной нашел бутылку газировки. Попил. Умылся. А почему бы и нет?

В другой ножик.

В третьей догадался вскрыть аптечку. Закинулся обезболивающими. Смазал мазью ссадины и раны.

Когда находил силы, разливал позади себя на асфальт моторное масло, тосол, все, что попадалось в тачках. Лишь бы сбить со следа возможных преследователей. Ему казалось, что они есть.

***

Догадался смазать цепь.

***

Забрал какую-то сумку из очередной легковушки. Для хабара.

***

В придорожном ларьке с названием «Игорек» выпил энергетиков. Съел чипсов и сухариков. Шоколадок. Возможно, заснул.

Сумка пригодилась. Хотя вспомнил он о ней только, когда уже набил полные карманы.

На сумке был принт. Девочки и аниме.

***

Было уже утро. Далеко на дороге. Позади. На одной из горок. Озаренных восходящим солнцем в разрыве туч. Увидел несколько размытых фигур.

Он чуть не заплакал от страха и отчаяния:

— Как? Как вы меня находите?

Кто-то все это время шел за ним? Или так ему только кажется? Все, что позади, какое-то размытое. Нечеткое.

***

Неизвестно, сколько прошло времени. Саша не вел с собой внутренних диалогов. Вся его жизнь свелась к образному мышлению. Есть. Пить. Крутить педали.

Он даже смутно не понимал, что делает. Куда едет. И не пора ли остановиться.

***

Пил энергетики и крутил педали. Кажется, без сна прошли еще сутки. А может быть, все это заняло какой-то ускоренный час. А может быть, даже и был какой-то сон.

***

Кроме усталости педали приносили еще и километры безжизненной родины. Дома, домишки — темные окна. Размытые фигуры вдалеке. Смутные.

Редкие иссохшие трупы на дороге и в машинах. Многие легковушки оказались без пассажиров.

«Не мха» больше не попадалось. Кажется.

***

Вдалеке.

Справа, на поле. Стоял десяток больших темных машин. Возможно, зеленых, не разобрать. Грубых. Угловатых. Как будто опасных.

Или каких-то таких.

Земля в рытвинах. Или норах. Некоторые многоколесные машины почему-то лежали этими самыми колесами кверху.

Саша даже толком и не понял, что увидел. Но это ему не понравилось, и он ускоренно закрутил педали.

Не оглядывался.

Не смотрел по сторонам. И не видел того, что там было. Или могло бы быть.

***

Наверное, Саше следовало обессиленному упасть и уснуть. Или умереть от чего-то, что случается с перегруженным сердцем.

Но потом произошло это, и он не умер.

***

Однажды услышал жужжание. Со временем понял — звук с ним уже долго. Но раньше он почему-то не отделял его от шума в собственной голове.

А теперь отделил.

Впрочем, мозги уже давно с джокерской улыбкой помахали ему рукой и принялись чудить.

***

Снова жужжание.

Остановился. Бросил велосипед и сел на асфальт.

Лег. Отдохнуть.

Руки и ноги ощущал, будто это чувствительные протезы, а не родные конечности.

Вздохнул. Закрыл глаза.

Калейдоскоп. Тьма.

Жж-жж-ж — над головой.

Раскрыл. Посмотрел. Увидел. Над ним кружит какая-то птица.

***

Время спустя. Секунду или час. Саша как смог сфокусировал свои (видевшие в этой жизни слишком многое) глаза и понял. Сверху жужжит что-то угловато-обтекаемое. И совсем низко.

Не птица. Или не совсем птица.

Нет, глаза не отказывались выполнять свои обязательства по контракту. Они давали хорошую картинку. Но приемник информации затруднялся ее обрабатывать. Или не мог. Саша видел жужжалку. Не хватало сил понять, вспомнить, что это такое.

Да и было как-то все равно.

А еще холодно.

***

Надоедливый звук завис в нескольких метрах. Саша помахал ему рукой. А может быть, это просто прострелила судорога.

Жужжалка еще снизилась.

Что-то рукотворное. Размером со средний плоский телевизор.

Помнить, что такое телевизор, но не понимать, что за штука перед глазами?

Нащупал карман. Вспомнил про сумку. Достал последнюю банку энергетика.

— Эээыыы, — присел.

Пшшш-ик-цссс.

Зачем-то посвистел на не-птицу, будто подзывая, как собачку.

Махнул банкой. Словно хотел с ней чокнуться.

Выпил половину.

Потрогал сердце под курткой. И не понял, чувствует его биение или нет. И чувствуют ли хоть что-нибудь его руки.

И если сердце не стучит, то, может, уже все? Незачем брыкаться и пора лечь спать?

Долго смотрел на звук.

Не-птица жужжала пропеллерами по бокам или чем-то таким. Саша таких штук ни разу не видел. Только похожие. И то были игрушки. А это — что-то серьезное. Грубое. Угловатое. Наверное.

С трудом сел на велосипед.

— Ну? Куда? — спросил он в шутку.

Жужжалка какое-то время просто висела в воздухе. Потом — вверх-вниз покачала боками. И, перейдя с жужжания на гудение, развернулась вокруг своей оси и медленно поплыла в сторону одной из дорог.

Впереди асфальтовым цветком вырос перекресток.

Саша скрипнул педалями. Через десяток метров выбросил пустую банку.

Оглянулся и никого не увидел позади себя. И впереди тоже. Кроме жужжалки. Но она была «что», а не «кто».

Только бугристые темные тучи терлись боками. Выцарапывали друг из друга первый мелкий снег, больше похожий на сплющенный град. А лицо Саши лизнул ветер, обычно пробирающий до самых остатков души.

Но он не почувствовал ничего.

Конец первой книги.

Конец